

Юрий КРАСАВИН

ЯМУГА

Повести и рассказы

2017 г.

ББК Р6
К 78

Текст печатается по изданию : Красавин Ю.В. Полное собрание художественных произведений.- Тверь.: Наука и культура, 2010.

© Красавин Ю.В., наследники. 2017 г.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН

Родился 7 января 1938 года в селе Мелковичи Солецкого района Новгородской области. Детство прошло в деревне Ремнево Калязинского района Тверской области. Закончил Калязинский машиностроительный техникум в 1959 году. Работал конструктором на Конаковском фаянсовом заводе, учителем в школе рабочей молодежи г. Конаково, собственным корреспондентом газеты «Калининская правда».

В 1969 году закончил Литературный институт им. Горького в Москве.

Член Союза писателей СССР с 1972 года.

В 1975-1982 гг. руководил Новгородской писательской организацией.

С 1984 по 2013 год проживал в г. Конаково Тверской области.

Лауреат литературной премии им. Н. Островского.

Автор четырнадцати книг прозы, вышедших в издательствах: «Молодая гвардия», «Московский рабочий», «Советский писатель», «Современник», «Советская Россия», «Детская литература», «Лениздат» и других.

Более тридцати романов и повестей опубликовал в журналах «Новый мир», «Знамя», «Наш современник», «Роман-газета», «Октябрь», «Нева», «Звезда», «Север», «Волга», «Москва», «Дальний Восток», «Дон», «Подъём», «Русская провинция».

ДЕЛО СВЯТОЕ

Романтическая повесть

1.

Он проснулся - чужая постель, чужой воздух, чужая женщина рядом... Первым чувством было недоумение, первой мыслью: «Куда это меня занесло?». И тотчас вспомнил: «Ах, да...». Вчерашняя бесконечная дорога с пересадками из одного автобуса в другой - словно долгий полёт из морозного утра через блистающий солнцем день в звездный вечер и ночь; из моторного гула и людского говора, из дорожной тряски в тишину и покой, когда можно слышать, как паучок под потолком в углу прядёт свою паутину.

Та, что спала рядом с ним, повернулась, вздохнула глубоко, поднялась и стала одеваться, не зажигая света. Потом прошла на кухню, щелкнула выключателем и, не опасаясь обеспокоить гостя, звякала ковшиком о ведро, стучала чем-то о стол... может быть, даже намеренно. Вдруг оказалась возле кровати:

- Вставай-вставай... нечего разлеживаться! Мне на работу пора.

Помолчала и добавила сердито:

- Сделал свое дело и уходи.

Соломатин Флавий Михайлович, «сделавший свое дело», пошевелился, давая понять, что уже не спит, но распоряжению её не внял, потому как вставать не хотелось. Он так рассудил: уж раз оказался тут, то зачем спешить? Еще только светает, весь день впереди, нигде его не ждут... И кто она такая, чтоб так-то командовать им? Не мать, не жена и даже не сестра - просто женщина, с которой он волею случая проспал одну ночь. В конце концов он тут гость, а с гостем надо обращаться ласково. Особенно если он того заслуживает.

- Молоко и хлеб на столе, - продолжала хозяйка дома уверенным тоном, который ясно свидетельствовал, что она не сомневается: её распоряжения будут выполнены. - Наружную дверь запири на замок, ключ положи к окну за наличник.

По голосу её можно было понять, что она хмурится, что она раздражена. Отчего? Чем она недовольна? Не с той ноги встала?

- Обворую дом, - сказал он сонно.

- На здоровье, - отозвалась она, одеваясь и обуваясь у порога, и добавила потише. - Было бы чего красть.

Он понял, что она сейчас уйдёт, и оставаться тут одному вроде как не с руки.

- Самовар... Куриц с нашести.

Она не приняла его шутки, сказала серьёзно:

- Ничего, милиция найдёт.

Чем он провинился? Спали дружно... разговор перед сном вели душевный. Теперь же она строго и требовательно:

- Постарайся, чтоб тебя никто у нас в деревне не видел. Еще не хватало мне, чтоб сплетни потом плели.

Это вместо «до свиданья», вместе прощального поцелуя, который был бы вполне уместен в данной ситуации. И ушла. Грубиянка... невоспитанная особа... черствая душа.

Флавий Михайлович зябко поёжился под ватным одеялом, словно от подувшего вдруг холодного ветра. Но вчерашнее довольно утомительное путешествие да и чрезвычайные ночные обстоятельства давали о себе знать: вставать не хотелось.

А о самоваре сказал не зря: очень уж он понравился ему вчера: этакий добродушный толстячок - у него замечательное свойство: любое, даже самое скучное лицо зеркально отразит веселым, потому как и сурово сжатый рот на нём улыбается - такая в нем особенность. И шумел забавно, при этом посвистывал - как сверчок.

Флавий Михайлович перевернулся на другой бок и погрузился в полудрёму. Поплыли в памяти события вчерашнего дня: как ехал в междугороднем автобусе из Новгорода в Тверь и познакомился с молодой женщиной, сидевшей рядом; как разговаривали они, чувствуя нарастающее расположение друг к другу. Звали её Ольга, отчества свое-

го она не назвала: молода, мол, еще для отчества. А его имя удивило её настолько, что она переспросила дважды и даже заподозрила, что он иностранец. Соломатин отрицать не стал и несколько развил это её предположение.

- Две тысячи лет назад наш род - род Флавиев в республиканском Риме пользовался большим весом, - объяснил он ей. - Мы дали Риму две императорские династии: первая - Веспасиан, Тит, Домициан - правила лет тридцать; вторая - от Константина Первого до Юлиана - вдвое дольше.

- О, Господи! - сказала спутница, пораженная в самое сердце невысказанными ей именами, и повторила их неуверенно. - Веспасиан... Домициан.

Она была далека от познаний в древней истории - это ясно, и тем более понравилась ему, как понравилась и прояснившаяся вдруг древность его собственного рода.

- Была еще третья династия, которая носила имя Флавиев, - охотно вспоминал Соломатин, - она правила сто лет. Так что я прямой потомок... оттуда и угодил прямо сюда.

Тут она засмеялась:

- А как вас жена зовёт? Флабочка? Или... Лава?

- Вот так: приношу тебе, владыка, величайшую благодарность за то, что ты среди важнейших занятий достаиваешь меня своим руководством, а потому прошу тебя сходить в магазин за хлебом... Или так: не в ущерб величию твоему, владыка, снизойди к моим заботам, раз ты дал мне право обращаться к тебе в сомнительных случаях, а потому подвинься, я лягу...

- Надо же! - простодушно дивилась эта Ольга и вспыхивала смехом.

У неё были редкой красоты зубы - ровненькие, один к одному и сахарной белизны. Она знала это, потому-то столь охотно и улыбалась, и смеялась.

А потом был у них разговор, который ещё более сблизил их. Потому к Твери подъезжали - расставаться не хотелось обоим, и с юношеской безрассудностью Соломатин изменил свой маршрут: сел вместе с нею в другой автобус, поменьше, который повез их в городок район-

ный; а дальнейшее поведение Соломатина было и вовсе дурацким – уже третий автобус, дребезжащий, насквозь простуженный, минут за двадцать доставил их в большое село с церковью, магазином, школой и даже с двумя уличными фонарями; здесь, как выяснилось, его спутница работала в колхозной конторе – то ли бухгалтером, то ли экономистом, а вернее, и тем, и другим. Но жила она отнюдь не в этом селе – им предстоял ещё пеший путь.

«Экой я дурак!» – подивился теперь Соломатин, лёжа в постели и вспоминая.

Уже в вечерней темноте шли они по заснеженному полю, по бездорожью до маленькой деревеньки. Тут отперли дверь дома с темными окнами, на ощупь прошли по сеням – женщина впереди, он за нею – и вступили в промерзшее, словно вовсе нежилое помещение, то есть собственно в избу. Печку растопили, самовар разогрели, ужинали...

Сначала-то, еще в автобусе, общение их происходило весело, как шутка или игра; женщина даже смелей его была, все время сохраняя уверенное положение и даже подтрунивая над ним. Но вот когда шли в деревню её и когда уже отпирали дверь дома, обычное женское кокетство перешло в озабоченность, нараставшее смущение становилось растерянностью... и даже паникой! Это когда он сказал, уже вставая из-за стола, за которым ужинали вдвоём:

- Ну что, Оля, стели постель... пора.

И вот тут полное смятение отразилось на её лице, она выговорила произвольно:

– Ой, я боюсь.

Крупная женщина, в цветущем возрасте – двадцати семи или двадцати восьми лет от роду, уже побывавшая замужем... Она не могла смотреть ему в глаза, не могла найти места рукам и голоса своего не слышала.

-Знаете что, вы тут спите, а я к тетке Вале пойду.

Она и впрямь хотела уйти, но он удержал ее, взяв за руку, и так укоризненно покачал головой, что она смутилась ещё больше.

- Да ты что, Оля!

Она села на лавку, встала, опять села, словно боясь постели, будто не постель это, а плаха для казни. Слышно, прошептала:

- Ой, боюсь...

- Ну, от этого ещё никто не умирал, - заметил он ей ради утешения или ободрения. - И не мы с тобой это вообще-то придумали - спать вдвоём.

На что она отозвалась недоверчиво:

- Да?

Тут уж Соломатин совсем развеселился:

- Уверю тебя!

Она засмеялась коротко, словно боязливо.

- Чего ты испугалась-то? - укорил он, легонько подталкивая её к кровати, поторапливал, уже в нетерпении. - Я не резать тебя собираюсь. Давай-давай, раздевайся... не девочка по шестнадцатому годику.

Разумеется, надо было её обнять и поцеловать, и сказать пылким шепотом нежные слова, но слова эти и шепот - когда люди соединяются по любви, а тут другое... Он из непонятого и самому себе чувства не хотел произносить торопливых, взволнованных слов - душа его протестовала! Он движим был не сердечным и не плотским влечением, а как бы чувством долга.

Наконец, она превозмогла себя, с обреченным видом разобрала постель, села на край её и опять произнесла растерянно:

- Боюсь.

Он стал расстегивать пуговицы её кофты. Она его оттолкнула:

- Ещё чего! Я сама...

Выключила свет.

- Зачем?! - запротестовал он.

- Что же я, при свете буду раздеваться? - возмутилась она.

Скрипнули половицы. Это она прошла по комнате и повесила что-то в переднем углу, вернулась и стала раздеваться. Он выждал момент, нашёл выключатель, щёлкнул - Ольга, совершенно голая, встав на цыпочки, снимала с полки, которую она почему-то называла грядкой, рубашку белую, ночную. Соломатин мгновенным взглядом охватил её, ахнувшую от возмущения, - очень зрелая женщина, этакого крестьянского склада: у неё большие груди, широкие чресла, будто рожала не раз, крупные тяжелые ноги... толстопятая мужичка, одним словом.

- О, тут делов до фигов! - сказал он весело и больше не церемонил-

ся с нею; она же сопротивлялась, оборонялась, выставляя ему навстречу руки локтями вперёд и колени...

2.

- Делов до фигов, - проговорил теперь со вздохом Флавий Михайлович, лежа в постели.

И стал разматывать череду событий в обратном направлении, как киноплёнку от финальной сцены к начальной.

Разговор за ужином шел у них почти веселый, только нервное напряжение все время чувствовалось, нарастало; то есть Ольга держалась все-таки скованно, не было в ней прежнего воодушевления или приличествующего моменту взволнованного ожидания, а был страх - именно страх, немало удивлявший и забавлявший его.

«А чему тут удивляться? - сказал он теперь себе. - Живет одна... от мужика отвыкла. Для неё решиться на такое - все равно, что украсть. А уходя, сердилась-то от досады не на меня - на себя: зачем, мол, уступила, допустила... как это, мол, с нею могло произойти? Экое, мол, наваждение!»

От таких мыслей стало легче: не в нём причина - в ней. Значит, и не за что себя корить.

Повеселев, вспоминал дальше. Вчера за ужином он пошучивал над нею, она смеялась, и напряжение спадало. Она очень смешлива. Соломатин так считал: коли кто-то склонен к улыбке да смеху, тот и разумом светел, в нём животное начало отстранено дальше, чем у прочих. Флавию Михайловичу всегда не нравились слишком серьезные люди. Ольга же так и вспыхивала улыбкой или смехом на любую, даже незамысловатую его шутку. Наверно, именно улыбающейся и смеющейся она останется у него в памяти.

И еще несомненное достоинство в ней - замечательная способность слушать: она так внимательно слушает и так удивляется всему! Такой в ней непритворный интерес!

Дорогой он рассказывал ей об устройстве античных городов, о внутреннем убранстве афинских да римских жилищ, каковым оно было два или три тысячелетия назад; об архитектурных достоинствах древ-

них храмов: о мостах, колодцах, кораблях, колесницах... о женских нарядах, о театральные представлениях, о том, что и как продавалось на рынках...

Она ахала, удивлялась самому обыкновенному:

- Откуда вы все это знаете?

Увлечение античностью овладело Соломатиным года три назад, после того, как побывал он в туристической поездке по Средиземноморью. Впрочем, путешествие то было предпринято им потому, что уже «стукнуло» в голову: он незадолго перед тем купил по случаю несколько книг - Светония, Плутарха, Тацита, Плиния Старшего - и успел их прочитать.

Флавий Михайлович вдруг полюбил тот далекий во времени и пространстве мир, и чем мрачнее становился для него день сегодняшней, тем лучезарней тот, утонувший в дали времен. То, что он видел вокруг сегодня и что так больно задевало душу - нищие на вокзалах, спившиеся бродяги, жалкие старушки-торговки на улицах, тугие заливки молодцев, преуспевших в воровстве и разбое, наглые морды чиновников, вымогающих взятку, - все это отвращало его от окружающей жизни. Хотелось бежать куда-то... тем утешительнее было для него погружение в мир давний, далекий, осиянный благодатным средиземноморским солнцем. Тут как раз и подвернулась эта поездка - Стамбул, Афины, Мальта, Неаполь... Мир нынешний и мир древний совместились чудесным образом; Флавий Михайлович пережил погружение в него так остро, что уже не мог отрешиться.

Он очень живо описал своей дорожной спутнице раннее утро в Помпеях, каким оно было две тысячи лет назад... стук сандалий по каменной мостовой в Афинах... ликование толпы на празднике Великих Дионисий... рёв ослика с тяжелыми корзинами на спине и звуки авлоса (свириели) из тенистого сада... зловоние канализационных канав и аромат роз да гиацинтов из внутренних дворики... пенье девушек под лиру или кифару и воркование голубей на черепичных крышах... свары воробьев в кипарисах.

- Разве и там жили воробьи?- удивлялась Ольга, широко раскрывая глаза. - Такие же, как наши?

- Совершенно такие же! То же самой благословенной породы.

Кстати сказать, жареные и вареные воробьи были довольно популярным блюдом у древних греков.

Он со снисходительной улыбкой рассказывал ей о том, какую войну вели с вездесущими воробьями древние греки да римляне, и что птица эта была почитаема в храме богини любви Афродиты, потому как любовный пыл воробьев неукротим, и в этом никто не может с ними сравниться, ни среди птиц, ни среди зверей.

- Про людей не говорю, человек - существо особое, ни с кем не сравнимое.

Ольга опять была повержена в изумление, смех овладевал ею, одолевал её.

- Не только воробьи там жили, но и ласточки, и зяблики, и даже, по-моему, синицы.

- Откуда вы все знаете? - удивленно повторяла она.

- Да я же оттуда! - утверждал Флавий Михайлович. - Что, разве по мне это не видно?

Самое забавное: она верила ему! По мере того, как он ей рассказывал, верила все больше и больше.

Он с любопытством приглядывался к ней: отнюдь не красавица... пожалуй, полнолица больше меры, с крупным носом... две большие бо-родавки - одна на щеке, другая под левой бровью - тоже отнюдь не украшали её. Но ведь и некрасивой не назовешь! Когда улыбалась, очень хорошела, и переход от серьезного состояния в смешливое происходил в ней легко, мгновенно, она как бы вспыхивала живым светом!

...Вчерашнее вспоминалось теперь. Отраднo, и не хотелось Соломатину отгонять эти думы: более того, поймал себя на том, что ему приятно присутствие этой женщины в его сознании. И, поймав, удивился: это ведь при том, что в постели она не проявила ни страсти, ни нежности, а потому не доставила большой радости - просто покори-лась и перетерпывала его самоуправство, сосредоточенно сжав губы и постанывая отнюдь не от любовных порывов, а от причиняемых ей неудобств. Именно перетерпывала, даже сказала не без досады: «Долго ещё?» - что сразу охладило его пыл, потому он отступился разочарованно.

Теперь вот ушла, сказав: сделал-де свое дело и - проваливай, больше не нужен.

«Не понравился я ей, что ли? - самолюбиво подумал Соломатин. - Если так, то чем? Трудился слишком азартно? Ну, не как воробей, конечно, а значительно уступая».

А не слишком ли холоден её любовный темперамент? Экая коровица!.. Её можно в натурщицы - когда ваяют богиню плодородия Деметру... Такой только рожать, а в любовницы она не годится. Верно говорят, что иногда встречаются этакие не проснувшиеся натуры... уж не вспыхнут любовным пламенем: не горит лёд, и всё тут!.. Холоднокровны, как рыбы. Вот и уплыла рыбина... была чужая и осталась чужая.

«А коли так, то незачем было затевать, милая моя! Без вдохновения ребенка зачинать - последнее дело».

Только ради будущего младенца согласилась она на то, что по её глубокому убеждению невыносимо стыдно и предосудительно. «Маленького хочу, - говорила она. - Он мне даже снится». То было не влечение тела, а веление инстинкта - инстинкта продолжения рода. А почему именно его, Флавия Михайловича Соломатина, избрала она в качестве... Да просто потому, что чужой человек, легче будет похоронить свой стыд. Чужой-то уедет, и больше его не увидишь, следовательно, не будет глаза мозолить, лишних пересудов избежишь. Наверно, из-за этих соображений.

А когда она решилась-то? В котором из автобусов? Или уже по дороге из села в деревеньку свою? Тут она остановилась посреди поля, словно протрезвев:

- Что-то мы с вами не то делаем, Флавий Михайлович.

Он молчал, смотрел выжидательно.

- Знаете что, идите-ка назад, - решительно сказала она. - Извините, конечно, что так получилось. Но вы же сами виноваты... Заигрались мы, не остановились вовремя. Ладно, я глупа, но вам-то в вашем возрасте надо поумнее быть.

Наступил момент, когда они, действительно, могли разойтись в противоположных направлениях, потому что и в нём это было: «Что-то мы не то делаем...». И тогда не быть бы на свете тому ребенку, который теперь, возможно, будет.

- Попроситесь у кого-нибудь в селе переночевать, авось пустят.

Скажите, что ищете дом под дачу... или что-нибудь другое соворите, у вас ведь язык хорошо подвешен. Только про меня ни слова, ладно? Вы-то уедете, а мне тут жить. Завтра утром идет рейсовый автобус до города.

Трезвость её суждения, сам тон его были таковы, что кому-нибудь другому не оставалось бы шансов на продолжение дорожного романа. Да и обстоятельства происходящего охлаждали: зимняя ночь, сильное снежное поре, неприветливый ветерок. Так и следовало сделать: попрощаться да и повернуть назад, если б речь шла о легкомысленном приключении. Но ведь у них-то иное - решалась судьба будущего человека: быть ему или не быть, жить ему на свете или не жить. Флавий Михайлович Соломатин, человек от рождения целеустремленный, признававший только осмысленные действия, посмотрел вверх, на ясное ночное небо:

- Видишь, звездочка упала - значит, умер кто-то. Этак они все падают, и будет вверху только чернота.

Она не сразу поняла, о чем это он.

- Кто-то должен зажигать новые звезды, Оля! - сказал он тоном мудреца-звездочёта. - Дело святое. Раз начали, следует довести дело до успешного завершения. Это не в моих правилах. Пойдём.

Её опять рассмешило, с какой серьёзностью он говорит это; она махнула рукой:

- А ну тебя!

И ещё этот взмах руки означал: мол, будь, что будет.

3.

Соломатин сел, спустив ноги на холодный пол, и внимательно огляделся. Кровать, на которой он спал, была деревянная, самодельная, с резными столбиками, и занимала две трети пространства, выгороженного дощатой переборкой. Дверной проём в эту спальню закрывался занавеской, которая была теперь небрежно сдвинута. В передней неясно проступали очертания еще одной кровати, стола, комода, телевизора под кружевной накидкой, половиков на полу. Странно было видеть окна - они располагались низко, подоконники чуть выше табуретки, и почти вровень с подоконниками врублены в стену широкие лавки. По-

толок тоже низок - когда гость встал, чтоб одеваться, едва не стукнулся головой о матицу, хотя ростом не слишком высок - едва выше среднего.

Включил свет и еще раз удивился непривычной обстановке вокруг. В переднем углу икона оказалась завешенной чем-то белым - скатеркой, вроде; это Ольга вчера, перед тем, как разбирать постель, занавесила ее: «Чтоб не видела Богородица мой грех...». Уродливый кованый крюк в потолке озадачил его: для чего он? Фотографии в деревянных рамочках: с одной из них на него, чужого человека в этом доме, смотрели трое парней лет по семнадцати-восемнадцати, в начищенных хромовых сапогах выше колен, в галифе, на каждом нечто вроде френча, с поясным ремешком и без него.

«Ишь, при галстуках... Щеголи!».

Один из парней был явно похож на Ольгу: те же большие глаза, широкие брови.

«Отец? Нет, пожалуй, дед...».

В избе за ночь выстыло. Пол казался просто ледяным. Торопливо одеваясь, Соломатин потрогал бок большой печи - она была холодна, будто мертва. К трубе вдоль матицы и грядки тянулась железная труба от маленькой железной печки, которую топили вчера. По-видимому, эта печка поставлена осенью, а по весне ее убирают; вчера она раскалилась местами добела, труба над нею обрела алый поясок - жарко стало в избе.

- Дров у меня нет, - сказала Ольга, словно извиняясь. - Всего несколько охапок. Не знаю, как и быть.

И упомянула недобрым словом какого-то окаянного Володю, который обещал привезти дров и не привез.

«Холодная, нежилая изба... как холодная женщина, - размышлял теперь Соломатин. - Хоть сколько топи, хоть сколько ласкай, все без толку».

Постоял он над печкой железной, соображая: если хотя бы обложить ее кирпичами, тепло держалось бы дольше... а еще лучше сложить маленькую кирпичную теплушку. Весной ее можно разбирать, а осенью ставить заново. Хитрость невелика.

Ему даже захотелось приняться за это дело. Знать бы только, где взять глины, кирпич.

Он прошелся по избе, с любопытством разглядывая все, что попадало в поле зрения; никогда раньше не был в таком жилье, но вот удивительно: его посетило ощущение, что все-таки ему это знакомо! Деревенская изба... обмерзлые окна... печка с длинной железной трубой, обмазанной на суставах глиной... Было! Но нет... откуда!? Никогда он не жил в деревне - этот мир для него так же далек, как мир Древней Греции или Рима.

«Во мне память предков, так надо полагать... В генах заложено: кто-то из прадедов моих имел такое жилье... с лавками вдоль стен и с большой печью... может быть, даже с волоковым окном?».

Отнял заслонку у большой печи, заглянул внутрь и увидел чугунок, задвинутый в бок, где зола и угли; а из задней стены выпирали кирпичи, некоторые даже выкрошились.

«Как же она топит ее? - подумал он об Ольге. - Того и гляди обрушится все. Сколько еще может простоять такая печь - месяц или год? И на поду выкрошилось - чугунок как стоят?»

Вообще все в этом доме было как-то ненадежно: изветшало, состарилось, пришло в негодность. Тут явно не хватало хозяйской руки.

Он пошевелил ухваты и сковородник, прислоненные у шестка - рукоятки их от долгого употребления залоснились и обожжены. На залавке - это некое подобие шкафчика называется залавком? - валялась скорлупа сырых яиц; над кухонным столом обои пузырились, трещина в оконном стекле заклеена полоской бумаги.

Еще он отметил, что печь недавно побелена, занавесь у двери выстирана, однако это мало украшало кухню. Бедность проглядывала тут и там. Вон как источена жуком полочка посудная, залавок покосился...

Жалостливое чувство шевельнулось в душе Соломатина. Это было то самое чувство, которое больно отзывалось в нем, когда он видел где-нибудь на рынке или у вокзала старушку, продающую головку чеснока, пару морковок...

Половицы в кухне ходили ходуном, на них отчетливо выделялись черные пятна - небось, не доглядела Ольга за самоваром, вот и просыпались раскаленные угли; но сам самовар - он словно бы смеялся, стоя на скамеечке у печи.

- Да ладно тебе! - сказал ему Флавий Михайлович. - Стой себе где стоишь.

Тут же, в кухне, западня в подпол - ступить на нее было страшно-вато: она шевелилась под ногами, не провалиться бы.

Соломатин потянул за ввинченное колечко, чтоб поднять западню и посмотреть, что с нею, но кольцо это вдруг выдернулось, не подняв западни. Он покачал головой, нахмурился от досады.

Опять вышел в переднюю, выглянул в окно - перед ним была занесенная снегом дорога, за нею голые, корявые ветлы, на них сидели две сороки; за ветлами сарай и заснеженное поле, за полем лес темным зубчатый забором, а за этим «забором» торчала колоколенка церкви. Тот край неба был уже по дневному ясен и лучезарен: там восходило солнце; день начинался погожий, бодрый. А из бокового окна видна была деревенская улица - несколько домов, каждый на особицу, между ними явно не хватало еще строений. Ольга говорила, что на всю деревню сейчас только три дома жилых, остальные пустуют в ожидании хозяев, а хозяйева те - дачники из Москвы да из Твери.

По словам Ольги в середине деревни живет старуха Валентина («тетка Валя») лет семидесяти с лишком - она шибко больна, но еще ходит «на своих ногах»; а в дальнем конце - тех же лет баба Катерина с внучкой-дурочкой. Итого на всю деревню четверо жителей и ни дороги, ни телефона... Некому тушить, случись пожар; и некому лечить, случись с кем-то приступ болезни; никто не поможет, если явится сюда лихой человек...

Соломатин сел на лавку в задумчивости, опять выглянул в окно: сирое небо, сирое поле, сирые деревенские избы... В размышлении прошел в кухонный чуланчик, сел там на шаткий стол, нехотя поел; мысли выстраивались в череду невеселые: «Вчера молоко, сегодня молоко... этак жив будешь, а с бабой спать не захочешь. Буженинки бы... или холодной телятинки... тарелочку борща с мозговой косточкой...».

С чего это у Ольги такой здоровый, цветущий вид? От чистой воды да от чистого воздуха? С «теткой Валею» они держат корову «напополам», то есть месяц Красотка стоит во дворе одной хозяйки, на следующий переходит к другой. Ага, значит, молоком питаются. А как же Ольга управляется с коровой, если целый день на работе? Ведь эту Красотку надо доить в полдень, да и кормить, поить... или корова святым духом питается? Воспоминаниями о лете?

Если бы кто-нибудь видел в эту минуту Соломатина - лицо его выражало недоумение и растерянность. Он чувствовал себя, как пресноводная рыба, выпущенная в море... или наоборот, как морская рыбка в реке - непривычная для нее и может быть даже губительная среда обитания.

Его стремительное сближение с Ольгой совершилось все-таки неестественным путем - не обычным и даже обязательным в таких случаях ухаживанием, обманом да обольщением, а... словно речь шла о приобретении Ольгой необходимой вещи: нужен, мол, ребенок, без него ей жизнь не мила. И хоть смягчался их разговор вроде бы шутливым тоном, однако же характер сближения был именно деловой.

«А я подрядился исполнить работу...».

Не сказать, чтобы «работника» вчера коробило такое положение, но и не радовало особенно-то - он словно возложил на себя исполнение некоей общественной обязанности, которая в его-то годы...

«Но честь и достоинство настоящего мужика обязывало меня... - словно оправдывался он перед кем-то. - А что до моих лет - то это лучший возраст для мужчин».

4.

Он оделся и вышел в сени. В темноте разглядел лестницу на чердак и лампочку электрическую над головой, но не нашел, где включить свет; догадался повернуть лампочку в патроне - зажигалась она именно таким образом. Две приступочки вели к двери с высоким порогом, запертой, судя по замочной скважине, большим внутренним замком - тут прируб, который Ольга называла горницей.

- А что в горнице? - спросил он у нее вчера. - Сундуки с добром?

- Мешок с овсом - кур кормить, бутылка с керосином - для фонаря; есть и сундук, но с таким барахлом, что годится только на огородное пугало, а больше ничего.

- Зачем же такой солидный замок?

- Дом строил мой дед со своим братом, за то их чуть было не раскулачили. Но пронесло, уцелели - жены их были из очень бедных семей.

- Не страшно тебе жить одной в такой хоромине?

- Привыкла... Вот сына рожу, будет мне оборона.

Еще одна дверь вела на «мост» - это уже над коровьим стойлом, с него спуск в одну и другую стороны - во двор и на улицу. И третья дверь была, пройдя которую, он оказался в смежных сенях, где налево еще одна горница, направо - вторая половина избы, тоже с низкими потолками, с русской печью, с лавками вдоль стен. На окнах тут висели пожелтевшие занавесочки, две потолочины косо спускались сверху вниз - Ольга однажды влезла на чердак и ступила там неосмотрительно - рухнули потолочины.

- То ли я тяжела, то ли они гнилые, - сказала она со смехом. - Хорошо, в бедрах широка, застряла, а то провалилась бы насквозь, до полу.

И добавила со вздохом:

- Дом у нас когда-то был самый красивый в деревне. А теперь устарел, того гляди повалится. Черт не выдаст - свинья не съест. Чего заранее о том думать. Вот когда повалится, тогда и подумаю.

Опять у него заныло, заныло где-то внутри от вида этой бедности и неустройства. Подошел к рухнувшему потолочинам, глянул вверх: прореха в потолке была закрыта сеном. Все по-бабьи, все неосновательно.

На шестке печи стоял большой чугунок, на полу у шестка - широкий тазик, тут же ведро и деревянная бадья; на лавке лежала сухая мочалка и кусок потрескавшегося хозяйственного мыла - Соломатин понял, что вторая половина избы служит хозяевам баней и прачечной. Что ж, если печь натопить пожарче... Он представил себе Ольгу сидящей здесь и охаживающей себя веником, и усмехнулся: «Чем не «Русская Красавица» Кустодиева»?

Вышел на улицу, остановился на крылечке, оглядываясь. Тропка вела к поленице дровяной, а в ней охапки три дров, не больше. По словам Ольги какой-то Володя Окаяннов еще летом подрядился привезти на тракторе из лесу целый воз дров и даже взял у Ольгиной матери задаток - на две бутылки водки, но обещанного не исполнил и опять просил денег, говоря, что-де теперь цены повсеместно повышаются, потому и воз еще не привезенных дров подорожал. Ему опять сколько-то дали, а он опять не привез; после чего просил, бессовестный, снова, даже клялся и на колени вставал...

- Окаяннов - это прозвище, что ли? - поинтересовался Флавий Михайлович.

- Да фамилия у него такая! По паспорту.

- Бог шельму метит, - отозвался он хладнокровно.

Рядом с поленицей лежало несколько чурбанов, которые, надо полгать, сама Ольга пыталась колоть, но не одолела.

«Топливо-энергетический кризис», - вздохнул он.

Сухая береза - просто ствол рогатый в толстых обрубках сучьев - у огорода; со ствола уже ободрана береста; березу эту уже пытались подрубить топором, но, по-видимому, испугались: мертвое дерево может упасть на двор, проломит крышу. Еще одно дерево, стоявшее недалеко от дома, удивило Соломатина - это была липа с неохватным стволом, могучей кроной - небось, ей лет двести, не меньше.

Огород завален снегом. Возле двора стоял наполовину разобранный стожок сена. Флавий Михайлович выдернул пучок, понюхал - пахло летом, даже пчелиное жужжанье почудилось; открыл ворота двора - да, тут было пусто, коровы нет: вчера вечером Ольга бегала за молоком к тетке Вале. На скрип ворот отозвались куры - они еще были на шести, но проснулись. Петух грозно окликнул вошедшего - прозвучало как «кто такой»?

- Да ладно, не ктокай, - сказал ему Флавий Михайлович. - Сиди где сидишь... Чучело гороховое.

В сумраке двора с трудом можно было разглядеть петуха, он казался очень большим.

Флавий Михайлович пошатал загородку коровьего стойла - погнила, облепленная навозом; потрогал стоявшие в углу вилы с погнутым рогом - рукоятка кривая, кое-как обтесана; вздохнул и вышел, закрыл ворота.

Некоторое время он постоял возле переднего угла дома, глядя вдоль улицы. Она была пустынна. Тихо было, только ворона каркала, расхаживая по сугробу. Словно очнувшись, шагом решительным подошел к дровам, поискал, нет ли тут топора дроворубного, нашел его во дворе - щербатый топор, тупой, но дрова колоть годный - и принялся за дело.

Кряжистые чурбаны расколот - они его вогнали в жар и изнеможение. «Сказывается отсутствие практики», - оправдывался он сам перед собой, сидя на ворохе поленьев. Две охапки отнес в дом и затопил большую печь, признаться, не без труда. После чего разыскал напильник,

долго точил топор, потом приступил к сухой берёзе. Когда она рухнула в ту сторону, куда ей было назначено, он терпеливо пилил её двуручной пилой, откалывая поленья; то и дело наведывался в дом к топившейся печи. В избе уже потеплело, а выйдешь - веселый дым над крышей!

Работа нравилась Флавию Михайловичу, и чем дальше, тем больше. Дела, казалось, атаковали его со всех сторон, куда ни кинь взгляд - так и просятся: и то надо сделать, и это. Дела бодрили его, азарт уже владел им.

Он раскидал снег вокруг дома, приставил лестницу к крыше, полез сбрасывать его и оттуда. Сверху глянул - внизу ста-руха стоит в шапке-ушанке, худущая, согбенная, темноликая.

- А ты кто Ольге-то? - спросила она строго, не здороваясь.

Не так ли строго и петух давеча спрашивал?

- Друг, - отвечал ей Соломатин.

- Ишь ты... друг, - сказала она и, помолчав, решила. - Хахаль, небось. Чтой-то Ольга, с ума сошла? Такого раньше за ней не водилось, чтоб какой-то являлся...

- Хахалево дело - хахалить, - возразил ей Соломатин. - Как же, станет он снег с крыши сбрасывать!

- Может и впрямь друг, - сказала она, подумав. - Это хорошо.

- Плохо ли! - отозвался Соломатин.

Он продолжал работу, а когда обернулся опять - старухи уже не было. Наверно, это была тётка Валя, совладелица коровы Красотки.

5.

Окошко в конторе запотело. Ольга потеряла его ладонью - сквозь мокрое стекло показалось, что гость её - один из тех пяти или шести пассажиров, садившихся в рейсовый автобус. Она облегченно вздохнула: до этой минуты тяжесть была на душе, а теперь сразу полегчало, Можно забыть, забыть...

День выдался суматошный. Народ в контору шел и шел, словно сговорившись; в коридоре и в бухгалтерии гвалт, ждали обещанную зарплату, новости обсуждали: утром возле Бараньковского моста в ручей трактор свалился, ночью обокрали батюшку Спасской церкви, мука

в магазине подорожала чуть не вдвое, а хозяйственное мыло исчезло из продажи... какая-то Надешка выходит замуж в Савелово за спекулянта с большим кошельком, а какая-то Наташка, наоборот, развелась с мужем, уехала на Севера. Тут кассирша позвонила из банка: денег нет. Поднялся ещё больший шум, каждый чего-то требовал, пусть не от неё, бухгалтера, а больше от председателя Акимова: Ольга едва выпроводила посторонних людей из своей комнаты.

За неделю, пока она отсутствовала, в бухгалтерии накопилось столько дел!.. Прислали новые формы отчетности, в которых поди-ка разберись, а сроки все уж вышли, спешить надо. Она звонила в город, Акимов то и дело требовал ее к себе, к нему какие-то хитрые коммерсанты пришли, потом инспектор по налогам явился...

Обедала Ольга чаем с мятными пряниками за своим столом, заваленным бумагами. Вспомнила, что корову придется нынче забрать от тетки Вали, а как теперь успевать с домашними делами? Когда покупала корову, тетка Валя обещалась: «Ничего, я буду доить!». А теперь вот болеет, того и гляди, помрет еще.

Уже в темноте отправилась она в свою деревню, только теперь вспомнив вчерашнего попутчика, ставшего ее гостем и даже - о, боже! - любовником! Дай бог, чтоб никто не узнал... и дай бог самой поскорее забыть, выбросить из памяти насовсем. Не было этого, не было.

С чего у них началось-то? В Новгороде оказались рядом на сидении, на выезде из города автобус приостановился, а как раз напротив их окна шел по улице мужик, пьян-пьянёхонек. Штатало его из стороны в сторону, чуть не упал и сел на грязную кучу снега, бессмысленно глядя на лица пассажиров в окнах.

- Эх, болезный, - вздохнула Ольга. - С утра пораньше... Когда успел набраться?

А сосед в ответ ей:

- Много их, таких Иванов, на святой Руси. Каждый выпьет сто стаканов, только подноси.

Ольга рассмеялась, сказала:

- Теперь таких Иванов спонсорами зовут. Скажут: вон спонсор валяется.

- Суть юмора в подмене понятий, - объяснил он как бы сам себе.

По началу разговора, серьезного и неспешного, она поняла, что сосед ее - человек солидный, образованный, с таким отчего и не поговорить. Одет хорошо: в куртке на меху и в бобровой шапке. Шапку эту он держал на коленях, поглаживая, как кошку, зарываясь пальцами в мех.

Ольга вспомнила недобрым словом Володю Окаяннова - рассказала про этого «спонсора» незнакомому человеку.

- Мельчает наш брат, - согласился он. - Есть тому объективные причины! Качество среды обитания ухудшается, а мужик - создание хлипкое.

Она ему в тон:

- Что верно, то верно: мужик нынче пошел мелкий, суетливый, ни на что не годный - пьяница, табашник, разбойник и матерщинник.

- Алкаш, бузотер и бабник, - подсказал он.

- Кабы бабник! - отвечала Ольга ему сквозь смех. - А то ведь... ребенка сочинить не могут.

- А что, у вас с этим проблемы? - спросил он прямо-таки заботливо, чем еще больше рассмешил ее.

Лет ему она определила за сорок, старый уже да и солидного вида, так что пошлого ухаживания можно не опасаться, отчего и не пошутить. Да и вообще он как-то располагал к себе: мужественное лицо, внимательные глаза, спокойный голос. Будь он киноактером, небось, исполнял бы роли любящих отцов да заботливых начальников.

- Да хоть бы и у меня, - сказала она.

- А муж на что?

Ольга поняла вопрос так: он хочет знать, замужем ли она.

- Был муж... вот такой же спонсор.

- Куда же вы его дели?

- Сам делся. Ну, помогла... кулаком в загорбок, коленом под зад.

Этого собеседник ее не одобрил.

- Нехорошо, - сказал он очень серьезно, но глаза улыбались. - Мужа надо холить и лелеять, воспитывать терпеливо и любовно, вовремя кормить, водить в баню, причесывать, утирать слезы, если заплачет. Не умеете вы, женщины, обращаться с такой нежной структурой, как мужик.

- Нежные, верно, - кивнула Ольга. - Не спят, не работают - только пьют.

- Казалось бы, вот телевизор - если его кулаком по темечку да коленом под доньшко, разве он лучше станет? - продолжал рассуждать сосед. - Мигнет прощально и заглохнет навеки. Как это вы, женщины, не понимаете, что муж - необходимая вещь в хозяйстве, а электроника и телемеханика в нем посложнее. Следовательно, бережней с ним надо обращаться, бережней!

- Ой, я ли не холила да не лелеяла! - стала оправдываться Ольга. - Авось, думаю, от ласкового обхождения возьмется за ум. Ан, вижу: не в коня корм. Теперь вот об одном жалею: хоть бы ребенок остался, все повеселей было бы... А в другой раз подумаю: слава богу, что не сумел, пьяница несчастный!

- Где ж ему суметь при такой решительной жене! - хмыкнул собеседник. - Он оробел, небось. Не знал, как и подступиться.

- Ну, а робкому-то нечего было и жениться!

- Что верно, то верно, - сказал ей Соломатин. - Это как в анекдоте: пришел мужик в публичный дом, а там все коридоры, коридоры... на каждом указатель: «для сильных», «для решительных», «для уверенных в себе»... мужику все не подходит. Дошел до последнего коридора, а там написано: «Выход в город».

Ольга засмеялась.

- Вот-вот, и мой был такой же. В город и уехал.

Тут впереди заскандалили двое, мужчина и женщина: кому сидеть у окна.

- Вот они, мужики-то нынче, - сказала Ольга. - Защитнички наши, заботнички, ухажеры - места не уступят женщине.

- Да откуда нынче настоящему-то мужику взяться! - сказал сосед, словно оправдываясь. - Климат суровый, а женщины круты на расправу. Эва что: мужа в шею... Давно это случилось?

- Давно. Уж забыла, как и кашляет.

- Пять лет назад, - определил он.

- Не меньше.

Они и дальше вели разговор этак же непринужденно, по-лушутливо-полусерьезно. Он сказал о себе, что работает на военном заводе и должность хорошая, имеет даже степень кандидата каких-то наук, но завод остановился, почти всех отправили в отпуск без сохранения зарплаты. Теперь вот хоть мухоморами на улице торгуй!

- Почему именно мухоморами? - спросила она, готовая засмеяться.

- Говорят, прибыльное дело.

- Странно, - сказала она, отсмеявшись. - Вы же человек с головой, и вдруг не нужны. Как же так?

- Государство заплошало, - объяснил он. - Нынче и доктора наук отхожим промыслом занялись: двери квартир утепляют, полы циклюют, на рынке луком торгуют. Ну, а вы чем заняты?

Она сказала о себе: и как зовут, и где работает, и что ездила к сестре в Новгород отпраздновать Новый год...

Так вот и беседовали.

6.

Ехать им предстояло долго. Во время продолжительной остановки в Валдае Соломатин вышел размяться, и она, глядя на него из окна, думала, что вот же бывают нормальные мужики: не красавец, не больно складен фигурой и уж годами немолод, но что-то есть в нем такое - спокойное, уверенное, истинно мужское; о таких говорят: за ним, как за каменной стеной. И пошутить с ним можно, и серьезно поговорить. Ведь когда она бухнула: не с кем, мол, ребенка сочинить, он не ответил глупостью и хохотком, а воспринял это очень по-простому, с пониманием, что опять-таки понравилось ей.

«Кому достаются такие мужики? - и тогда, в автобусе, и теперь, шагая в свою деревню, думала Ольга с непонятной для себя обидой. - Небось, дура какая-нибудь владеет, не понимая, как ей повезло. Спокойный такой, серьезный, рассудительный. Да и непьющий, небось! От таких и детишки-то разумные да здоровые получаются».

У старшей сестры, живущей в Новгороде, парнишечка растет, он уже двух с половиной лет, толстенький, румяный, баловник и затейник, зовут Шуриком. А теперь вот сестра второго родила, Максимку, - этот совсем еще младенец. Пока гостила, Ольга без конца тетешкалась с ним, кормила из сосочки, подгузнички меняла, пеленала снова и снова, без конца гулюкала. Сестра Вера не выдержала, сказала:

- Эх, Оля, вот что я тебе скажу: роди. Наплевать, что мужа нет. Возьми напрокат чужого мужика, он и нужен-то на полчаса, спонсор этот.

Мать услышала, тотчас пристыдила дочерей:

- А вы полно, полно! Чего не дело-то городить!

- Да ладно тебе, мам, - отмахнулась Вера. - Ей вишь как ребеночка хочется. Возьмет моего на руки, так сияет вся.

- Замуж выйдет, заведет четверых, - возразила мать. - Все честь честью, успеется. Как это без мужа ребенка? Каково одной вырастить?

- То-то ты нас вырастила не одна!

- Я - иное дело. Я овдовела.

- Ну и Оля вырастит. Что толку вон хоть бы от моего Тимохина?

- Вера мужа своего почти всегда называла не по имени, а по фамилии: Тимохин. - Он у меня и сам вместо ребенка. Считай, что у меня не двое, а трое детей.

- Где его, мужа-то, взять? - вздохнула Ольга.

- Найдется! Али ты у меня собой плоха? - обиделась мать за нее.

- Подойди к зеркалу, поглядишь. Сколько девок похуже тебя, да замуж вышли. И ты выйдешь. Суженого на кобыле не объедешь.

- За Володю, что ли, Окаяннова? Или за Борзова? Или за которого-нибудь из братьев Китайниковых? Эти хоть сейчас в мужья, только помани. Кого из них хочешь в зятя себе? То-то, что никого. А по мне лучше в вековухах остаться, чем за таковских замуж идти.

Вера слушала сестру сочувственно и сказала, что хорошего мужа не найти. Может и есть где-то, да искать долго и недосуг. Вот она за Тимохина вышла - как в омут головой. И рассказала про какую-то свою подругу, которая съездила по путевке то ли в дом отдыха, то ли на турбазу с единственной целью - найти на время подходящего мужика, чтоб с ребенком потом остаться. И нашла, и родила в свой срок, и растет теперь парнишка - ему уж скоро два года. А кто его отец - кому какое дело!

Тот разговор с сестрой и матерью как бы продолжился уже в автобусе с незнакомым человеком. И вот где-то возле Вышнего Волочка, когда рассказ о племянниках снова возник, когда Ольга в очередной раз умилилась, вспоминая о Шурике да Максимке, этот Флавий Михайлович засмеялся и сказал вполне серьезно и дружески:

- Ладно, Оля, так и быть, раз уж вы так настроены, помогу я вам решить эту проблему.

Именно очень дружески сказал.

- Как это? - насторожилась она.

- От меня ребятишечки получают - эт-то, я скажу, хоть на выставку: крепенькие, ясноглазенькие, смышленные. Так что беру эту заботу на себя... А то ишь до чего дело дошло: демографическая ситуация в государстве нашем неблагоприятна - женщины не хотят рожать, а тут наоборот, хочет родить, да помочь некому. Непорядок.

У неё выплеснулся смех, именно выплеснулся; она смеялась неостановимо.

- У нас, Соломатиных, порода хорошая, - продолжал он невозмутимо и убеждающе, словно товар продавал да нахваливал. - Все как один - народ непьющий, некурящий, толковый, и каждый сам по себе что-то значит, чего-то достиг.

И хоть возникла от его неожиданного предложения некоторая неловкость, но рассеялась скоро, и предложение само по себе отнюдь не выглядело странным или пошловатым. И в дальнейшем разговоре эта тема - о будущем ребенке Ольги, который родится от него, Соломатина Флавия Михайловича - всплывала то и дело, неизменно повергая её в смешливость.

- Ну, что же, - сказала она, в очередной раз смахивая выступившие от смеха слёзы. - Я согласна. Раз мне такой специалист попался. Тем более что порода хорошая. Вы за плату, или за так?

- В порядке гуманитарной помощи, - отвечал он с самым серьезным видом. - Ради поддержания чести и достоинства всего мужского племени.

- А не староваты для такого дела?- напрямик спросила она.

С её точки зрения он, конечно, староват - сорок четыре года Соломатину; а ей-то почти вдвое меньше. У него при желании дочка могла бы быть такого возраста.

- О, не сомневайся, - отвечал он без обиды. - Более того: это теперь я могу что-то, а молодому-то мне цена была не ахти. И, кстати, переходя на «ты», поскольку мы становимся близкими людьми.

Шесть часов были они в пути, за все это время у них не возникало томительных пауз. Напротив, разговор этот сближал их все больше и больше.

Он рассказывал о том, как бывал в Германии, Швеции, Югославии - и не по туристическим путевкам - посылали туда в командировку. Он

называл себя «специалистом по пустотам», в этой области у него даже изобретения имеются. По его чертежам изготовили какой-то вакуумный механизм, с помощью которого можно и строить, и разрушать: любая железобетонная плита в мгновение превращается в щебень и любую конструкцию можно приподнять с помощью этого механизма.

Ну, тут Ольга не все поняла, а расспрашивать не стала, тем более, что он и упомянул-то об этом вскользь, а повел речь опять о Греции - не о нынешней, а о той, что была в античном времени.

Он рассказывал, как входят в гавань порта Пирей купеческие корабли... гребцы поют в такт весельным ударам, а на набережной стоят женщины и перекликаются с моряками... Как идёт богатая афинянка в сопровождении рабыни, несущей амфору, - от рынка мимо Акрополя и театра Дионисия - что она при этом думает, что видит, и как пахнет ветер, дующий на неё от залива Фалерон, откуда некогда отчаливали многие мифологические герои.

Он рассказывал, как выглядит этот самый Акрополь с его крепостными стенами, храмами Афины и Августа... говорил, удивляя Ольгу словами «дорические колонны», «эолийские капители», «ионический ордер»...

И посреди такой беседы иногда возникало: вот когда родится у Ольги ребеночек от него, от Соломатина... тогда-де, мол, будет то-то и то-то. Например, когда порастет, тоже отправится в Грецию.

На конечной остановке шуткам их должен был прийти конец.

- Ну, куда теперь? - деловито спросил Соломатин на автовокзале в Твери.

- Не знаю, как вам, а мне опять на автобус, - она никак не могла перейти на «ты» - все-таки он много старше её. - И еще полтора часа пути.

- То есть как это «не знаю, как вам»? - строго сказал Соломатин. - Ты что, забыла?

- О чем?

- Ну, ведь договорились. Мы не просто так встретились, тут перст судьбы: у нас должен родиться мальчик или девочка. На четыре сто весом. Так что нам и дальше вместе.

Все это он сказал таким тоном, словно они компаньоны в серьезном предприятии, и один компаньон хотел увильнуть от дела, а второй его укорил.

- Ну что ж, поедем, - сказала она.

Сказала с тем выражением, что-де если хочешь и дальше шутить, так ладно, шути-шути.

И они ехали полтора часа на автобусе, причем Флавий Михайлович невозмутимо вел разговор о том, о сем - ни игривости, ни пошлости, ни галантного обольщения не было в его голосе. В небольшом районном городке, выходя из автобуса, Ольга спросила:

- Ну, ухажер, назад не пора?

- Только вперед.

Тогда она уже грубовато:

- А что, в городе для таких шуток пары не нашел? Вроде, мужик ты из себя видный и не совсем еще стар. Подыскал бы подходящую бабенку да и крутил бы с нею любовь.

Она словно нарывалась на ссору, чтоб таким образом остановить предосудительное, по ее мнению, развитие событий, но это от чувства неловкости, от смущения да и стыда, уже мучившего ее.

- Шутки да развлечения - это не для меня, - строго сказал он. - Я человек серьезный, основательный, люблю доводить всякое дело до конца. А у нас с тобой цель важная, не так ли?

- Ну-ну, - сказала она.

Мол, шалая дурь из тебя еще не вышла?

Ситуация эта хоть и смущала, но в то же время и забавляла ее: чем-то, мол, все кончится? Как он выйдет из положения?

И они сели на третий автобус, который минут через двадцать привез их в село. Выйдя тут, ее спутник сказал: «Ого!» и оглядывался, то ли дивясь увиденному, то ли просто запоминая.

- Ну что? - спросила она. - Еще не созрел, чтоб попрощаться да и назад? Не теряй времени, автобус стоит тут недолго. Садись и - назад!

- Куда идти, говори, - сказал Соломатин деловито. - Где твоя деревня? Где твой дом родной?

Автобус развернулся и уехал. Они стояли посреди сельской улицы, освещенной лишь двумя электрическими лампочками на столбах под абажурами размером в чайное блюдечко. По дороге приближались двое, женщина и мужчина, разговаривая громко. Ольга поспешно отступила в проулок, он не отставал...

7.

Теперь она той же дорогой привычно шагала одна. Улыбалась, вспоминая: где-то возле Торжка пели они... как-то так разговор повернулся, что он спросил, которая из песен у нее любимая. Ольга сказала: «Липа вековая». Оказывается, он не знал такой песни...

- А у меня возле дома липа стоит! - сказала Ольга. - Громадная - страсть. Я возле нее выросла, потому и песню эту люблю.

И запела ему негромко:

*- Липа вековая
Над рекой стоит.
Песня удалая
Далеко летит...*

А он очень быстро усвоил мотив и стал подпевать. Так славно пели, хоть и тихонечко, что на них с улыбками оглядывались соседи. Та же улыбка была сейчас на губах Ольги.

Уже подходя к своей деревне, с замиранием сердца подумала, прислушиваясь к себе: а что, если и вправду забеременела как раз нынче ночью? Что, если в ней уже произошло это сцепление двух клеток в единое целое, которое теперь уж не разорвать; оно будет в ней, как семечко, упавшее в благодатную почву. Ну, да, она забеременела и родит теперь... Какое это чудо! И какое это счастье... Вот удивятся-то все! Тот пересудов будет, когда заметят ее живот. Уж позлословят: Ольга, мол, нагуляла, спуталась... «А и черт с ними, пусть болтают, пусть языками треплют, - подумалось ей весело. - Зато у меня через девять месяцев появится ребеночек... точно такой же, как у Веры».

Она вспомнила маленького племянника, который так славно причмокивал во сне или когда сосал материнскую грудь, и уже улыбался - в глазах его было прояснение просыпавшегося разума! А как он славно лепетал: «Та-та-та».

Вот и у нее будет такой. Не замечая, что и сама улыбается, Ольга подходила к своему дому и вдруг остановилась: в окнах горел свет. Она не верила своим глазам. «Тетка Валя пришла?» - мелькнуло в голове.

Нет, та не войдет в дом без хозяйки. «Может, этот... ушел и не выключил свет? И свет горел весь день?» – так она подумала, но уже вспыхнула догадкой: он не уехал, этот самый Флавий Михайлович, любовник чертов! Не уехал.

Тропинки от крыльца к дровяной поленнице, ко двору были расчищены от снега, березовые чурбаны расколоты, уложены в поленницу, а с крыши снег сброшен; изба, словно освободившись от тяжести, смотрела на улицу бодро, вроде бы даже с торжеством. И вот еще чего: сухая старая береза уже не стоит возле огорода, она повалена, распилена.

Опасаясь неведомо чего, Ольга вошла в избу - тут было тепло, ее любовник что-то вытесывал, сидя возле маленькой печки, обложенной кирпичами.

- Ты не уехал? - изумленно спросила Ольга.

Могла бы и не спрашивать: раз сидит тут, значит, не уехал.

- Чего это я поеду! - ворчливо отозвался он, не прерывая работы. - С какой стати?

- Но я же тебе сказала...

- Ты сказала: сделай свое дело и уходи.

- Ну?

- А что ну! - возмутился он довольно благодушно. - Я твоим глупостям не потатчик.

- Как это?

- Мы ж к делу едва-едва приступили - это еще только «здрасьте», это еще, так сказать, холодная закуска, а горячие блюда впереди. Мы ж только сели за стол пировать на празднике жизни, и вдруг: уходи. Это, по-твоему, умно?

- Какие еще «горячие блюда»? - Ольга даже растерялась.

- Вот уж не ожидал, что ты отнесешься так легкомысленно к серьезному делу.

Он осуждающе покачал головой, а Ольга приходила в себя.

- А это серьезное дело? - уточнила она и фыркнула от смеха.

- А как ты думаешь? - прямо-таки рассердился он. - Ребенка сочинить - это что, пустяки? Не куклу сделать, не щенка завести - живого человека создать. Человека! Я ж тебе не папа Карло, чтоб вот так из деревяшки вытесать. О живом человеке уговор был!

- Дурачье дело нехитрое, - возразила Ольга.

- Не хитро распутничать, а у нас дело святое.

И тут он повернул разговор так, что она растерялась ещё больше.

- Что это ты, душа моя, так запустила своё хозяйство. А? - спросил он. - Куда ни глянь, везде непорядок: дверные дужки болтаются, того и гляди оторвутся; калиточка у коровьего стойла на одной петле висит; наличники на окнах перекошились; вон эта полка, которую ты грядкой называешь, она ж вот-вот рухнет, держится на одном гвозде...

Он и дальше перечислял мелкие и крупные неурядицы в её избе да на дворе, а закончил выговором:

- И ты решила обзавестись ребенком в таких бытовых условиях? Как он будет тут жить? Что его встретит в этом доме? Каким он вырастет? Или ты о таких пустяках не задумывалась?

- Нормально будет жить, - уже обиделась Ольга. - Конечно, моя изба - это не твоя городская квартира с ванной да теплой уборной, но и в таком жилье ребятишки вырастают не хуже ваших городских, а может и получше. Топором да рубанком орудовать - это не женская работа, у меня тут ни сноровки, ни силы.

- А что, у женщин рук нет? - тут он так ли строго да взыскательно глянул на неё, что она оробела. - Коли вытолкнула своего мужа в шею, то беришь сама за мужскую работу. Другого выхода нет.

Она поняла, что тут не до шуток: «Ишь, избаловался командовать... Небось, жену свою жучит и мучит». Странное дело: хоть и обидно было, но в то же время и понравилось, что он так строго с нею говорит.

- Взяла б молоток да гвоздь, приколотила бы эту... как её? - грядка, да? И дужку дверную, и вешалку, - не унимался он. - Или ты не в состоянии сменить заржавленный патрон и вкрутить в него лампочку? Хитрость невелика.

- Я женщина! - опять напомнила она.

- Ну, раз женщина, тогда...

Тут он стремительно встал, шагнул к ней, не обнял - сильно обхватил руками, прижимаясь всем телом, - у неё дыхание занялось.

- Ты с ума сошел, - говорила Ольга, слабо отбиваясь.

- Соскучился, - объяснил он совсем другим тоном, не рассерженным - ласковым. - Целый день ждал, ждал...

- Да уж врика, - так и вспыхнула она. - Отпусти, вон угли из печки вывалились, пожар устроим.

- Ну ладно, с этим потом, - сказал он, отступаясь. - Раздевайся, садись к столу. И живей.

Отнял заслонку у печи, - в избе явственно запахло лапшой куриной. Да и вкусно так!

- Что это у тебя? Да уж не зарубил ли ты курицу? - насторожилась Ольга.

- Я на такие подвиги не гожд, - отвечал он со смехом. - Договорился с какой-то старушкой, у нее купил, она и зарубила, и ощипала, и выпотрошила. Себе взяла курью голову и ноги, сказала: «На холодец», а мне отдала остальное.

- Сколько она с тебя взяла?

- Не твое дело. Ты только представь: я впервые в жизни топил русскую печь и опять же впервые варил лапшу в чугушке.

- Мы тут живем скупой, - заметила Ольга, словно оправдываясь. - Денежку тратим с оглядкой. Привыкли так. Лапшу-то с курицей не варим - сидим на молоке.

- Ну, не одной же простоквашей нам питаться! - он уже наливал из чугушка варево, аромат которого сразу покорила ее: этот мужик справился и с поварским делом. - К тому же следует чтить древнюю русскую традицию: возле брачной постели ставить блюдо с вареной курицей, чтоб любовники вовремя подкрепили угасающие силы.

Ольга смутилась и вспыхнула всем лицом. А он зачерпнул в ковшик воды:

- Я полью тебе... помой руки перед едой, - и проворчал: - Неужели трудно обзавестись рукомойником?

- А где я его повешу? Во дворе?

- Ну, хоть вот здесь.

- Мешать будет... Да, ладно! Я уж привыкла так: умываюсь над ведром.

Он ей строго:

- Оля, привыкнуть можно ко всему. Но надо ли ко всему привыкать?

Сели за стол. Он ей озабоченно:

- Послушай, не могу понять, зачем вбит в потолок этот дурацкий крюк? На случай повеситься, что ли?

- Этот-то? - Ольга глянула вверх. - Для зыбки. Туда вставляется жердинка гибкая, а на конец ее - зыбка для ребенка.

- Вот дубина! - он хлопнул себя по лбу. - Ай да ученый муж: не смог догадаться. Конечно, для зыбки! Для чего же еще?

- И меня в ней качали, и сестренку... Да, небось, и маму мою тоже. Даже бабушку.

- Дом такой старый?

- Крюк еще старее, - усмехнулась Ольга. - Небось, служил и до того, как сюда его вбили.

- Ты и нашего ребенка будешь качать в этой зыбке?

- А почему бы и нет? - ответила она со смехом. - На чердаке стоит, резная, красивая, - не хуже нынешних кроваток.

Эта зыбка почему-то глубоко тронула Флавия.

- Действительно, - пробормотал он.

- Но ребенка еще надо родить, - напомнила она.

- Его еще надо сделать! - живо подхватил он.

- Разве можно так говорить!? - возмутилась Ольга. - Боже мой, вы там, в городе совсем обессовестились.

Далее словно тучка над ними прошла.

- А что, в этом доме нет ни одной книги? - осведомился Флавий Михайлович, и в тоне его голоса был уже упрек. - Или они спрятаны в надежном месте?

Ольга ответила после паузы:

- А вот поживи тут, в деревне, я посмотрю, захочешь ли читать.

- Почему нет?

Она не ответила.

- Как же без книг? - сказал он, пожав плечами. - Я уверен, даже корове иногда хочется уткнуться в любовный или приключенческий роман, вроде «Манон Леско» аббата Прево или, к примеру, «Опасные связи» господина Шодерло де Лакло.

- Корове-то, может, и хочется, да некогда: ей молоко надо нагуливать, теленочка выносить в животе. Поди-ка, потаскай такое брюхо да такое вымя целый день – захочешь ли читать?

- И люди так?

- У людей работа, хозяйство, опять работа, опять хозяйство. Дрова надо заготовить, сена накосить, огород вскопать, посадить, поливать... корову доить, навоз выгребать... а тут еще, глядишь, крыша прохудилась, изгородь повалилась... Крутишься, как белка в колесе.

- Это я понимаю. Но если выпадет минута желанного отдыха...

- А в минуту отдыха месту бываешь рада - сразу спать.

- М-да... А есть прекрасные сочинения - на все времена, для всех поколений: «Золотой осел» Апулея, «Декамерон» Боккаччо, «Жизнеописания» Плутарха... - перечислял Флавий Михайлович, пребывая в задумчивости.

- Вряд ли все это есть в нашей сельской библиотеке, - заметила Ольга.

- Ах, у вас тут библиотека! - оживился он. - Чего же лучше! Принеси мне оттуда что-нибудь, а? Только не детективы и не фантастику. Я их терпеть не могу.

- Ты намерен долго гостить? - спросила она после паузы.

- Накоротке не управиться с главным делом, - отвечал он очень серьезно.

Опять помолчали: разговор важный.

- Может, свежих газет завтра принести? - предложила она нерешительно, тем самым соглашаясь на продолжительное его гощение.

- Избави бог! Только не их... Последний том какого-нибудь собрания сочинений. Я люблю последние тома: там увлекательнейшие комментарии и примечания.

Он еще поразмышлял и сказал:

- Как же мой сын будет тут взрастать? Без книг...

- Сын? - переспросила Ольга. - Может, дочка? Я вот девочку хочу.

Он даже встал с лавки, возмущенный:

- Как девочку! Мы ж договорились вчера о мальчике! Ну, надо предупреждать... Тогда пойдем переделывать!

И схватил ее в охапку.

8.

Вечером пришлось им забрать Красотку на свой двор. Та была недовольна переселением, даже молока не хотела отдавать. Соломатин при свете слабой электрической лампочки отремонтировал ясли, укрепил ступени лестницы у мосточков под коровьим стойлом и дверцу в это стойло, и стекло вставил в малое окошко двора, которое было просто заткнуто соломой...

- Ишь, как хорошо, - похваливала Ольга и раз, и два.

Он ей на это:

- Мужик - он и в Африке мужик.

Спать легли, словно муж и жена, однако в постели она по-прежнему оборонялась от него, словно от насильника, хоть и не столь упорно, как в предыдущую ночь.

- Ну, хватит, - говорила она. - Уймись.

Одна-единственная мысль пробуждала в ней любовное чувство: «Маленький у меня будет...». И от этой мысли глубинное содрогание отзывалось в ней, заставляло ее делать встречные движения; руки хоть и неуверенно, однако же явно обнимали его, мужчину. Слово это - «маленький» - имело волшебное действие.

А Флавий Михайлович в свою очередь... Ни одна из женщин, которых он знал ранее, не вдохновляла его так, как эта Ольга. При том, что была чуть ли не враждебна к нему в постели. Он не возмущался - его это забавляло.

- Ну что ты лежишь, как дубовая колода! - тормошил он ее со смехом. - Как камень-валун, как глыба ледяная! Когда мужчина и женщина вдвоем, они должны самозабвенно трудиться - это творческое, вдохновенное дело! Грех двоим лениться в постели, это ведь не просто труд, а труд любовный - высшее проявление жизненных сил!

- Никакая не любовь, а обыкновенное распутство, - отвечала она. - Просто молодая баба, потерявши стыд и совесть, привела чужого мужика и уложила в свою постель. Вот и все.

В ответ он читал ей стихи:

*- Любви очарование исходит
От ваших слов, и я, внимая вам,*

*Не только вновь пылаю страстью сам,
Но верю - с милой то же происходит.*

- Что ты там бормочешь?

- Душа моя, я читаю тебе сонеты Петрарки. Он сочинил их для нас семьсот лет назад.

- Наверно, их надо читать не в постели?

- Отчего же! Место самое задушевное – постель.

- Да не тискай ты меня! И не трогай их, оставь их в покое.

- Там не тронь, тут не тронь, - ворчал он. - Ты ж красивая, цветущая женщина! Как я могу лежать рядом равнодушно? А ты должна вся огнем полыхать!

- Счас... распылалась.

Ночью случилось вот что: в самый ответственный момент подвела кровать. И смех, и грех: сломалась какая-то перекладина - вместе с матрацем и досками под ним любовники рухнули вниз, пружины зазвенели и стоечки деревянные с грохотом упали на пол. На мгновение и непроизвольно Ольга прижалась к Соломатину, словно они полетели оба в пропасть, но тотчас отстранилась, замерла.

- Первое объятие, - отметил он. - Видимо, для того, чтоб ты меня пылко обнимала, нужно землетрясение или извержение вулкана. Ну, что ж, еще не все потеряно.

Насколько ее сконфузило происшедшее - проклятая кровать! - настолько его развеселило. А Ольга встала и ушла от него, говоря в сердцах:

- Господи, что творим! Стыдно-то как! Ишь, кровать сломали...

- В том было ощущение полета! - возразил он.

- Вот навязался на мою голову! Ведь сказала же утром: уходи. Нет, не ушел.

- У меня правило: начатое доводить до конца, - невозмутимо объяснил Флавий Михайлович. - А ты женщина безответственная и легкомысленная: к исполнению святого долга спустя рукава относишься, тяп-ляп, кое-как.

Она не отозвалась на это смехом, а продолжала чем далее, тем сердитее:

- Тетка Валя давеча: друг, говорит, у тебя появился - кто такой? А что я сама-то знаю? Смотри, говорит, небось, мазурик какой... И то сказать, может и мазурик. Ишь, что плетет про древнюю Грецию да про Рим! Ох, дурит он меня, клуху деревенскую! Ох, дурит...

Легла в передней на кровать, проговорила:

- Ой, как холодно тут!

А из спальни с постели, распластанной на полу, послышалось вдруг задушевное пенье про липу вековую, которая над рекой стоит.

*Луг покрыт туманом,
Словно пеленой.
Слышен за курганом
Звон сторожевой.*

- Оля, подпевай, - распорядился он оттуда.

И она вернулась к нему... подпевать.

Именно в эту ночь Ольга сказала своему гостю с глубоким вздохом, с облегчением великим, словно исключительно важное дело свершила или словно до правды-истины докопалась:

- Ну вот... я только теперь поняла, что к чему... только теперь что-то расчувствовала.

И засмеялась, прижимаясь лицом к его плечу.

- Деметра, - сказал он, - ты становишься Афродитой.

Утром проснулись - еще только светало.

- Два сна видел, - сказал Соломатин. - Сначала приснилось - будто еду на велосипеде по-над берегом реки, а река внизу, в долине, вьется лентой. Утро будто бы этакое теплое-теплое, парное, с розовыми облаками на небе. А в реке купание по всему течению тут и там люди, крики, смех.

- Ой, и мне снилась река! - подхватила Ольга. - Я купалась, а платье да все прочее будто бы оставила и на том берегу, и на этом.

- Так это была одна и та же река, - решил он. - Ты, небось, видела меня на велосипеде?

- И уж просыпаюсь, думаю: как же я вот сейчас проснусь, а одежду свою по берегам не собрала еще! Может, думаю, мне подождать просыпаться, сначала собрать... А на мне будто бы уже платье, а пояска нет. Как же, думаю, без пояска-то? Распояской, что ли, ходить!

- Ты думаешь, это вещий сон? - размышляюще спросил Флавий Михайлович. - Он что-нибудь обозначает?

- Глупых да зряшных снов не бывает, - сказала Ольга. - Не поясок, а себя я потеряла... раз любовника завела.

- Не путай грех со святым делом.

9.

В обед она не пришла, как обещала, - небось, делами ее завалили; или приехал кто-то. Говорила, что комиссию ждут... Или налоговую полицию, есть теперь и такая.

Флавий Михайлович решил подоить Красотку сам, поскольку дело это им не испытанное; значит, надо испытать.

Корова никак не хотела признавать правомерности посягательства чужого человека на ее вымя; он уж угощал Красотку хлебом, подкладывал хорошего сенца - она отходила от него, едва он присаживался сбоку с подойником.

- Ну, мадам, - терпеливо убеждал он её, - не будьте так строги. Я же не корысти ради, а творческого познания для. По большому-то счету вы не правы, мадам. Каждый из нас должен исполнять свой долг, каждый к чему-то предназначен. И не следует проявлять строптивость там, где это неразумно!

Но опять-таки: он был не из тех, кто отступает перед трудностями, и уговоры его увенчались успехом: покорились Красотка. Соломатин тискал ее тугое вымя, осторожно потягивал соски, опасаясь, что они могут оторваться. То есть, казалось ему, что вот если потянет сильнее - останется сосок в кулаке. Струйка молока попадала ему в рукава, в колени, в полы куртки или просто в навоз, в подойник перепадало мало. И все же маленько он надоил, испытав чувство гордости, словно провел научный эксперимент, принесший ему положительный результат.

10.

Ольга возвращалась с работы в необычном настроении: вот придет сейчас домой, а там уже ждет ее... сильный, умный, ласковый... и пахнет-то от него мужиком – это и не объяснишь... Пошутит, обнимет...

Она так и всколыхнулась вся от этих мыслей, и прибавила шаг. «Боже мой, - сказала чуть не вслух, - какое счастье, когда в доме мужик! Как это хорошо - быть при мужике. Надежно-то как, тепло-то как! И дом не пуст, и душенька-то моя не пуста...».

Ей даже думалось, что теперь и ребенка ей не надо, раз есть такая повада - почти муж. Но она тотчас отогнала эту мысль: «Нет-нет, ребеночка я хочу... как же без него?».

Не шла - на крыльях летела. Даже расплакалась счастливыми слезами, подходя к своей деревне, а потом к своему дому: как хорошо, что есть там живой человек... который ждет ее. «Вот уж верно говорится: готова ноги ему мыть и воду пить. Не так, конечно, но почти так».

На крыльцо не взошла - вбежала. Сквозь сени в темноте... дверь распахнула с сильно бьющимся сердцем - все было так, как ожидала: «хозяин» сидел возле печки, которую только что растопил. Обернулся на скрип двери - лицо в играющих отсветах пламени, глаза блестят - он показался ей таким красивым, молодым...

- А-а, - сказал, - вот и ты.

И голос его отозвался в ней раскатистым эхом - небось, так колокольный звон отзывается в молитвенно настроенном человеке.

Она сняла пальто, поправила волосы:

- Так спешила, так спешила!.. Чего торопилась-то, дура! Словно на пожар.

Не в силах больше сдерживаться, шагнула к нему, вставшему возле печи, обняла без смущения, как жена.

- Соскучилась.

- Ишь ты, - он не ожидал такого порыва от нее, даже смутился немного.

Что с нею случилось? Обнимала и целовала, пылая.

- Вот всю дорогу думала о тебе. С ума ты у меня не идешь... Как до сих пор жила? Не жила - существовала.

- Я тебе ужин приготовил.

- Ничего не хочу – ни ужина, ни хлопот этих постылых о корове да курах... хочу к тебе.

- То есть вот так сразу, да? - уточнил он с коротким смехом.

Ответом было страстное содрогание ее тела и шепот горячий ему в ухо:

- Хочу к тебе.

Раздевались торопливо, помогая друг другу, не легли - упали, словно в азартном поединке сошлись - кто кого одолеет, кто кого поборет, победит.

- С ума сошли, - говорила потом Ольга, отдыхая. - Разве можно так долго!.. У меня сердце останавливалось, ей-богу.

- И у меня... Что ж, красивая смерть.

- Ох, с огнем играем.

- В том было ощущение полета, - возразил он. - Может, для того и живем.

- И почему я совсем не стыжусь тебя? Ну, несколько! Наверно, это плохо, да?

- Самое время - решать нравственные проблемы, - проворчал он.

- Хорошо ли, плохо ли... стыжусь, не стыжусь. То дело не разума, а высших сил! Можно сказать, космических! Нет случайности в том, что мы с тобой встретились: на то была воля богов. Коли что-то не так – то их вина, а не наша.

- Снега кругом... и небо ночное над нами... а мы словно посередине мира, совершенно раздетые, как Адам и Ева. И звезды вокруг... так, да?

- Звезды рождаются на земле, - сказал он, размышляя о чем-то.

- Думаешь, и наша взойшла уже?

- Взойдет, - отвечал он уверенно и огладил ее, лежавшую на спине, все ее тело - от двух больших холмов, которые он называл восхитительными, к животу и широкому развалу чресел. - Какая ты все-таки роскошная женщина!

11.

Уж поздно вечером встали - надо было управиться по хозяйству. Опять растопили печку, корову доили вдвоем.

- Да не бойся, не оторвутся, - говорила Ольга, хохоча. - Ты вот так, крепче, сильнее. Мужик ты или не мужик? Ой, руки обломать тебе надо, как ты это делаешь.

Потом, когда процеживала молоко в кринку, Соломатин сел рядом, сказал в задумчивости:

- Словно в запредельный мир попал. В другое тысячелетье. Все время вокруг необыкновенные звуки: вот шорох парного молока... скрип половиц... шум самовара... а то было - шелест соломы под ногами у коровы... шорох кур на нашести...

- То-то сласть! - заметила Ольга с улыбкой.

Немного погодя, она вспомнила:

- Я тебе книг принесла! Ты просил... что-нибудь почитать.

Она вынула из сумки три книги, одна из них, толстая, Флавию Михайловичу была знакома. Он открыл книгу, стал читать:

*Не отступлюсь от милого, хоть бейте!
Хоть продержите целый день в болоте!
Хоть в Сирию меня плетью гоните,
Хоть в Нубию дубьем.*

У Ольги было странное выражение лица: словно захватившая ее мысль остановила улыбку, и та замерла.

*Хоть пальмовыми розгами - в пустыню
Иль тумаками - к устью Нила.
На увещанья ваши не поддамся.
Я не хочу противиться любви.*

Очень хорошо читал, последнюю строку повторил задумчиво.

- Вот, Оля, - сказал он, закончив чтение, - эти стихи написаны пять тысяч лет назад. Ты слышишь ли, сколько в них чувства? Тут и нежность, и преданность, и страсть, и торжество, и... счастье. Всего в нескольких строчках.

- Дай-ка я, - сказала она, отбирая у него книгу.

Стала читать, усмехнулась, села на лавку. Еще почитала:

*Улягусь я на ложе.
И притворюсь больным.
Соседи навестят меня,
Придет возлюбленная с ними.
И лекарей сословье посрамит,
В моем недуге зная толк.*

А Флавий Михайлович ей, не заглядывая в книгу:

*Взяла бы хоть в привратники меня!
Ее бы выводил я из терпенья,
Чтоб чаще слышать голос этот гневный,
Робея, как мальчишка, перед ней.*

- Пять тысяч лет тому назад? - переспросила Ольга недоверчиво.

- Может, четыре.

Она ему в удивлении:

- Неужели и тогда все было, как теперь? Целовались, обнимались... ревновали, надеялись, страдали в разлуке... рожали детей.

Её, должно быть, поразила эта мысль.

- Четыре тысячелетия - срок пустяковый, - сказал он.

- Ты даже не заметил, как пролетели, да?

- Не заметил, - подтвердил Флавий Михайлович с самым серьезным видом.

12.

Наступил день, когда за завтраком Флавий Михайлович сказал осторожно:

- Знаешь, мне пора уезжать.

Улыбчивое, счастливое выражение на Ольгином лице мгновенно сменилось - тень легла на него.

- Надо ехать мне, - повторил он виновато и погладил ее руку, лежащую на столе. - Ведь у меня дела...

- У тебя отпуск, - напомнила она. - Завод твой простаивает.

- Это не значит, что и я должен простаивать.

- Но ведь... я еще не беременна!

- После такой-то нашей любви? Не может быть, потому что этого быть не может.

- Нет еще никаких признаков! А не ты ли говорил, что всякое дело следует доводить до логического конца?

- Я уже слышу победный звук трубы.

- А я нет. И еще ты говорил, что горячие блюда впереди.

- Горячие блюда уже были, - возразил он. - Мы их уже скушали.

- А сладкое на десерт? - не уступала Ольга.

Она говорила это с улыбкой, а на глаза навертывались слезы от внезапной обиды: он бросает ее... он хочет уехать... она ему больше не нужна.

- Из-за стола надо вставать с чувством легкого голода, - с серьезным видом пошучивал он. - Пресыщение - вот главный враг и здоровья, и любви.

- О тебе все забыли! Ты никому не нужен. Живи у меня.

- Я временно не востребован. Но сказано: стучите, и вам отворят. Поеду, постучу в дверь... У меня славное дело затеяно: одна лукавая частная фирма берется воплотить в материале мое изобретение, желая себя обогатить, а меня объегорить. Так вот, поеду договариваться о вознаграждении, желательно щедром. А то что ж я буду у тебя на содержании!

- О, ты честно отработал свой хлеб!

- Это утешительно...

Тут они разом засмеялись.

- Уезжай, уезжай, - сказала она. - Не думай, что я плакать да рыдать тут стану. Не таковская.

- Вот это разумно. Как ты раньше говорила: пинка под зад...

- Кулаком в загорбок. Только так и надо с вашим братом.

Напряжение спало немного. Он уже пошучивал:

- Вот поеду, в автобусе познакомлюсь с какой-нибудь молодой женщиной, она тоже захочет иметь ребенка... я у нее погощу недельки две. Потом к третьей... четвертой. Так и буду переходить из рук в руки. Славная профессия!

Ольга посмотрела на него: «Что ж, он может так шутить... Вот поедет, и рядом окажется женщина покрасивей да и побойчее меня. Такой-то мужик каждой глянется!».

- Кошке смех, мышке слезы, - вздохнула она.

Попрощались они дома, «чтоб не на людях», и Ольга ушла в село. Но когда увидела его из окна своей конторы на автобусной остановке, не выдержала, накинула на плечи пальто и прибежала к нему. И провожала, и перед тем, как войти Флавию Михайловичу в автобус, не стесняясь никого, обняла, заплакала.

- Я позвоню... - пробормотал он ей в утешение и подумал: «Где-то я уже это слышал: ты мне роди, а я перезвоню».

Тут Соломатин, пожалуй, впервые в полной мере почувствовал, насколько легкомыслен его приезд сюда, насколько легковесен и предрасудителен этот поступок. И еще на него повеяло как бы предчувствием беды... а если не беды, то чем-то очень серьезным, что будет иметь очень большое значение в его жизни. Это не конец - то, что он уезжает. Нет, не конец. Не завершение, отнюдь.

- Я обязательно позвоню, - повторил он.

Ей же было ясно, что он говорит затем лишь, чтоб хоть что-то сказать. В растерянности он, в неловкости. Она же почувствовала, как человек, ставший ей таким родным, отдаляется от нее, что уже почужал, и подумала даже, что никогда больше не увидит его, что теперь она осталась одна на веки вечные. Происходило потрясавшее душу отторжение родного - не человека, а целого мира! - от ее души... словно источник света отдалялся, и потому стремительно меркло все вокруг.

13.

Он уехал. Спасаясь от тоски и не находя себе места, особенно, когда приходила домой, где все о нем напоминало, она стала читать толстую книгу со стихами - ту, что принесла для Флавия Михайловича. Там было много непонятного, много странных, непроизносимых имен, но стихи о любви - стихи эти отзывались в душе ее радостью и грустью, тоской и нежностью. В библиотеке сельской оказалась и книга под названием «Декамерон» - Ольга читала ее, дивясь и радуясь, то есть

дивясь тому далекому миру, о котором рассказы эти, и радуясь, как все понятно и что «у них» там все так же, как и «у нас».

Библиотекариша по ее настоянию добыла в городской библиотеке и старенькую книжку «Золотой осел» в ветхом переплете, с римскими цифрами года издания на титульном листе. Ольга читала и опять дивилась - дивилась не волшебству превращения человека в осла, а тому далёкому миру в целом. Вот почему Флавий так любит древнюю Грецию – она наполнена в его сознании солнцем, живыми запахами, веселым людским говором. Он любит её, как сказку, как живую историю, волшеббно приближенную к нынешнему дню. И она, Ольга, полюбила. Там, во времена давние, библейские, была любовь такая, о какой и мечталось, и вот словно мостик оттуда перекинулся - из древности средиземноморской к ней сюда, в эту деревеньку... и в постылую бухгалтерию тоже.

Теперь, шагая домой с работы, она любила мысленно и вслух повторять стихи, написанные пять тысяч лет назад и запавшие ей в душу:

«Ласточки я слышу голос: «Брезжит свет, пора в дорогу!» Птица не сердись, Не брани меня. Милый у меня в опочивальне. Радуется сердце...».

Как счастлива была та женщина... ласточка над нею раным-рано щебечет. *«Птица, не брани меня».* То есть не напоминай, что пора уходить, расставаться. И как это хорошо: *«Милый у меня в опочивальне».* То есть не буди его, он спит, он устал. А дальше там: *«Стала я счастливейшей из женщин... Сердца моего не ранит милый».* Как это опять хорошо: не ранит ее сердца милый...

Ольгу глубоко трогали эти строки, прямо-таки до слёз. И смахнув слезу, она читала вслух, благо никто ее не слышал:

- К воротам обратив лицо - Вот-вот придет любимый! - С дороги не спускаю глаз. И каждый звук ловлю. Любовь моя забота. Мое занятие - ждать. Любви - и только ей! - Я сердцем поклоняюсь...

Это та же или другая женщина? Да не важно! Все они сестры...

«Все мы сестры».

А египтянка эта - богатая госпожа - только тем и занята, что ждет, на ворота смотрит. И это так понятно!

- Послал бы скорохода, Чтоб вестник быстроногий Мне без оби-

няков Сказал про твой обман!..

По-нынешнему: послал бы телеграмму. Она тревожится, ревнует, та женщина, как ждуг и ревнуют ныне:

- Признайся, ты завел другую! Она тебя прельщает. Возможно ль кознями своими Ей вытеснить меня?

От женщины той, что осталось в мире? За пять-то тысяч лет ни косточки, ни горсточка праха, а голос ее звучит... и вздох ее. Почему так? А потому, что горячо любила. Не любила б, так и вовсе ничего не сохранилось. А так - голос ее, счастье ее, душа ее. Не зря жила.

Никогда раньше стихи не интересовали и не волновали Ольгу. И скажи ей кто-нибудь, например, полгода назад, что будет читать их вот так вслух себе самой, - конечно, не поверила бы. Сказала бы: ну, тронулась баба... вовсе сумасшедшая.

14.

При многолюдье в конторе ей вдруг слышался его голос в коридоре за дверью - она вздрагивала, волна радости жаром окатывала ее; но тотчас следовало разочарование: ошиблась. Долго потом не могла успокоиться, была рассержена, не могла сделать и простого расчета. А вечером домой шла всякий раз с надеждой: вот сейчас подойдет к своему дому, а там свет в окнах и дым из трубы... и любимый ею человек сидит перед печкой, мастерит что-то, напевая «Липу вековую». Воображение подсказывало, как он обрадуется ее появлению, как обнимутся они, как потом, весело разговаривая, сядут ужинать - уж верно он что-нибудь приготовит вкусное к ее приходу!

«Какое это счастье - мужик в доме, - снова и снова думала она. - Как это людям везет в жизни! А за что ко мне-то судьба немилостива?»

«Милостива, милостива! - подсказывал кто-то. - Ведь ты его встретила, ты с ним была - и все тебе мало, мало...».

«Конечно, мало! - жарко возражала Ольга. - Сколько он у меня и пожил-то? Неделю...».

Однажды подумала, будто спохватясь: «Ни разу не вспомнил о выпивке, не завел разговора о водке... что за мужик такой!». Ведь принесла для него бутылку, но он сказал: «Что ты! У нас дело святое... Нам с

тобой пить нельзя: малышу это вредно».

- Какому малышу! - засмеялась она. - О чем ты говоришь?

- Звездочка зажглась, - возразил он ей тогда.

Он даже вывел ее на крыльцо, показал ту звездочку, называя дивные имена созвездий, - Кассиопеи, Персея, Андромеды, Пегаса... Где-то возле созвездия с названием Северная Корона он и усмотрел новую звездочку.

- Вот смотри, - объяснил он. - Ты легко найдешь ее - это на полпути от Веги в созвездии Лиры до Арктура в созвездии Волопаса. Как раз между ними. Ее не было, клянусь тебе, а теперь есть.

- Да ну тебя! - смеясь, отмахивалась Ольга. - Там, между прочим, не одна, а две звездочки. Что ж мне теперь, двойню родить?

- Две?... Я вижу одну.

Шагая через поле, она досадовала, если небо затянуто тучами, и ей не видать звезд.

А в тот вечер он долго рассказывал о созвездиях, и получалось, что звездное небо над ними заселено живыми существами - зверями, богатырями, богами, исписано дивными названиями, загадочными знаками.

«Ну, не может быть, - говорила себе Ольга, - что так уж вот хорош со всех сторон этот Флавий!.. Должен же быть в нем какой-нибудь недостаток!»

И не находила недостатка. Добрый, умный, образованный... работающий, непьющий, хозяйственный... улыбка и, взгляд ласковый, голос заботливый... и всегда спокоен, рассудителен, совестлив... Голоса не повысит! Матерно не ругнется! Не обидит ничем.

«Да я и не достойна его, - думала Ольга. - Мне, дуре, только Окайнов Володька пара. А от Флавия Михайловича и ребенок-то будет... особенный, не как у всех...».

«А он старый», - подсказывал хитрый голос.

На это она только улыбалась.

Как он славно ее называл: «Душа моя...». Старомодно, даже ма-нерно, а ведь как хорошо, как ласково: «Душа моя...».

15.

Он позвонил уже в марте; голос его в телефонной трубке был так отчетлив, словно он находился в соседней комнате. Ольга всколыхнулась радостно:

- Ты где?!

Ей подумалось, что он уже приехал, что уже рядом.

- В Петербурге, - отвечал он ровным голосом, и тем самым как бы отодвинул ее на расстояние. - У меня тут кое-какие хлопоты...

- Ты приедешь сюда? - спросила она, замирая.

- А разве в этом есть необходимость? - озаботился Флавий Михайлович.

Она молчала. О чем он спрашивает? Что подразумевает под «необходимостью» - ее желание видеть его или совсем другое?

- Оля, самый главный вопрос: «Да» или «Нет»?

Такая у них была договоренность: он спросит ее именно так, и она должна будет ему ответить.

- Оля, так что?

- Да, - сказала она и повторила громче. - Да!

- Фирма веников не вяжет, - отозвался он так же ровно. - Поздравляю нас обоих. Как ты себя чувствуешь?

Но тут в разговор их вмешалась городская телефонистка; чей-то голос скандально требовал какую-то Ньюру, и неведомая эта Ньюра кричала из-за тридевяти земель, ее не слышали, а телефонистка по этому поводу нервничала.

- Да погодите вы! - закричала и Ольга в трубку, рукой замахала на пришедших к ней и базаривших возле нее в бухгалтерии. - Выйдите, дайте поговорить.

- Как ты себя чувствуешь? - настойчиво спрашивал отдалившийся голос Флавия Михайловича. - Все ли у тебя благополучно дома? Ты почему молчишь?

- Хорошо! - крикнула она. - Благополучно! Ты приедешь?

Она хотела жарко попросить его, чтоб обязательно приехал, хотя бы на один день, что ей нужно сказать ему очень важное... но те, что явились к ней в контору, как раз уставились на нее во все глаза, паразиты несчастные...

Он ее, наверно, не услышал... Проклятый телефон! Проклятая контора, откуда не поговорить с человеком!

Несостоявшийся разговор хоть и огорчил, но и обрадовал ее. Не получилось разговора, но как все-таки не порадоваться: раз звонит, значит, помнит, авось позвонит и еще раз.

Чем больше размышляла она, тем тверже убеждалась: он хотел ей сказать, что придет. Именно так: хотел сказать, но не успел. Иначе зачем было бы звонить?

«А затем, - безжалостно возразила она себе самой, - чтоб узнать, беременна ли. Только это его и заботит. О, Господи! Да конечно же! Как тут не забеременеть! Али я больна, али ты нелюбим? С этим-то все в порядке, милый мой. Но мне тебя надо видеть, тебя!».

Нет, он не считает их отношения законченными. Может быть, даже скучает по ней? Почему бы и нет! Ведь так радовался ей, пока жил тут! Такие слова говорил!

История их нечаянного союза только началась, и продолжение впереди. Ну, не может быть, чтоб больше ничего! После такой-то их пылкой любви уехать, и все? Приедет... никуда не денется... Она подумала, что имеет власть над ним, женскую власть, которая достанет и до Петербурга. Ведь позвонил же!

И стала ждать.

Так прошла неделя, вторая, третья... День ото дня надежда ее таяла, и не было уже прежней уверенности: ее власть над ним, по-видимому, не распространилась дальше деревни... или дома... или постели. Увы, это так.

На исходе третьей недели после неудачного телефонного разговора, Ольга уже знала: все кончено, он не приедет никогда. И даже голоса не подаст. Он специалист по каким-то там пустотам, которому нет равного. За делами забудет о ней. Она никогда его больше не увидит.

16.

На работе у нее было так: то весь день, и второй, и третий особой спешки нет, можно чай распивать, поболтать с заходящими в бухгалтерию, даже отлучиться куда-нибудь - в магазин, в церковь свечку поставить «к празднику»; к главе местной администрации (раньше была

председателем сельсовета) наведаться, посекретничать с нею - подружки со школы, на одной парте сидели. А то вдруг подвоят дела - то отчеты, то зарплатные ведомости – ни минуты отдыха. Как волна - прилив, отлив.

В конце марта «волна» прихлынула. Ольга ездила в город насчет ссуд, которые были обещаны колхозу; ее вызывали для объяснений в налоговую инспекцию; оформляла пенсионные дела сразу на несколько человек... А дома своя чередка хлопот: скоро водополица, а там и праздник Пасха - значит в избе генеральная уборка, стирка всего, вплоть до половиков; печь надо побелить, полы вымыть с дресвой... А Красотке пора уже отелиться, но что-то она медлит, хотя все сроки прошли. Еще неделю назад тетка Валя увела корову к себе, но вот наступил день, когда она сказала Ольге:

- Ты, девка, нынче приди засветло - что-то, думается мне, к вечеру отелится наша коровушка.

И верно, не ошиблась тетка Валя: вечером при свете керосинового фонаря (электричество, как на грех, отключили) их Красотка отелилась. Немало помучилась бедная скотинка и хозяйек своих помучила, но ничего, все завершилось благополучно.

От этих волнений да от бессонной предыдущей ночи тетка Валя прямо-таки с ног долой. «Ну, что-то я, девка, совсем никуда стала». Конечно, годы не маленькие, да и питание скудное: картошка вареная да свекла пареная. Молока-то не было долго: Красотка в запуске. Откуда силы взять старухе!

Ольга не решилась оставить у нее теленка, а дождавшись, когда корова облизала новорожденного, закутала его в старый тканый половик и понесла домой.

- В санки положи да и вези, - посоветовала тетя Валя.

- А я так донесу.

- Эва, здоровущая какая!

Был легкий морозец, Ольга опасалась, как бы новорожденный не простудился, шла торопливо, запыхалась, ноша была отнюдь не легкая. А подходя к своему дому, остановилась, как вкопанная: в окнах горел свет.

«Мама приехала!» - мелькнуло в голове.

Но нет, раньше мая та не вернется, и уж прежде чем приехать, письмо придет.

«Да неужели он!?» - опохнуло ее радостью.

Не веря тому, что сейчас сбудется счастливая надежда, она поднялась на крыльцо, споткнулась о порог, чуть не выронила теленка, прошла сениями, едва нащупала дужку двери - теленок слабо мыкнул у нее на руках - открыла — Флавий Михайлович сидел возле печки - «Любимый мой!» - что-то там мастерил...

- А вот и хозяйка, - сказал он так, словно и не уезжал никуда. - Э-э, да ты не одна... уже с ребеночком. Ничего себе, как быстро-то!

Пошутил, и тотчас подхватил ее живую ношу, опустил на пол - теленок неуверенно встал на ноги. Они смотрели на него оба и друг на друга, от волнения даже не поздоровались.

- Брюнет, - сказал Флавий Михайлович. - Ой, да он кудрявенький!.. Телочка или бычок?

- Бычок, - сказала Ольга, улыбаясь. - Ты давно приехал?

- Давно. Я уж наработался.

Ей хотелось обнять его... и не могла. Говорила какие-то глупости. А, впрочем, он не очень-то и вникал в ее слова.

17.

Нового жителя поселили под голбец, где Соломатин сделал ему выгородку. Теленочек совершенно умилил Флавия Михайловича да и Ольгу тоже: и моргал глупо, и ногами переступал смешно, а всего глупее и смешнее взмывкивал иногда.

- У нас уже был точно такой же три года назад, - озадаченно сказала Ольга. - Ну да, вот же белое пятно под глазом...

Но еще больше озадачился Флавий Михайлович:

- И у нас был точно такой.

- Где?

- В нашем имении, помню, паслось стадо телят, и один из них, тютелька в тютельку похож... Эй, а не ты ли это, приятель?

Признаться, Ольгу смущало, что новорожденную скотинку придется поселить в избе, но Флавий Михайлович отнюдь тому не удивил-

ся, и очень серьезно разговаривал с теленком.

- Послушай, а это не ты ли сжевал край моей льняной туники, пока купался в Тибре, помнишь?

Ольге он сообщил деловито:

- Мы владели большим поместьем к северу от Рима, между Фламиниевой дорогой и Тибром. Я ходил в льняной тунике, мне ее выткала рабыня, купленная в Пирее у торговых людей из Кафы, - это на Понте Евксинском. А этот коровий сын сжевал чуть не наполовину, пока я купался, бросив тунику на берегу.

Теленок виновато моргал глазами, словно и в самом деле две тысячи лет тому назад совершил такое преступление. Что касается Ольги, то ей эти названия - Понт Евксинский, Фламиниева дорога, Пирей - ласкали слух. Ее не заботила правдивость его слов, она не настолько глупа, чтоб принимать это всерьез, главное - как увлекательно все, что он говорит!

- Вот ты совершенно напрасно не веришь, - сказал Соломатин улыбающейся Ольге. - Все возвращается на круги своя, уверяю тебя. Может быть, и ты жила там две тысячи лет назад, но не хочешь вспоминать, ленишься.

- Нет, - сказала она убежденно, - если я и жила две тысячи лет назад, то здесь, а не там.

- Как знать, как знать...

- Я даже у вас в Петербурге не могла появиться на свет.

- Вот как, - тут он нахмурился. - Я в этом слышу намек.

- Ни на что я не намекаю. Просто я здесь родилась и не хотела бы больше нигде родиться. Вот и все.

- Вот в этой деревушке, занесенной снегом?

- Именно в этой.

- Душа моя! Да ты только представь: безоблачное небо на все лето, апельсиновые рощи... не кусты, не отдельные деревья, а целые рощи! И на них апельсинов тьма-тьмушая.

- Зачем мне апельсины, у нас картошка есть, - ответила Ольга, смеясь.

- Виноградники наши спускались к Тибру. Идешь по дорожке, а

виноградные лозы переплетаются над тобой... смотришь вверх - листья и грозди винограда пронизаны солнечным светом...

Говоря это, он нарезал проворно и сноровисто привезенную им копченую колбасу, сыр, грудинку... тонкие ломтики словно сами собой отделялись от его ножа.

«Что за мужик!» - дивилась Ольга, глядя, как он ловко это делает. А Флавий Михайлович, оказывается, уже и супчик сварил. Когда он успел?

- А мебель там какая была, в твоём имении на берегу Тибра? - спрашивала она. - Из каррарского мрамора, о котором ты рассказывал в прошлый раз? Мраморные кресла, мраморные кровати... так?

- О, лукавая женщина! - возмутился он. - Она смеется надо мной!

И рассказывал ей об украшенных резьбой креслах, о столиках с инкрустациями, о шкафах из палисандрового дерева, с золотыми пластинами и тиснением, о кипарисовых сундуках, о ларцах из слоновой кости и статуэтках из камня, привезенных из библейской страны Офир... Потом о растении под названием мандрагора, особо чтимом в Риме да Афинах; у этой самой мандрагоры, оказывается, корень, как у дальневосточного женьшеня, - в виде человеческой фигурки. Из него делают волшебную настойку - утоляет боль телесную и душевную, исцеляет недуги и помогает в любви.

- Обойдемся, - сказала на это Ольга. - Что нам мандрагора - у нас лопух есть, а у него те же целебные свойства.

18.

На другой день пала теплынь на землю. Да и пора было ей пасть: уже середина марта. Солнце с утра взошло и пригрело по-летнему - хоть раздевайся до рубашки. Куры отчаянно кудахтали и снесли в корзине с соломой над дровяной поленницей пару теплых яичек - Ольга, подоив корову, принесла те яички с ликованием.

Петух, уже прозванный Прометеем за свой огненный хвост, то и дело взлетал на потемневший сугроб и победно горланил; ему откликались двое соперников с другого конца деревни. Флавий Михайлович, выйдя на крыльцо, его урезонивал:

- Ты ведешь себя вызывающе и дерзко. Не провоцируй зиму, а то опять грянет мороз - гребень отвалится.

Прометей поглядывал на него пренебрежительно и высокомерно то одним глазом, то другим.

Едва только Ольга ушла на работу, Флавий Михайлович принялся за дело. У крыльца скопилась талая вода - ни выйти из дома, ни к дому подойти. День теплый, снег подваливался на глазах, оседая. Флавий Михайлович взял заступ, стал копать канаву мимо двора, через огород, вниз к ручью - по глубокому снегу, под сугробом пробил туннель. Занятие это подогревало в нем детский азарт; когда вода от крыльца тронулась и, шурша снегом, побежала по его канаве да ринулась в туннель и вырвалась опять на волю, под уклон - он даже засмеялся, а петуху с пламенным опереньем сказал:

- Оцени мое могущество, Прометей! Все мне подвластно: и воды, и снега.

Потом он наведался к ветлам на другой стороне улицы - там выступала из снега обгоревшая печина: Ольга сказала, что дом тут сгорел три года назад. Осмотрев пепелище, Флавий Михайлович остался доволен: можно добыть несколько десятков кирпичей, годных в дело, им задуманное. Еще один дом был разобран на дрова года два назад - тоже осталась печина - если произвести раскопки, и тут можно пожить.

Ухая в снег, он спустился по огороду в низину. Тут бурлил ручей. Видимо, всю зиму он незримо тек подо льдом, но вот теперь взломал панцирь, и голос его обрел торжествующие ноты. Флавий Михайлович проследил его путь вверх и вниз по течению насколько хватало глаз и вспомнил сказанное вчера Ольгой: в ручей этот вот-вот пойдут нереститься щуки из большой реки; в прежние времена мужики деревенские били этих щук острогами, а теперь вот некому браконьерничать.

Но рыбное браконьерство не занимало Соломатина: тут, у ручья, был глинистый обрыв, про который опять-таки говорила Ольга; глина в нем, уже прогретая солнцем, для задуманного дела была ценнее, чем рыба.

Флавий Михайлович сходил за железной лопатой, выкопал нору в обрыве - в глубине глина была качеством лучше - ее-то и накопал, и наносил к дому старым дырявым ведерком.

Вот после всех этих хлопот он залез на крышу, сбросил снег и стал разбирать кирпичную трубу, спуская кирпичи вниз по скату крыши. Это была труба над нежилой половиной избы, ставшей на время баней и прачечной. Он решил разломать эту печь до основания и поставить на ее месте новую. Да и не кое-какую, а настоящую, как говорится, по последнему слову науки и техники: чертежи такой печи на нескольких листах он привез с собой - не поленился сам начертить их заранее.

Никогда не приходилось ему класть печи, и даже не видел, как это делается. Его и воодушевляла новизна предприятия, потому он взялся за работу решительно и со вдохновением.

С крыши видна была безлюдная деревня, неровная тропка, уходящая к селу с церковью, ручей с красноватыми кустами, околица с протаявшими пригорками, поля еще заснеженные.

«Смотри-ка, грачи прилетели!» - вскинулся Флавий Михайлович: по снегу совсем недалеко расхаживал угольно-черный грач, и еще несколько их сидело на тополях возле старых гнезд, а кричали с исключительным нахальством и радостью.

Ту же радость и, пожалуй, то же нахальство чувствовал в груди своей и Соломатин; было в этом чувстве что-то знакомое, приплывшее к нему издалека, словно мотив забытой песни.

Покончив с трубой над крышей, перебрался он на чердак, там стал разбирать. Тут пришла тетка Валя, окликнула из сеней:

- Эй, Ольга, это ты там? Или домовой?

Соломатин спустился к ней в сени по лестнице, старуха узнала его:

- А-а, опять друг у Оленьки. Ну, не пройдет ей это даром.

- А что может случиться, Валентина... как вас по батюшке?

- По батюшке я Павловна.

- Так от чего вы хотите уберечь Ольгу, Валентина Павловна?

- А говорят: от собак - блохи, от мужиков - дети.

- Ну, так хорошо! - сказал он бодро. - Дети - цветы жизни.

- Плохо ли! - вздохнула она. - Только вот ваше мужинское дело - погостил да и уехал. Знамо дело - не рожать. А баба потом мучайся с ребенком.

- Одно теряешь, другое обретаешь, Валентина свет Павловна, - возразил Соломатин. - Так уж устроена жизнь: за все платить надо. И

ночи бессонные, и страдания, и нищета прижимают, но и голосок сыновний слышишь, и глазки его сияют тебе навстречу. У всякой женщины должны быть дети, иначе... как ей и на свете жить!

- Так-то оно так, - сказала старуха. - А случись наоборот: погостила баба у мужика - он бы и родил. И валандайся мужик с ребенком. Что ты на это скажешь, герой?

- А то скажу: случись такой порядок вещей, я исполнил бы свой долг.

- Ну-ну, - проворчала она. - На словах-то мы все горазды.

- Слова словами, а тут дело святое, - строго сказал Соломатин.

- Вот я молочка принесла, - сказала тетка Валя уже миролюбиво. - Попоить надо... теленка-то. Ишь, какой! Тоже цветок жизни.

Видно было, что она еле-еле приплелась, и поить теленка сил у нее не было, только распорядилась:

- Молочко-то погрей... не до горячего, а чтоб только тепленько.

Флавий Михайлович мыл руки над тазом, поглядывал на теленка; мыл тщательно, словно хирург перед операцией.

- В миску налей, - подсказывала тетка Валя, - или в чугунок да сунь в печь, в жараток. Небось, там угольки.

Молоко подогрели, тетка Валя опустила в него палец, как термометр:

- Годится... Ты руку сунь в молоко и с пальцем ему давай, с пальцем... пусть сосет.

Теленок крепко прихватывал соломатинский палец, того и гляди откусит.

- Да не бойся ты его! - ободряла она то ли теленка, то ли Соломатина. - Чай, не волк, не заест тебя.

Соломатин улыбался.

Тетка Валя, видя, что дело это им уже освоено, уплелась к себе домой.

19.

Теперь, заходя в жилую половину избы, Флавий Михайлович неизменно встречал дружелюбный взгляд теленка. А тот уже взбрыкивал, подкидывая тощий зад и поскользаясь на мокрой соломке. Ручеек от загородки выписывал загогулину к самому порогу.

Соломатин, проходя мимо, укорял:

- Нехорошо себя ведешь, Фёдор, нехорошо. Не по-мужски, несолидно. Ты извини, я откровенно говорю, с дружеской прямоотой. Я ж тебе посудинку подставил, учись быть культурным.

Имя Фёдор почему-то соответствовало юной скотинке, неведомо почему.

Ольга вернулась с работы вечером и застала великий разор в доме. Пахло печной сажеей, кирпичной пылью, глиной... через сени натоптана была грязная дорожка на улицу, у крыльца стояла широкая желтая лужа. Но теленок был напоен, соломка у него постлана свежая, печь истоплена, что-то даже сварено - все путем.

- Ты что тут творишь? - озаботилась хозяйка. - Что ты нагородил?

Все обошла, все оглядела и вынесла решение:

- Правильно, чего тут: ломать - не строить... Ладно, потом печника приглашу, он поправит дело.

Не верилось ей, что ему, «специалисту по пустотам», удастся справиться с таким делом.

А на другой день Соломатин сложил из обмытых кирпичей печку до самого потолка - сложил без глины, как бы понарошку, сверяясь по чертежам, но не на том месте, где ей полагалось быть, - у противоположной стены. Сложенная печка озадачила вернувшуюся с работы хозяйку, потом вызвала ее неудержимый смех.

- Ты что натворил? Разве ей там место?

- Я все делаю по науке, - невозмутимо сказал ей Флавий Михайлович. - Сначала проект, потом макет, а уж потом само сооружение.

- А я подумала...

- Ты не усвоила главного, - сказал он ей, - род Флавиев - славный род! Мы все делаем основательно, не с бухты-барухты и не кое-как. У тебя будет возможность убедиться в этом, когда родишь.

- Не говори так: сглазишь. То же и с печкой: не хвались, идучи на рать, а хвались идучи с рати.

За два последующих дня он сложил печь уже как полагается. Все было в ней - и конфорочки, и вьюшка в трубе, и духовка, и заслонка для этой духовки.

Потом принялся Соломатин за настоящую русскую печь - это уже в жилой половине избы. И ее сложил - хоть хлебы в ней пеки, хоть щи вари, хоть валенки суши; и можно полежать на ней, погреться...

20.

Ольга не могла нарадоваться.

- Погубишь ты меня, - сказала она.

- Это как?

- А вот полюблю так, что и жить без тебя не смогу. Что тогда? В петлю?

- Да уж, другого выхода не будет, - деловито отозвался он.

- Я уже полюбила тебя!..

- Это неудивительно, - так же ровно отозвался Флавий Михайлович. - Я и красив, и умен, и добр... всегда трудолюбив и весел, в меру нахален - все лучшие мужские качества имеются в наличии.

Это он пытался свести все в шутку, но Ольга не расположена была шутить.

- Уезжай... а то у меня плохие мысли зашевелились.

- Обо мне? Гони их прочь!

- Нет, о себе. Знаешь, я нынче поймала себя на том... что не надо мне никакого ребенка, лишь бы ты был рядом. И чтоб удержать тебя, я уже на все готова... Так подумала: зачем ему беременная любовница! Какой прок? Надо избавиться от этого.

Он внимательно посмотрел на нее.

- Вот до чего додумалась... - сказала она сокрушенно. - Так что уезжай. Одно дело, когда женщина хочет ребенка, и совсем другое - когда ей, видите ли, только мужика надо.

- Грубовато ты о себе, - заметил Флавий Михайлович.

- А чего там! Какая есть.

- «Мужика надо» - это, Оля, жажда любви, - сказал он. - Она свойственна каждому человеку. Любовь дело святое. Не казни себя. А мне, действительно, пора.

И подумали оба вот что: прощание их надо сократить во времени, чтоб вся эта история не слишком тяготила потом.

Он уехал. Не обещая впредь ничего.

21.

В конце августа Соломатин получил деньги за свою работу - внедрили очередное его изобретение. Деньги были немалые. Не мешкая, он продал свой старенький «Москвич» и купил последнюю модель «Жигулей». А купив, тотчас засобирился в путь.

Выехал из дома раным-рано, и за все время пути его не смогла обогнать ни одна автомашина. В Твери он хотел остановиться и позавтракать в каком-нибудь кафе, но передумал и отправился дальше. К полудню приехал в районный городок, а еще через десять-пятнадцать минут - в село, где Ольгина контора.

Он подъехал к этой конторе, зашел с деловым видом, - ему сказали: «Оля не работает: она в декрете». Он кивнул в ответ на это и вышел. Никто не задержал на нем любопытного взгляда, никто не заинтересовался, кто именно приехал и для чего спрашивает Ольгу. Мало ли кому нужен колхозный бухгалтер!

Выехав на околицу, он остановился в недоумении, не узнавая места: дороги на Ольгино не обнаружил. То есть видел перед собою поле, засеянное овсом, и лес за ним. Дороги через поле не было. А он помнил, что именно за этим лесом будет деревенька, которой он не знал даже названия... и мысленно называл так: Ольгино. Впрочем, через поле сначала по меже, потом наискось вела тропинка, она едва-едва протоптана была, то есть по ней за день проходили два-три человека, не более.

Поразмышляв, Флавий Михайлович поехал по околице и спустился в низинку, в которой можно было угадать извилистое русло ручья, обозначенное зарослями кустов. Ручей, сделав несколько петель, скрывался за косогором. Тут Флавий Михайлович свернул с дороги и поехал пологим склоном. Справа было поле овса, а слева пойма ручья,

кочковатая, заросшая кустами конского щавеля. А само русло заросло ивняком и брединой. Несколько раз Соломатин останавливался, проходил немного вперед, разведывал себе дорогу. Позади оставались две глубокие полосы от колес в высокой траве. От ручья несло густым медовым ароматом - это от таволги, уже доцветающей. Ручей шумел то сильнее, напористее, а то нежнее, мелодичнее; в одном месте он шумел и вовсе грозно - как водопад.

Флавий Михайлович ехал медленно, как бы шагом, опасаясь, что угодит в яму, не заметив ее в высокой траве. Застрянешь - кто поможет? Полное безлюдье вокруг. И верно, раза два машина нырнула мотором вниз, но ничего, выбралась.

Крыши Ольгиной деревеньки он увидел под горою. Отсюда открывался славный вид, который тронул его душу: дома выглядывали из зелени, на высоких тополях чернели грачиные гнезда... У него почему-то забилось сердце. Поймав себя на этом, Соломатин отметил: «Ишь, отзывается».

Не торопясь, Флавий Михайлович подъехал поближе и вышел из машины. Его поразила тишина - только грачиный грай раздавался над деревней. День был тихий, ветерок не качал веток, а лишь шевелил листья да колыхал травы. Петух пропел...

«Это Прометей», - отметил Соломатин, усмехнувшись.

Под старым бревенчатым мостом ручей разливался широко по песочку, по россыпи разноцветных камушков. Флавий Михайлович разулся, закатал штанины, обувку свою оставил у машины и перебрел мелководье, дивясь каменной мозаике.

«Будет сынишка - прибежит сюда камушками играть», - отметил Флавий Михайлович, словно приходя в себя, и опять усмехнулся.

От ближнего дома донеслись голоса, он увидел мужчину и женщину, и так определил, что это дачники; Ольга говорила, что городские живут в деревне все лето - три семьи. Одна - москвичи, еще из Воскресенска, и третья, вроде бы, из Твери.

Соломатину не хотелось попадать кому-либо на глаза, кроме Ольги, и он пошел не прямо в деревню, а вдоль русла ручья, и тут заросшего таволгой.

Он вышел к старому пруду, почти сплошь покрытому стрелоли-

стом и зелеными клубочками тины, - о нем зимой говорила Ольга, что в нем тьма-тьмущая карасей. Это было истинно лягушиное царство; одна из лягушек спокойно смотрела на подошедшего к берегу Соломатина из воды, и вид у нее был умудренный.

На берегу пруда за кривой ствол ветлы был привязан на длинной веревке черный теленок с белым пятном, съехавшим со лба на глаз и ниже...

- Фёдор! - сказал ему Флавий Михайлович. - Здорово, приятель! Как ты вырос-то! Ну, я не ожидал...

Фёдор смотрел на него, недоумевая, и вдруг кинулся в сторону, пока не натянулась веревка.

- Ты что, не узнал меня? - укорил его Флавий Михайлович. - Не-хорошо, брат, не по-дружески. Я ли тебя не поил, я ли тебе баночку не подставлял... Коротка же у тебя память! Неблагодарность - худший из пороков, запомни это.

Он подошел-таки к теленку, погладил - шерсть у него была на удивление шелковиста и тепла. Теленок боднул его - Соломатин покачулся.

- Не фамильярничай, - сказал Флавий Михайлович. - Как-никак я кандидат наук, а ты кто такой?

Вдруг совсем рядом с пруда поднялась серая цапля и полетела низко, задевая за кусты опущенными длинными ногами.

Боковым зрением Флавий Михайлович заметил движение, обернувшись, увидел женщину, спускающуюся к пруду с тазом белья: Ольга шла, тяжеломерно переваливаясь с ноги на ногу. Живот ее был так велик...

«Да что ж она, четверых решила родить!» - весело подумал Соломатин.

Она не видела его, и он окликать ее не стал, а сел на бережку, в ожидании, когда она посмотрит в его сторону. Вот спустилась к мосточкам, которых он сначала не заметил, поставила таз с бельем, выпрямилась... потуже подвязала платок, осторожно спустилась на одно колено, взяла из таза жгут белья, стала полоскать. Волны полукружьями расходились по пруду, колыхая водоросли и осоку. С противоположной стороны пруда обеспокоенно проквакали лягушки.

Это что же, его, Соломатина, сын будет жить здесь, в заброшенной

деревушке? И детство его пройдет среди этой тишины, под грачинный грай?

Какой-то потаенный смысл будоражил ум Соломатина. Какая-то мысль вот-вот должна была родиться...

ЭПИЛОГ

Конец этой истории таков.

Нынешней зимой я отправился с моим другом Флавием Михайловичем Соломатиным (имя и фамилию мне пришлось немного изменить) в дальнее путешествие. Возвращались мы уже вдвоем: я сидел за рулем, сзади - мой друг с младенцем, которого он то держал на руках, то устраивал на мягком сидении, как заботливая и любящая мать.

По пути туда и обратно он рассказал мне, как познакомился с Ольгой, как полюбил ее - мужской разговор! - как ремонтировал деревенскую избу и подружился с телянком по имени Фёдор и с петухом по имени Прометей... как сложил настоящую русскую печь, в которой можно не только хлебы испечь, но и помыться!

Все это с подробностями - такой уж у нас был разговор - и только о смерти Ольги он сказал кратко, что для нее «несчастливо сложились обстоятельства». Мне пришлось задать ему несколько вопросов, и он, сделав над собой усилие, пояснил, что когда у нее начались родовые схватки, она отправилась в ближнее село, а была холодная октябрьская ночь с ветром и дождем. В селе уже все спали, едва удалось достучаться до кого-то; в роддом ее повез на колесном тракторе некто Окаяннов, и был он крепко выпивши, потому дорогу потерял и ехал в полной темноте напрямик, по кочкам да канавам... а в роддоме не справились с осложнениями.

- Да некого тут винить! - сказал Соломатин с ожесточением. - Я во всем виноват! А больше никто. Оля, помню, сказала однажды: «Погибнешь ты меня...». Вот и погубил. Зачем оставил одну в эту пору! Мать ее в больнице лежала... у сестры двое маленьких детей. Некого винить, кроме меня!

Я стал его утешать, говоря, что-де если бы знать, где упасть, соломки постелил бы. Но Флавий Михайлович не слушал.

- Оля вызвала меня телеграммой, - сказал он, хмурясь. - Я застал ее живой...

Еще удалось мне узнать, что был у них разговор в присутствии акушерки и двух медсестер, но подробностей этого он не пожелал со мной обсуждать. Наверно, расскажет потом.

Все это случилось четыре месяца назад; в течении этого времени новорожденный находился в роддоме; там его выкармливали молодые мамы. А теперь вот отец вез маленького сына к себе домой.

- Едем сдаваться, - сказал Флавий Михайлович, скупо улыбнувшись.

Я подрулил к его дому, к его подъезду...

Вышли Соломатины, жена и дочь - уже взрослая девушка. Флавий Михайлович вылез из машины, бережно держа на руках младенца.

Признаюсь, мне любопытно все это было, и я не исключал неприятного развития событий. Но все произошло интеллигентно и благополучно. Ничто не омрачило встречи; Галина Петровна приняла от мужа ребенка, тотчас умилилась:

- Да какой хорошенький! И, гляди-ка, вылитый отец.

Дочь ее ревниво отобрала у матери ребенка, тоже заглянула в личико:

- Здравствуй, братик!

И засмеялась.

- Как вам это нравится? - спросила меня Галина Петровна, женщина строгая, солидная.

Я ответил дипломатично:

- Очень хороший мальчик - спокойный, разумный, улыбчивый. Верите ли, за всю дорогу ни разу не заплакал! И главное, очень похож на Флавию Михайловича.

- Ну-ну, - сказала Галина Петровна. - Приглашаю вас на наше семейное торжество. Пойдемте...

Со стороны все выглядело обычно: отец привез домой маленького сына. Как говорится, дело святое.

1996 г.

ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ

Повесть

Колян Башмаков жил в той части города, которая называлась Жилкооп. А почему она так называлась, я не знаю. Вроде бы, в тридцатых годах существовал жилищный кооператив, который и построил на берегу речки Донховки при ее впадении в Волгу несколько деревянных домов для рабочих местного фарфорового завода. Но это уж моя догадка - насчет кооператива - и, вполне возможно, она неверна.

Точность в данном случае ни к чему, а важно то, что здесь, на окраине города, и поныне стоят деревянные двухэтажки, принадлежащие то ли горсовету, то ли заводу. Колян Башмаков с женой Зиной занимали в одной из них на нижнем этаже двухкомнатную квартиру. Раньше в ней жили две семьи, поскольку комнаты просторные, но теперь дом состарился, подвал с его сыростью, гнусными запахами и мерзкой живностью, вроде крыс и мокриц, наступал на жилые этажи. Никто быстро не стремился поселиться в любом из Жилкооповских домов, потому Башмаковы завладели всей квартирой безраздельно.

Женился Колян довольно поздно по той причине, что во время службы в армии зазевался на учебных стрельбах, долбануло чем-то при выстреле, раздробило нижнюю челюсть. Два раза делали ему операцию, поправляя испорченное, отчего подбородок вдвое уменьшился. Обстоятельства эти сильно умалили внешнюю привлекательность Коляна, а то он был бы одним из лучших женихов в нашем городе - рослый, кудрявый, веселый.

Ради сокрытия своего изъяна Колян пытался отпустить бороду, но борода на шрамах не росла, торчала кустиками, зато усы вымахали пышные и придавали ему вид человека усмешливого, добродушного и умного, то есть знающего что-то такое, что другим недоступно. Вот

Зина и вышла за Коляна замуж, справедливо рассудив, что главное, конечно, не в бороде, а лишь бы мужик был хороший. Тут она не ошиблась.

Но о прошлой их жизни рассказывать не интересно. Ну, работал Колян на фарфоровом заводе «за старшего куда пошлют»; особо работающим не назовешь, но ведь и не ленив; во всяком случае исправно два раза в месяц приносил жене получку. В удачные дни, отстоявши в длинной очереди с трехлитровой стеклянной банкой, добывал он пива, и тут друзья у него водились для долгих разговоров «за жись».

Случалось, с этими же друзьями браконьерил он на Волге; причем каждый такой случай заканчивался крепкой выпивкой: продав пойманную рыбу, Колян со товарищи тратили выручку только на водку.

Что касается Зины, то она была продавщицей в плохоньком магазинчике «Кулинария» рядом с Жилкоопом, в новых домах; зарплата у нее не ахти, зато кое-что доставалось задаром: то кулек муки, то десяток яиц. Дети у Башмаковых пока не появились, потому что, честно говоря, время от времени супруги собирались развестись, а при грядущем разводе зачем им дети? Но тут мы вторгаемся в семейные тайны, куда нос совать неприлично. Скажем так: все шло путем у Коляна с женой; а что ссорились иногда, так у кого этого нет: была бы странной семейная жизнь без ссор.

Если б не этот дом старый, насквозь проеденный мышами, не просыхающий после дождей, то жить бы Башмаковым и не тужить, но он постоянно напоминал о себе всяческими неприятностями: то доска в полу просядет, то переплет рамы оконной продавится.

- Иди в горсовет, - время от времени посылала Зина мужа. - Под лежащий камень вода не течет.

- А что я там скажу? - отбивался Колян. - Не хочу, мол, жить в двухкомнатной, подайте мне апартаменты пошире и нижний этаж не предлагать, так?

Он знал, что жена не раз уже обсуждала с жильцами дома такой вариант: а не поджечь ли однажды этот дом... Тогда им всем, как потерпевшим на пожаре, дадут новые квартиры. Во всяком случае хуже не будет. Колян их останавливал:

- Этак-то все поджигали бы свои дома и получали бы новые квар-

тиры! Имейте в виду: останетесь на бобах.

Зина хоть мужа и посылала, но сама в горсовет не ходила. Когда же кто-нибудь из ее подруг или знакомых получал квартиру в новом доме - а в городе строили не так уж и мало - она плакала и злилась и нешуточно угрожала бросить Коляна, как неспособного мужика. Даже намекала, что есть, мол, кому взять ее под крыло.

- Бросишь - поднимешь, - уверенно отвечал он. - Такие мужья на улице не валяются.

Что верно, то верно. Если кто и валялся, случалось, на улице, то уж не Колян, нет.

А дом поскрипывал, побряхывал. В нем доживали свой век свирепые старухи, помнившие какой-то нэп, клявшие каких-то вредителей и диверсантов, называвшие кооператоров врагами народа, ненавидевшие неких проституток, которых в городе отродясь не водилось, и просто разведенных женщин, каковых тут было довольно-таки много. Случалось, и Зину честили они на чем свет стоит: и кобылица, мол, и отъелась-де в своей «Кулинарии», и видели будто бы, как катал ее на лодке рыжий Серега Сычев.

- Ой, я состарюсь с ними раньше времени! – вскипала Зина в минуты праведного гнева. - Колян, сходи в горсовет, сколько раз тебе говорить! Мужик ты или не мужик? Житья мне от соседей нет.

- Не хочу быть столбовою дворянкой, - бубнил в ответ муж,- а хочу быть вольною царицей.

В отличие от своей жены Колян с соседками ладил. Он похваливал нэп и единоличные хозяйства, при которых, говорят, людям жилось хорошо; клял вредителей и саботажников, из-за которых в магазинах ничего нет, а что касается кооператоров да спекулянтов, то с ними, будь его власть, у Коляна разговор был бы короткий.

- Этих к стенке без суда и следствия, - говорил он.

Старухи Коляна любили, считали мужиком головастым и мозговитым, если б, мол, ему еще образование, то большим человеком мог бы стать. А вот очередь к пивному ларьку не желала признавать природного ума Коляна и часто возражала ему:

- Вон как у тебя просто!.. Ишь, прокурор нашелся? Надо разобратся... Некоторые частники пользу приносят.

- А я говорю: всех до единого, - горячо и убежденно отстаивал свою точку зрения Колян. - Это ж враги народа! Видал, какие цены держат? Ворье, кровососы, христопродавцы, жулики, прохиндеи, паразиты на народном теле - все, как один... Пусть ярость благородная вскипает, как волна.

Сторонников Коляна всегда обнаруживалось больше, и, опустошив свои стеклянные банки и эмалированные бидончики, мужики готовы были идти громить частников, чтоб соблюсти главный принцип социальной справедливости, как они его понимали: люди должны быть равны. Но в нашем городке пока что громить было некого: откуда тут взяться богатым частникам! Может, и сидел какой-нибудь жулик на мешке с деньгами, но из его квартиры так же пахло пшеникой на постном масле, и он носил такие же пиджаки с отвислыми карманами, как и весь прочий люд. Может быть, он ел по праздникам утку с яблоками, но делал это боязливо, не напоказ: а то вычислят такие, как Колян, одержимые благородной яростью, и тогда не уцелеть.

Старухи-соседки возделывали у себя под окнами огородики, каждый размером в жилую комнату, и вздыхали о том, что вот сушь стоит или дожди залили, что земля бедна, а навоз дорог, что колорадский жук одолел и какие-то нитраты вредные появились.

Рядом с городом дымили трубы тепловой электростанции - шлейф дыма тянулся из трех ее высоченных труб в ту или иную сторону на много километров, а в дождливую погоду ядовитые осадки выпадали как раз на городок с его огородами и на окрестные леса. В тех лесах было множество грибов, особенно свинушек, которые, как известно, любят накапливать в себе всяческие ядохимикаты. Но свинушки солились тут в кадках и бочках, ими закусывали в праздники и будни, случалось, маялись животами, но ничего, не смертельно.

В старухиных огородишках под окнами их комнат, страшно завывая, дрались по ночам коты; бродячие собаки ставили свои пограничные меты; сюда же, случалось, среди бела дня сваливался с дороги какой-нибудь бедолага, которого побороло проклятое зелье; поздно вечером забиралась, хихикая, парочка, жаждавшая сладкого уединения.

У Башмаковых огородика не было, поскольку, огибая угол дома, как раз под его окнами протоптана была широкая тропа, так что голо-

вы прохожих то и дело проплывали рядом с подоконником. За тропой акации в лопухах, за ними дорога, за которой в ясные дни посверкивала речка Донховка, а уж за нею на берегу лес сосновый, строевой. В этот лес через Донховку вел наплавной шаткий мосточек, называвшийся Пьяным...

Живописное место, ничего не скажешь, лучше-то и представить трудно.

Вот только как жить в доме с гнилыми стенами и дырявой крышей... В дождливую пору прямо на супружескую постель Башмаковых, случалось, капала вода, а по стене ветвились потеки. Телевизор закутывали в полиэтиленовую пленку; фанера мебели расслаивалась, коробилась; половицы были всегда серые; газовая плита проржавела настолько, что ножки у нее подкосились...

Вот, наверно, с этого и надо было мне начинать рассказ. Но предыстория ведь тоже нужна!

Итак, купил Колян для своей кухни новую плиту, с духовкой - либо-дорого посмотреть! - а когда выволок старую из угла кухонного, увидел, что там густо лезут диковинные грибы - прямо из пазов между бревнами стены, из щелей пола. Эти грибы Колян раньше видел в изобилии только в подполе, а теперь, вишь, обнаглели и повели наступление на жилую часть дома.

Поскольку покупку полагалось обмыть, иначе говоря, *спрыснуть*, а под это дело нужна закуска, Колян хладнокровно срезал их и пожарил - и сам ел, и мужиков, которые ему ставили плиту, угостил. При этом рассуждал, что жизнь в общем-то устроена мудро - из каждого несчастья можно извлечь пользу, а кто не извлекает, тот круглый дурак. Мужики с ним согласились, тем более, что грибочки обнаружили такой нежный вкус и такой тонкий аромат - просто на удивление! Куда там хваленым маслятам да лисичкам, что растут сразу за Пьяным мостом! После грибной закуски не умерли ни сам хозяин, ни его гости, животы их не протестовали против такой пищи, а скорее напротив, потому выходило, что Колян в житейских рассуждениях совершенно прав.

Теперь, когда в кухне появилась плита с духовкой, Зина затеяла

печь пироги, как у себя в «Кулинарии», благо мука была даровая.

В кухне у Башмаковых тесновато, и хозяйка стряпала прямо на противне, вытащенном из духовки. Она выкатывала круглые блинчики, клала начинку из перьевого лучка да вареных яичек. Стряпуха уж хотела заворачивать пироги, но тут ей в окно сказали, что в магазине, который в низинке (его еще звали «лягушатник»), отоваривают сахарные талоны. Зина подхватила и убежала, а Колян зашел на кухню продолжить ее дело. И вспомнился ему нежный аромат грибочков, потому заглянул он в угол. Свежих там не выросло, но вот за шкафом обнаружил торчащие из щели старенькие, уже высохшие. Колян растер их в ладонях, посыпал на лучок: авось вкуса не испортят! Тут его самого позвали в окно: в другой магазин, который называется «у бани», пиво привезли. Колян заметался по кухне в поисках стеклянной тары, противень в суматохе сунул в темную кладовку и отправился с трехлитровой банкой за пивом.

И забыли они с Зиной про те недоделанные пироги! Потому что, настоявшись в очередях, выпили дома пивка и отправились в гости.

Только через три дня Зина сунулась зачем-то в кладовку и ахнула:

- Что это!?

На противне, на каждом из раскатанных кружочков теста из-под завявших рубленых перьев лука выбились эти проклятые... шампиньоны. А если не шампиньоны, то как их назвать? Они росли прямо из теста, даже видно было, как запустили в него свои белые корешки; крупные росли по одному, а мелкие - дружными семейками.

- Да чтоб вы пропали!

Зине это показалось оскорбительным - надо же: грибы на тесте! Прямо-таки насмешка над нею неведомо кого... Она брякнула противень на кухонный стол и сказала Коляну решительно и яростно:

- Все! Долго я терпела... Пропадай ты в своей гнилой квартире, а я с тобой пропадать не хочу.

И стала собирать вещи в чемодан.

Колян озадаченно стоял над противнем и разглядывал это диво: да, грибочки росли на тесте. Крепенькие, на молодых ножках, манжеточки белые, будто накрахмаленные, шляпки поверху чуть розоваты, пластинки под шляпками лимонной желтизны. И так нахально, так жадно за-

пустили в тесто свои корешки! Словно воровские руки в чужой карман.

- Ты куда? - рассеянно спросил он, услышав, что жена одевается возле двери.

- Я давно хотела тебе сказать... Меня приглашает один хороший человек... У него квартира не чета этой.

Колян знал этого *человека*, не раз стояли за пивом. Что в нем хорошего - ростиком невелик, волосы из ушей торчат, но насчет квартиры не врет: живет один в двухкомнатной; жена его бросила, дите увезла с собой, скучно мужику одному, вот и улестил, вишь, Зинку!

- Против лому нет приема, - философски сказал Колян, продолжая внимательно разглядывать грибную поросль.

- Я тебя сколько раз в горсовет посылала? - говорила Зина, и слышно было, как ей хочется, чтоб Колян кинулся ее удерживать да уговаривать. - Тебе для жены лень ногой пошевелить. А я молодая, мне и хорошо пожить хочется, не с тобой же тут пропадать!

- Привет Сереге, - сказал он и услышал, как хлопнула дверь.

Не сказать, чтоб совсем уж равнодушен был Колян к жене. Тут не о любви речь - о житейском: привык к Зине. И как это одному теперь? Но он считал для себя недостойным унижаться до уговоров.

Работа избавляет от любых душевных переживаний, и он стал заворачивать блинчики таким образом, чтоб выросшие из них грибочки, вместе с их манжетками и корешками, становились сами собой начинкой. Тесто не слушалось, шовочки расплзались, пирожки получались неправильной формы, кособокие, не то, что у Зинки, да невелика беда: не на выставку же их!

А под вечер явились незваные гости: Серега Сычѳв и с ним знакомый хмырь в кепочке, надетой как-то так, словно она сама по себе, а он сам по себе. Заявили решительно, что Зинка их прислала, и стали выносить вещи из квартиры, те, что покрупнее: холодильник, стиральную машину, телевизор, шкаф платяной. Колян так понял, что и тут женская хитрость: если, мол, он не станет отдавать, значит, не хочет и расставаться с нею, скоро придет ее уговаривать. Колян чужому нахальству не противился, но когда остановились перед газовой плитой, сказал решительно:

- Плиту не отдам.

Он сидел за столиком в своей кухоньке; перед ним стоял еще горячий противень, пирожки на нем были неказисты, вроде лапоточков, но румяны, и шел от них замечательный благородный дух.

- Угощайтесь, мужики! - попотчевал радушно хозяин. - Бери по башмачку - фирменные!

Сереге и хмырь переглянулись, взяли по одному, съели; переглянулись опять и взяли еще.

- Ты не обижайся, - сказал Сереге Колян, - но теперь пироги будут у меня, а не у тебя.

- Се ля ви, - подсказал хмырь. - Такова жизнь.

- Против лому нет приему, - отвечал им Колян. - Если, конечно, нет другого лому.

И чего в Сыче Зинка нашла? Мальчишковат, худосочен, суетлив - вишь, и жует-то мелко и быстро, словно кролик. Ко-нечно, если то принять во внимание, что худое дерево в сук растет...

- Ты это... вот что, - сказал ему Колян, - имей в виду: она по ночам вздрагивает, Зинка-то. Как станет засыпать, так всем телом дерг! Будто от электрического тока. Не пугайся, это явление нормального порядка.

- А чего ему, он не пугливый, - сказал хмырь под кепочкой, но видно было, что слегка озадачился.

- Тогда нет проблем, - заключил Колян. - Я объект сдал, ты его принял. И все дела.

Они сожалеюще поглядели на противень: не попотчует ли хозяин. Но хозяин хранил молчание, и они ушли.

Колян довольно долго сидел в задумчивости, из которой его вывели веселые голоса с улицы:

- Что это, славяне! Откуда такой аромат?

- Да вот, окно открыто...

- Эй, хозяин, почему пирожки?

Перед окном, возле которого сидел Колян, остановилось несколько человек с рюкзаками - парни и девушки: ну, ясное дело, туристы - это они от Волги идут к московской электричке.

- Почему пирожки, командир?

Вопрос был задан парнем, у которого за спиной громоздился оранжевый куль величиной с человека; не поевши, такой до станции не донести.

- Не продаю, - сказал Колян рассеянно.

- Как не продаешь! - весело вскричал парень, и ему вторили девичьи голоса. - Да теперь наступили рыночные отношения! А ты не знаешь, какую мы тебе цену дадим! Против наших денег никто не устоит.

- Эти выставочные, - упрямылся Колян. - Художественная работа, для витрины.

- Да и мы тоже штучного производства, а не массового! Значит, твоя продукция именно для нас.

Веселые они были, несмотря на то, что голодные.

- Говори цену, командир! Не канитель.

- По рублю за штуку, - не моргнув глазом, отвечал Колян.

- А можно по пятерке за пару?

- Нет. При оптовой торговле, наоборот, скидка.

- Эх, командир! Прогоришь, если так будешь дело вести.

Колян подвинул противень на подоконник.

- Поскольку фирма твоя нам неизвестна и качество товара неведомо, - приободрясь, балагурил парень, - уговор будет такой: если понравятся - платим, а не понравятся - извини.

- Согласен, - кивнул Колян.

Они разобрали его «башмачки» и, еле прожевывая, стали голосовать поднятием рук, кто за то, чтобы денежки выложить. Решение оказалось единогласным: платить!

- Да ладно вам! - воспротивился польщенный Колян. - Я пошутил. Не надо денег.

- Э-э, хозяин, мы так не договаривались, сказали туристы и выложили ему на подоконник две трешницы. - Всякое искусство должно быть вознаграждено. Давай вторую партию.

- Нету больше, - смутился Колян.

А потому смутился: девушка на него смотрела как-то очень уж... весело, что ли.

- Ну-у, что же ты так мало! Ох, ленишься, хозяин, ох, ленишься. Не хочешь быть богатым - это грех смертный.

Компания уже отошла, когда та девушка вернулась, сказала в окно жалобно:

- Ой, а у вас правда нету еще?

Она была такая толстушка, что ей одного башмачка, знамо дело, маловато.

- Нету, - совсем засмутился Колян: девушка была не то чтобы красавица, но из тех, что волнуют неведомо почему.

- Жалко...

- Приходите в следующий выходной.

- Приду.

Она сказала «приду», а не «придем», и слово это почему-то сладко отозвалось в душе Коляна.

- Как вас зовут?

- Рита.

- А меня Колян... То есть Николай.

Она помахала рукой:

- До свидания, Коля!

Он даже высунулся из окна, долго провожал ее взглядом.

И вот ночью, где-то в пору самого сладкого сна его посетила идея, то есть очень дельная мысль; она явилась так отраднo, как являются настоящим мужчинам во сне обнаженные женщины, заставляя волноваться. Охваченный внезапной радостью, Колян проснулся, сел на постели. В доме было тихо; в открытую форточку пахло укропом из старушкиных огородов, оттуда же залетали комары, а от щелястого пола наносило запахом подпольной гнили... Он не замечал ни комаров, ни скверных запахов, поскольку в эту минуту как бы обладал золотым ключиком к заветному тайнику.

В темноте побрел он на кухню, зажег свет, озабоченно заглянул в угол - ну да, там опять вылезли грибы. Значит, эта идея, что явилась к нему ночью, не пустая фантазия. Но грибов было мало! Колян прихватил спички и полез под кровать; чиркнул одну - да, и там возле плинтуса тоже росли грибочки старые и молодые. Он собрал самые спелые на газетку и отнес в кухню - сушить. Вытащил из кладовки картонную коробку с луком, поразмышлял. Потом взвесил на руке мешочек с мукой и тоже поразмышлял. После чего вернулся к своей кровати и долго сидел в темноте.

Моторочка протарахтела по Донховке - кто-то наострился уже на рыбалку, но это не всколыхнуло Коляна. В кустах акации напротив окошек творилась оживленная возня: похихикают, побубнят, потом опять похихикают. И это не заинтересовало его.

«У каждого на этом свете свои игрушки, - философски размышлял Колян. - Так уж устроена жизнь. Тут главное - выбрать то, что тебе больше подходит».

Утром, повинувшись увлекшей его мысли, он развел тесто, раскатал блинчики, посыпал на них лучком да сушеными грибочками, вернее, грибной трухой и поставил на том же противне в кладовку. Ушел на работу, а вернувшись, снова принялся за стряпню: раскатывал блинчики, припорошивал грибным прахом... И в кладовке, и под кроватью, и просто в темных углах - повсюду у него теперь были разложены и покрыты чистой марлечкой будущие пирожки.

На другой день проверил - тесто немного заветрело сверху да и лучок повял. Тут впору было опечалиться: не оправдывались надежды. Но на следующий день, чиркнув спичкой в темной кладовке, Колян засмеялся с торжеством: грибочки показались! Они были еще очень малы, шляпочки с булавочную головку, прочие со спичку, но такие бойкие, охочие до жизни, до росту!

За ночь следующую грибочки эти вдруг выросли, словно неведомая сила подпитывала их. У самых крупных, росших поодиночке, явно розовела шляпка и лимонно желтели пластинки испода. В кладовке и во всей квартире уже царствовал благородный грибной дух, не тот, что держался в затхлых углах и в подполе - нет, совершенно новый; не просто запах, а аромат.

Колян перепек все пирожки в духовке - их оказалось ровным счетом две сотни - поклат первую партию в корзину, заботливо покрыл сверху чистым полотенцем и поспешил к магазину, который «в низинке», встал у входа. Тут был небольшой крытый прилавок, за которым старушки торговали луком да укропом: они потеснились, оглядываясь на него с интересом.

- Колян, ты чего? - спрашивали у него знакомые.

Друзья по пивной очереди подмигивали: мол, знаем, откуда пирожки - от Зинки! - и знаем, на что пойдет выручка. Колян их не разуверил: интерес, владевший им, вдруг как бы поднял его над друзьями-приятелями, словно он, Колян, уже обогатился, а они остались бедными.

- Держи башмачок, - говорил он каждому из них. - Понравится - заплатишь рубль, не понравится - ешь задаром, но больше ко мне не подходи. У меня честная торговля, а не мошенничество какое-нибудь.

Первыми отведали его продукцию стоявшие рядом с ним старушки; они похваливали, но этак ревниво, сдержанно.

- Да откуда же ты грибов-то добыл? - дивились они.

- Секрет фирмы, - отвечал он.

- Твой товар сам себя хвалит, сам к себе манит. Они у тебя с виду не казаисты, но вкусные.

- В хозяина! – объяснил Колян. - Я ведь только с виду дурак, а разобратся - умный.

- Если умный, так и бери по трешнице за штуку.

Но Колян остановился на рубле и как-то очень скоро расторговался. Поскольку в корзину вошла только сотня пирожков, с его же легкой руки прозванных *башмачками*, пришлось делать еще один заход. Эту следующую партию он тоже очень живенько распродал. И вот что примечательно: те, кто покупал по штучке для пробы, возвращались и брали сразу десяток.

Домохозяйки интересовались: сколько и чего клал в тесто, как готовилась начинка.

- Не в начинке дело! - охотно врал Колян. - Вся суть в муке: я замешиваю гречневую, да соевую, да овсяную... Тут главное соотношение, понимаете? Но не только это. Овес надо прожаривать на горчичном масле, а гречу, наоборот, в морозилке подержать, но - заметьте - не более полутора часов. А вот сою надо вымачивать в молоке. И потом... что за чем, понимаете? Муку овсяную надо замешивать после гречки, между молоком и коровьим маслом топленным...

Женщины-стряпухи прилежно записывали эти рецепты на клочках бумаги и дивились:

- Да где ты все это берешь-то! Гречу, сою...

- Соя - из Ходжента, у меня там друг. А гречка - тамбовская, тут

наша тверская или, скажем, тульская не годится. А масло топленое должно быть выдержанным, как коньяк...

Слушательницы отчаивались постигнуть сложности Коляновой кухни: слишком мудрено, а главное, где достать то и се.

- Ну, а грибы-то, грибы-то откуда? - допытывались они.

- Грибки арзамасские, точного адреса не скажу. Годятся также из-под Елабуги или из-под Моршанска. Но прочие - ни-ни. Прочие дух дают не тот, понимаете?

При такой хитрой технологии перенять секрет башмачного дела было просто непосильно. Основная же масса покупателей секретами не интересовалась, спрашивала лишь об одном:

- А завтра будут?

И вот тут он понял: надо налаживать поточное производство, то есть каждый день ставить в темную кладовку по две сотни, а лучше по три-четыре сотни штук, печь ежедневно и продавать. Желательно в определенное время и в определенном месте.

Вернувшись домой после завершения торговых операций, он пересчитал выручку: без малого двести рублей... Столько он заработал в один день! То есть, если б этак-то ежедневно... две сотни помножить на тридцать дней - шесть тысяч! Месячный заработок его на заводе составлял три сотни, а тут... сумасшедшие деньги!

Уместно заметить, что в то время на шесть тысяч рублей можно было купить два десятка холодильников среднего размера или десяток цветных телевизоров... Правда, в магазине ни того, ни другого не имелось, но все равно можно считать, что содержание его капитала было именно таким.

Коляна опалило огнем, когда он сделал несложный расчет. Тут ведь дело не в двух сотнях рублей, свалившихся на него с неба, а в глубоком житейском смысле: он нашел свою золотую жилу и теперь будет богат. А что такое богатство? Для дураков оно кабала и погибель, для умных - свобода! Он сразу почувствовал, что угодил в другой разряд людей - тех, перед которыми открываются новые горизонты. Иначе говоря, он

поймал свою жар-птицу, во всяком случае точно знал, где она обитает, осталось только протянуть руку и схватить.

Колян возбужденно ходил по комнате... Что ему мешает зарабатывать по десять, по пятнадцать тысяч в месяц? Все под рукой... Он заглянул за шкафы, под кровать - грибочки застенчиво и упорно лезли из щелей его квартиры. Если этих не хватит, можно наведаться в подвал. Не хватит в подвале - соседи на что? У них этого добра наверняка не меньше.

Рядом с ним на нижнем этаже обитали две старушки Михеевы, Александра и Фаина, бывшие комсомолки тридцатых годов. Они грибы давно кляли, считая их божьим наказанием за старые грехи. Вот так: награду считали карой. Сколько досады Господу от людей! Они ужасно бестолковы.

Еще одну квартиру-комнату занимала Полина Карловна, у нее сын Энгельс Иваныч имел чин капитан-лейтенанта (есть, оказывается, и такие чины). Ну, ей грибы тоже докучали...

С такими соседями не пропадешь. Впрочем, лучше бы их не посвящать в секреты: лишние конкуренты ни к чему. Можно для грибного промысла освоить и подпол... Да хватит тех урожаев, что вызревают в квартирах! В пироги и надо-то чуть-чуть, совсем маленько этой грибной трухи, как перчику в суп, махонькую щепоточку.

Но вот муки у него уже не осталось. А в продаже ее нет - такие настали времена. А если где-то доставать, тут подлость человеческой природы тесно переплетается с изворотливостью ума.

Но выбирать не из чего! Колян оделся и озабоченно зашагал к магазину под названием «Кулинария»: надо прежде всего испытать самые простые способы. Зина встретила его торжествующим взглядом: ага, недолго же он вытерпел без нее! Пришел уговаривать, голубчик. Что ж, в маринованном виде мужик особенно хорош, как огурец или гриб-боровик.

- И не проси, - сказала она, опережая его слова: словно опасалась, что сдастся на уговоры Коляна, - не вернись.

- Дело житейское, - непонятно молвил ей бывший супруг: он был чем-то очень воодушевлен. - А нельзя ли у тебя мукой разжиться? Как-никак мы все-таки свои люди.

«Кулинария» была столь бедной торговой точкой, что ему предложен был только кулечек муки. Этим кулечком следовало запустить в бывшую жену, чтоб не крутилась перед ним, не дразнила, но он сдержался.

Колян отправился в магазин, который в *низинке*: тамошняя заведующая была ему знакомой.

- Сколько тебе? - спросила она и чему-то усмехнулась; видно слышала уже, что жена бросила его.

- Мешок, - кратко сказал Колян.

- Ты в своем уме? Кто ж нынче полными мешками торгует? Где это ты видел? Мука по талонам, родной мой, по та-ло-нам! Полкило на человека в месяц, и не больше. А ты - мешок... Покупатели увидят - магазин разнесут.

Колян сунул ей радужную бумажку в карман халата:

- Тогда полмешка.

Заведующая бумажку ему вернула и свой отказ сопроводила еще одной пренебрежительной улыбкой. Мука у нее явно была, но вот не хотела она ему удружить. Он вышел, сказав себе: «Жадность фраера сгубила... Надо было дать больше». Заведующей магазином на горке, изложив свою просьбу, подарил сразу две радужных.

- Целый мешок? - удивилась та. - Куда тебе столько?

- Да уж надо, раз пришел.

- Голода, что ли, забоялся? Запас делаешь?

- Пиво буду варить, - на ходу придумал Колян, - называется «Тайная радость». Специально для красивых женщин.

- Голь на выдумки хитра, - похихикала заведующая, колыхаясь на стуле, - и особенно с утра. Сахару нет, так из муки, вишь, наладились самогонку гнать, хлебную. Так, да?

Колян же прикинул: если любовные дела с нею затеять - не знамо, как и подступиться! Ведь просто обнять, и то проблема: это не женщина, а мешок с арбузами. Если ее вытряхнуть из платья, арбузы раскатятся - и не соберешь!

- Ну что, договорились? - «с подтекстом» усмехался он.

- Да мне-то что, хоть залейся! - сказала она и позвонила куда-то по телефону, после чего распорядилась. - Иди на базу, там получишь.

На базе он понял, что незачем было ходить по магазинам и совать деньги в карманы чужих халатов, следовало идти прямо сюда. Потому что база была местом солидным и деловым, несмотря на то, что размещалась в низеньких полуразваленных сарайчиках, пристроечках и хибарах.

«Век живи, век учись», - сказал себе Колян.

Вечером у него в квартире появились два мешка пшеничной муки самого высшего качества.

На другой день Колян уволился с завода. Его давно тяготила должность «за старшего куда пошлют». Ведь ясно же написано на лбу у мужика: не для того он родился на свет, чтоб только руками шевелить, может и мозгами.

Теперь для него главным стало дело *башмачное*. Действовал он поначалу осторожно, оглядисто: каждый день выносил к магазину-*лягушатнику* по двести пирожков и не более, хотя спрос нарастал. У него уже определился свой круг потребителей: ребяташки из соседней школы, служащие из ближней конторы и те, кто «принимал внутрь» за углом магазина. Стало ясно, что вынеси он и полтысячи башмачков – раскупят. Это воодушевляло.

Он приноровился к духовке, пирожки выпекал на двух противнях, на каждом умещалось по двадцать штук. У задней стенки жару было больше, потому приходилось противни в определенное время вытаскивать и разворачивать, и снова ставить в духовку - тогда *башмачки* зарумянивались ровнее. Двадцать минут - сорок пирожков. Он клал их в корзинку бережно и любовно - «Как цыпляток!» - укутывал в чистую баечку и клееночку, чтоб не утратили пыл и жар, чтоб не развеялся по дороге волнующий дух. Еще двадцать минут - и новая партия пирожков перемещалась из духовки в корзинку. Два часа работы - и все двести готовы к продаже.

Но пятьдесят штук накрутить да испечь - это ж, братцы, сколько часов не разгибать спины!

«Компаньоны нужны! - подсказывал кто-то Коляну в минуты раздумий. - Соратники, помощники, единомышленники... Без них не удовлетворить спроса».

И как-то так получалось, что, кроме Зины, на это дело и не годился никто. Та, бывало, пирожки крутила быстро! Они у нее получались сами собой, вылуплялись из рук, истинно как цыплята из скорлупок, - ровненькие, окатистые, один к одному.

По этой части Зинаида куда как ловка! Насчет любви, правда, ленива, но для кухни - лучше не найти.

«Я ей зарплату положу... Черт с ней, пусть ходит ночевать к Сереге, а у меня только стряпает. Сколько она получает в своей «Кулинарии»? Две сотни рублей. А я ей - триста! Потом можно и прибавить, если дело хорошо пойдет».

Не долго думая, он отправился к ней на работу. В «Кулинарии» было пусто, и ничто не помешало Колянну изложить суть: пусть увольняется отсюда, он берет ее в *башиманное* дело, получка у нее будет больше и к тому же бесплатная еда.

Зина слушала его сначала с насмешливой улыбкой, потом вполне благожелательно и, кажется, готова была согласиться, но когда выяснилось, что ночевать она при этом будет у Сереги, вдруг разозлилась, крутанулась вокруг себя самой три раза, а бывшего мужа обозвала дураком и раздолбаем, после чего вовсе выгнала, напугавшая:

- Тебе в армии не только нижнюю челюсть отшибло, но и мозги тоже.

Чего она так разошлась-то! Что плохого он ей предложил? Выгоды своей не понимает баба. Верно говорят: не делай добра людям - проклинать не будут.

А ночью приснилась Колянну толстوشечка Рита: она стояла у него под окном и почему-то угощала его собственными пирожками. И была она беленькая, сдобненькая...

Признаться, Колянну всегда нравились именно такие. Он не понимал, как это кому-то могут нравиться худенькие и тем более костлявые. Ведь это все равно, что солоделый пирожок - кто на него позарится? Худых Колян жалел, как убогих.

«Придет или не придет?» - загадывал он о Рите, просыпаясь поутру. И весь день с надеждой оглядывался на говор проходивших мимо

его окон. Почему-то был уверен: придет. Раз уж однажды появилась, то не должна исчезнуть бесследно. Все-таки жизнь устроена разумно, а не кое-как.

Дело его шло успешно, однако же вот беда: старухи, торговавшие рядом с ним, стали на него рычать. Их возмущало, что Колян «деньги гребет».

- Да гребите и вы! - весело оборонялся он.

- У нас совесть есть, - отвечали они ему гневно.

Выходило: у него совести нет. Почему? Да потому, что выручка велика. Но ведь выручка - от ума, а не от совести! Он додумался печь эти пирожки, а они не додумались, значит, имеет право на выручку и на богатство. Мыслительная работа - тяжелая работа, потому и оплачиваться должна соответственно. А раз так, то и нечего завидовать.

В «Кулинарии» клеклые да солоделые финтифлюшки без начинки продают по полтора рубля, а у него горяченькие с грибочками – по рублю. Государственные бантики-финтифлюшки лежат - никто не берет, а его частнопредпринимательские *башмачки* нарасхват. Он мог бы заламывать цену вдвое, и это было бы по справедливости, так ведь не заламывает! Это и есть совесть.

Но старухи его доводов не слушали, зная свое:

- Обираловка!... Жаден больно... Ишь, гребет!

Торговать совсем стало невыносимо, когда соседом по рынку стал хромой старик с орденом, продававший табак-самосад со своего огорода. Тот прямо заявил, что Колян частник, нэпман, что у него мироедские замашки, что таких надо потрошить, раскулачивать, а может быть даже и к стенке ставить без суда и следствия. Вся эта рыночная компания как-то очень точно подсчитала его доходы и еще настойчивей зашипела насчет совести. А когда одна из старух вынесла однажды свои пирожки, а их никто покупать не хотел, тут Колян Башмаков понял, что житья ему не будет и надо искать новое место для торговли. Самое бы лучшее - эх! - Иметь бы свою «торговую точку», величиной с газетный киоск!

Теперь, стоя в очереди за пивом, Колян помалкивал, когда ругали частников да кооператоров. А если вступал в спор, то уж никак не согласен был ставить их всех к стенке без всякого разбору и не честил живоглотами и кошкодерами.

- Тут разобраться надо, - говорил он осторожно. - Среди них есть промышленники, предприниматели, производители товара, а есть просто спекулянты.

- Да как отличить-то? - возражали ему. - Он берет обычную майку за три рубля, клеймо к ней приклепнет с американским словом и продает за триста. Это как?

- Опять же надо разобраться, - хмурился Колян. - Важно, на что он хочет употребить свой капитал.

- Как на что! Машину себе покупает, дачу строит с бассейном.

- Ну, построит, а дальше? Вот найдется такой, что затеет пивной завод у нас в городе, - и мы с тобой не будем в очереди стоять. Ему хорошо и нам хорошо.

Говорил Колян, но чувствовал, как неубедительно это. И очередь чувствовала. Она как бы выделила его из своей среды и вроде бы даже выталкивала, как чужого, затесавшегося случайно. Косо на него уже поглядывали. Потому, налив трехлитровую банку пивом, Колян не сел под дерево, в компанию к бывшим друзьям, а шагнул домой, предаваясь деловым размышлениям.

Очень закономерно, своим чередом постучалась к нему в темечко мыслишка: не он, а кто-то другой должен стоять у плиты и стряпать, и еще кто-то продавать. А ему, Коляну, вся статья осуществлять общее руководство.

Приходила и другая: а если поставить вторую плиту? Пусть не в кухне, а в одной из двух комнат. Ведь производительность станет вдвое больше! И следом еще одна: а если большую да с транспортером, как на фарфоровом заводе?.. Разумеется, это уже не в жилом помещении, в более просторном, вроде «Кулинарии». Тогда понадобится несколько торговых точек... и машина, чтоб возить товар... В городе сорок тысяч жителей, каждому по пирожку в день...

- Ах вы, мысли мои, скакуны! - мурлыкал Колян Башмаков модную песенку. - Тра-ля-ля-ля-ля... эскадрон моих мыслей шальных!

Сорок тысяч пирожков в день - это сорок тысяч рублей! Помножить на тридцать дней в месяц - больше миллиона! Да на такие деньги можно и фабричку свою построить, оборудование закупить...

Ограничить дело могло только то, что грибов будет не хватать. Значит, возникала задача - дом жилкооповский хранить, как зеницу ока. И пусть грибочки вольно растут, пусть гуляют по всем комнатам, как гуляют дикие лошадки в вольных прериях! Грибам надо создавать режим наибольшего благоприятствования.

Жаль, что в соседних домах не росли грибы - он уже поинтересовался. Значит, эта порода вывелась только в его, Коляновом, доме. А поскольку вот уже лет десять ходили слухи, что жилкооповские дома должны вот-вот сносить из-за их ветхости и аварийности, то как бы это не произошло и в самом деле. Следовательно, выходило, что дом этот надо выкупить.

«Для старух я богадельню построю, - совсем разнежился Колян. - И церковку... Теплоходы по Волге плывут, а тут церковка, как игрушечка. Кто построил? Башмаков. Кто такой? А не спекулянт и не купец даже - предприниматель, производитель народных благ... Вот так».

И он представлял себя в белом костюме и белой шляпе, шагающим мимо *лягушатника* и той очереди со стеклянными банками. Именно в таком костюме и шляпе он однажды видел в кино купца-предпринимателя - тот гулял на своем собственном пароходе перед тем, как продать. Все его уважали, все любовались им... так же будет в славе и почете он, Колян Башмаков.

«Я еще пивной заводик поставлю, и при нем будет ресторан для семейных, кафе для молодежи и бар по высшему разряду - для мужиков. Чего им по полдня в очереди стоять со стеклянными банками! А тут будет пиво в кружках... причем разных сортов, с раками, с вяленой рыбой, с солеными орешками...».

- Ах вы, мысли мои, скакуну!

Но все это была дальняя перспектива, а пока что надо было решать ближние задачи.

«Неплохо бы нанять для торговли кого помоложе... Да покрасивее. Одно дело - мужик косорылый торгует, и совсем другое - девушка. Если ей заработок хороший определить, она даже улыбаться будет!».

И так выходило, что лучше Риты для этой цели никто не подходил. Ведь она не только улыбается, но и слово сказать может, и пошутит - любо-дорого. Наверно, студентка. Видно же: образованная. А самое главное - она была бы с ним рядом всегда.

Пока он этак плановал да прикидывал, засекала его при торговле женщина, собиравшая плату за место. Оказывается, есть такая служба, которая действует от имени власти - с каждой бабки, торгующей в городе чем бы то ни было и где бы то ни было, берет какой-то сбор, поскольку всякое место является, видите ли, рынком. Хоть под мостом торгуй, но плати. До сих пор, оказывается, Коляна спасало от этого налога то, что он действовал стремительно, кавалерийским наскоком: принес свою бельевую корзину - тотчас выстроилась очередь - и вот он уже удаляется налегке.

- А у вас есть разрешение? - спросила эта женщина.

- Какое еще разрешение?

- Свидетельство на право заниматься вот этим... изготовлением пирожков. Есть оно у вас?

- Нету, - простодушно и чистосердечно признался Колян.

Тут она ему про налоговую инспекцию, санэпидстанцию, про штраф.

- Какой штраф? За что? - насторожился Колян и из чувства само-сохранения подарил ей пару *баשמачков*.

Женщина отошла, сказав:

- Оформите все документы и торгуйте на здоровье... Ах, какие вкусные!

Соседи по рынку навалились на Коляна злорадно:

- А как ты думал! Этак все пекли бы! Неизвестно, из каких продуктов, и надо еще посмотреть, в каких условиях эти пирожки пекутся. Может, твоя кухня грязью заросла. Ты с санэпидстанцией согласовал?

- Нет, только с желудком тех, кто ест.

Старик с махоркой припечатал:

- У нас тут не капитализм, чтоб людей за здорово живешь пирогами морить.

- Да кого я уморил! - искренне возмущался Колян, и чем больше возмущался, тем непримиримей становились его супротивники.

Рыночные распри подобного рода отнюдь не отпугивали покупателей, но настроение портили. Коляну казалось, что он делает людям очередное добро (вон же благодарная очередь!), потому все должны его

-

любить и уважать. Ан нет, соседки-торговки его укоряли, стыдили и кляли.

В очередной день к нему подошла еще одна начальственная женщина, да и не одна, а с милиционером (кстати, знакомым: вместе за пивом сколько раз стояли!), спросила справку санэпидстанции и, узнав, что таковой у Башмакова не имеется, приказала сворачивать торговлю тотчас и без всяких разговоров. Колян предложил ей *башмачок*, но она отвергла с брезгливой гримасой. А милиционер дружески подмигнул Коляну, сделал жест руками: мол, извини, служба у меня такая.

- Штраф ему надо дать, - подсказал махорочный старик. - За незаконную торговлю и антисанитарные условия.

Едва отшутился Колян, пообещав представить завтра все, что от него требовали.

Он понял, что с санэпидстанцией шутки плохи, надо как-то налаживать с нею отношения, потому, не мешкая, в тот же день отправился туда. О чем он там говорил и с кем именно, того никто из посторонних никогда не узнает. Но вот что доподлинно известно: в тот вечер почтенная Полина Карловна пыталась занять у него десятку, а у Коляна не нашлось, он даже сконфузился: разве не ясно было соседке, что выручка у него в этот день была ничуть не меньше, чем в прошлые дни. Так куда ж делись эти деньги?

К нему домой явились две приветливые улыбающиеся дамы, осмотрели кухню, заглянули в духовку, взяли «на анализ» десяток пирожков и отбыли, пообещав больше не приходить. Перед уходом они спросили Коляна о его взаимоотношениях с налоговой инспекцией.

- Зачем она мне?

Они засмеялись.

- Да она-то вам не нужна, зато вы ей нужны.

И объяснили ему, что штраф санэпидстанции - совершенный пустяк по сравнению с тем штрафом, который наложит на него эта самая инспекция.

Колян не торговал три дня - сидел в городской библиотеке и читал законы. И чем больше он вникал, тем крепче убеждался, что не его это дело - в законы вникать. Но кое-какую пользу он извлек и в налоговую инспекцию явился вооруженный знанием того, что индивидуальная

трудовая деятельность нынче уже не враждебна государству, а напротив, дружелюбна и полезна, и это было главное. Какие переговоры он там вел и с кем именно, о том рассказывать никому не стал. Но именно в этот день он снял с пальца обручальное кольцо (все равно теперь холостой) и продал цыгану Бармалею (есть такой, ей-богу); продал и люстру хрустальную - завмагше, и еще старый патефон, благо нашелся покупатель. Все необходимые бумаги получил, после этого привез с базы сразу пять мешков муки, затворил тесто на полтысячи *башмачков*, и на другой день столько же. Башмачный конвейер заработал.

В эти же дни он приносил из библиотеки домой книжки о грибах и читал увлеченно. Колян узнал, что такое «споры» и «сапротрофы», чем отличается «мицелий» от «микоризы», немало дивился на плодовое тело гриба под названием «фаллюс».

Однако же противодействие старух-торговок возросло. Колян вообще был добродушным человеком, считавшим, что лучше один друг, чем десять врагов, потому старушек пирожками подкармливал и товар ихний покупателям расхваливал. Но ничто не могло их утихомирить. Тогда он так рассудил: хлеб за брюхом не ходит, надо просто в назначенный час открывать окошко своей кухни - народ сам придет. В городе нет другого такого окошка, где тебе за рубль дадут вкусный, румяный, горячий башмачок.

О том, что окошко будет открыто там-то и в такое-то время, он вывесил извещение в людных местах, и в назначенный час очередь послушно выстроилась к его окошку. Не надо было никуда нести, с кем-то ругаться - все оказалось гораздо проще!

Просто, да не совсем.

В этой очереди, между прочим, оказался некто Хохловский, корреспондент местной газеты «Утренняя заря» (раньше она называлась «Заря коммунизма»). Колян и знать не знал этого Хохловского, уж потом показали - мордастый такой мужик, ему бы лес валить, мешки с цементом таскать, а он заметки в газетку пишет. Так вот этот Хохловский написал фельетон под названием «Пирог печет сапожник».

Это была очень ядовитая статья. В ней говорилось о том, что в старом и гнилом доме на берегу речки Донховки нахальный предприниматель с нестриженными ногтями печет пирожки с неизвестными грибами и

если-де завтра половина города перемерет, то стоит ли тому удивляться. А новоявленный частник гребет деньги лопатой, потому как муки на такой пирожок идет на копейку, еще на копейку грибов, а остальное - чистый доход в размере девяносто восьми копеек с каждого пирожка. Не слишком ли велик барыш? Если-де разобраться, то это грабеж среди бела дня и больше ничего.

Все в этом фельетоне было вранье: и про нестриженные ногти, и про то, что Колян будто бы сапожник, и про лопату для денег.

Некоторое время Коляна не отпускало горячее желание встретить фельетониста где-нибудь в нелюдном месте и набить ему морду. Но как разумный мужик, он потом рассудил иначе: кулаками ничего не докажешь, а доказывать надо качеством продукции.

Раз требуют, чтоб на его производстве все было чисто - будет чисто. Правда, от чистоты в квартире Коляна пропадут грибы!

«Будем думать», - сказал он себе и стал думать.

Жизнь щедра на утешения. Как ни велика досада от того или иного происшествия, а надо проявлять терпение и ждать - удача неизбежно придет, как благородная рыба лосось на нерест.

В окошко к Коляну постучали, когда он занят был стряпней. Выглянул - стоят три девушки с рюкзаками и одна из них Рита.

- Здравствуйте! - сказала она звонко. - Вот я и пришла, Коля. Как поживаете? Пекутся ли у вас пирожки?

А он был в белом колпаке, при белом переднике - все честь честью.

- Подождите, скоро буду ставить в духовку, - сказал он и испугался, что они сейчас уйдут.

- Это долго, - закапризничали ее подруги.

- А вы мне помогли бы, а? - нашелся Колян. - Заходите... будем вместе пирожки крутить.

- А что, - сказала Рита. - Я согласна.

- Ты оставайся, Ритка, а мы пойдем.

Подруги засмеялись, поправили лямки рюкзаков и пошли к Пьяному мосту.

- Вы подождите меня на берегу! - крикнула Рита им вслед. - Я не

могу уйти отсюда с пустыми руками. Эти пирожки мне третью неделю снятся. Если бы знали, какая это вкуснота! Я в жизни не едала ничего подобного.

И у Коляна в квартире появилась гостья.

- А я тебя ждал, - признался он сразу же. - Каждый день ждал, в окно выглядывал да прислушивался.

- Я знаю, - отвечала она. - Так и должно быть.

Он отдал ей свой белый фартук, себе повязал по поясу полотенце. Гостья оглядела все его кухонное хозяйство, и он тоже посмотрел как бы ее глазами: эх, знал бы, что она придет нынче, убрал бы и то, и это... Ладно. Он вытащил из темной кладовки фанерный лист с проросшими на блинчиках грибами.

- Что это! - изумилась Рита, разглядывая, как диво: грибы росли из теста.

Он приложил палец к губам:

- Тс-сс... секрет.

И тотчас рассказал ей все о том, что в доме его завелись грибочки, каких ни в одном справочнике нет, но они съедобны, и более того: обладают замечательными кулинарными свойствами. Он рассказал уж кстати и про микоризу с мицелием и про удивившее его плодовое тело под названием фаллюс.

Рита слушала его внимательно и увлеченно.

- Делай, как я, - сказал он, закончив свой рассказ.

Сначала подумалось, что она никогда раньше не занималась стряпней. И в самом деле, как было завернуть в пирожок еще растущие грибки, запеленать их в тесто и слепить шовочек? Казалось, они противятся этому. Но вот Рита стала действовать попроворней, и скоро, пока он возился с одним, у нее получалось два. Колян занял оба противня и сунул их в горячую духовку.

Теперь можно было и поговорить.

- Я так ждал тебя! - опять сказал Колян.

Он не был красноречив и пока ничего, кроме этого, произнести не мог.

Рита осматривалась с любопытством и даже заглянула в темную кладовку, где подрастали новые грибочки на блинчиках. Отломил кро-

щечку, потерла в пальцах, понюхала и произнесла загадочную фразу:

- Интересные шляпки носила наша буржуазия.
- Чего? - не понял Колян.
- А где твоя жена? - неожиданно спросила гостя.
- Бросила меня... ушла к другому.
- Дура она, что ли, бросать такого мужика?
- А я некрасивый.

Рита посмотрела на него внимательно.

- У тебя хорошее лицо, Коля. Вот я тебе напишу адрес и телефон...

Она прямо на побелке стены карандашом написала цифирки и буквы.

- Это клиника... там тебе сделают пластическую операцию, твой случай несложен.

- Делал уже, - сказал Колян, нахмурясь.

- Запомни: я дала тебе координаты гениального хирурга, который берет большие деньги, но работу исполняет хорошо. А поскольку ты, я вижу, начал доходное дело, то деньги у тебя будут. Этот хирург творит чудеса: может сделать тебя похожим на Бельмондо, и жена вернется к тебе.

- Что с возу упало, то пропало, - отверг такой исход Колян и рукой махнул.

- Найдешь себе другую... красавицу. У вас в городе есть, я видела.

- Мне сейчас не до того... ищу компаньонов, - сказал Колян.

И приоткрыл перед нею некоторые перспективы: про будущую фабрику по производству пирожков-башмачков, про богадельню и церковку, про пивное заведение, как очаг культуры...

- Оставайся со мной, - ляпнул он в заключение. - Будешь моим компаньоном... а лучше женой.

Она его не осмеяла, сказала серьезно:

- В качестве жены я, Коля, очень дорогое удовольствие. Тебе, пожалуй, не по карману.

- Почему это? - самолюбиво спросил Колян.

- А я люблю, видишь ли, ездить на «мерседесе» и чтоб дача была с бассейном.

- Сделаем, - отозвался он бодро.

- Вот когда сделаешь, тогда обсудим.

- Договорились.

За беседой этой пирожки чуть не пригорели. Он выхватил оба противня - ничего, только сильно зарумянились. Гостью это не смутило, забрала все до одного.

Колян был так взволнован, что и работать не смог, когда она ушла. Однако потом дела свои он вершил еще более азартно.

Был у него знакомый столяр, Миша Конаков, жил в старой части города. Если к нему прийти с бутылкой, то ни в чем не откажет. Вдвоем с Мишей они сочинили за неделю затейливый теремок с острой шатровой крышей и резным окошком - из досок, реек, фанеры.

Городские власти Коляна помуржили, пока не уразумел, что не подмажешь, не поедешь, после чего разрешили-таки поставить этот теремок возле магазина «на горке». Колян торговал в нем два дня подряд и не мог нарадоваться. Но жизнь не любит награждать человека продолжительными радостями, обычно они быстротечны. В тот день, когда Колян стал владельцем собственного магазинчика величиной с газетный киоск, уже под вечер явился к нему домой «страхагент». Ну да, он именно так назвался. А вошел бесцеремонно, без стука:

- Здорово, мужик! Есть разговор. Чтoб сразу было все ясно: я - страхагент.

Это был парень лет двадцати восьми, на роже у которого было написано «вышибала» или «дурдом». Такая она у него была.

Колян вспомнил, что этот парень с мясистыми желваками надбровий и в кепочке с целлулоидным козырьком несколько раз покупал у него башмачки и спрашивал: «Не заплошает?». А теперь вот явился на дом.

- Значит, так, мужик: я твои доходы знаю, будешь раз в неделю отстегивать мне по столънику - это страховка. Срок страхового взноса - по вторникам или средам. Сегодня первый... Поживее, некогда мне.

- Страховка от чего? - не понял Колян.

- От мордобоя. Давай, гони деньги...

Колян не успел даже взволноваться, и вместо «стольника» поднес страхагенту под рыло кулак. Поднес и тотчас течение Коляновой жизни

было жестоким образом прервано. А возобновилось с того, что ощутил он себя лежащим врастяжку по полу, головой под столом. Гость - этот самый страхгент - спокойно сидел на диване.

- Ну что, очухался? - спросил сидящий у лежащего. - Вставай, не придуривайся. Это еще присказка, а сказка будет впереди. Гони деньги. Моя страховая компания не потерпит убытку.

Колян встал - голова гудела, но сообщала четко.

- Ты рэкетир, что ли?

- Да ну, какой я рэкетир! Просто агент по страху, понял? Ты платишь, и тебя никто не тронет. А если отказываешься - вот тут будет страх. Аванс я тебе уже выдал.

- Против лому нет приему, - сказал Колян.

«Стольника» у него не было, только рубли да трешницы. Он их долго отсчитывал. Страхгент деньги принял, поморщившись, и уже пошел к двери. При этом он, конечно, потерял бдительность. Как раз тут Колян подхватил табуретку и обрушил ему на голову. Теперь уже страхгент растянулся во весь рост. Колян хладнокровно вынул у него из кармана свои собственные деньги, но озадачился: при них были еще две сотенные бумажки. Заколебался: брать или не брать. Природная честность и врожденное благородство подсказывали: не бери. Но чувство справедливости бунтовало: он тебе в скулу врезал? Врезал. Значит, пусть платит за беспокойство.

Поверженный уже вставал, когда Колян протянул ему «сдачу» - эти самые сотенные. Но тот попятился и вывалился вон из квартиры, что-то бормоча. В коридоре он опрокинул керосинку Полины Карловны и зачем-то обронил кепочку с целлулоидным козырьком, которую перед тем держал в руках.

- Погоди! - крикнул ему Колян и вышел следом.

Агент по страху стоял, держа руку на темени, и встряхивал головой, наверное, чтоб прояснить мозги.

- Ну, извини, - сказал ему Колян вполне добродушно, однако же сторожа каждое его движение. - Я не хотел, так уж получилось. Как-то очень уж грубо ты действовал.

В ответ ему был взгляд исподлобья.

- Грубо, неинтеллигентно, без выдумки, - продолжал Колян. - Явился и сразу бух: давай деньги. Ты что, совсем тупой?

- А как надо? - спросил этот агент по страху.

- Сказал бы, что, мол, дети маленькие, есть просят, семья большая... а работать квалификация не позволяет.

Рэкетир сунул руку в карман, вспомнив о том, что у него там лежало. Движение было угрожающее, и Колян еще более насторожился, но виду не подал.

- И прежде чем являться к человеку, узнай, что он за мужик, где служил, - поучал его Колян. - Я вот, к примеру, в десантных войсках...

- Я тебя, гада, шилом... как борова, - хрипло пообещал рэкетир.

- А мне твоя поганая жизнь обойдется в десять тыщ и еще в двести сорок рублей, - жестко сказал Колян. - Денег жалко, но сам я это делать не умею, придется договариваться со специалистом. Десять тыщ - ему за работу, а двести сорок - это за бутылку коньяку, которую мы с ним выпьем за упокой твоей души. Понял? И не бери меня на страх, я пуганный.

Тут вышла Полина Карловна, привлеченная грохотом своей керосинки, прервала их беседу. И сестры Михеевы, Александра и Фаина, тоже вышли и порассуждали на эту тему.

- Надо же, как легко пожар-то устроить, - говорили они. - Вот если б керосинка горела, ну и пыхнула бы.

Страхагент незаметно скрылся.

А ночью сгорел теремок, который Колян сочинил с Мишей Конаковым. Говорят, неплохо горел. Сам хозяин не видел - спал; но будто бы приезжала и пожарная машина, только поздно, уже к уголькам.

Наутро старухи-торговки и махорочный старик с орденом улыбались торжествующе при виде расстроенного Коляна:

- Ну что, пустили тебе красного петуха?

Но неделю спустя улыбался уже он, а они огорчились: Башмаков привез на прицепе тракторном готовый теремок довольно нелепой архитектуры, зато сварной из уголкового железа, стальных листов, на раме из швеллеров, с железными ставнями и с железной дверью. Терем этот сгрузили с помощью мощного автокрана и поставили на место деревянного, сгоревшего.

- На танк похож, - подначивал махорочный старик.

А тот и вправду смахивал на танк или броневичок, не хватало только пушки.

- А все равно раскурочат, - пророчили соседи по рынку.

- Автогеном разрежут, - со знанием дела утверждал махорочный. - Наш народ не потерпит частника.

- Ничего, я поставлю железобетонный, - весело отвечал Колян. - Или бронированными плитами обошью. Наше дело правое, победа будет за нами.

Он покрасил свою «торговую точку» веселой красочкой (по большому благу достал!) и, еще пару дней спустя, открыл в ней свою торговлю.

Страхагент появился в тот же день и скромно встал в общую очередь, чин-чином купил пирожок, осведомился:

- Не заплошает мне с него?

- Ремесло у тебя... - покачал головой Колян.

- А чего, - отвечал тот. - Ремесло как ремесло. Не хуже твоего.

- С одной стороны Уголовный кодекс... с другой свои же в случае чего пришибут. Значит, ты между колесом и рельсом. И хоть парень умный, сразу видать, а... недалновидно живешь.

- Не твое собачье дело.

- Ты подожди меня, поговорить надо, - сказал Колян. - Да не бойся, бить не буду.

Страхагент, он же рекетир, отошел и ждал его, жуя пирожок. Он был уверен, что частник Башмаков сейчас запросит пощады.

- Слушай, сколько у тебя выходит в месяц? – спросил Колян. - В смысле заработка?

- Ты паши, - сказал ему агент по страху. - А с твоими деньгами я сам разберусь.

- Городок у нас небольшой, торговых людей мало... Небось, заработок - рублей шестьсот-восемьсот выходит, не больше? Давай так: я тебе буду платить по тыще. Мне нужен в помощники здоровый парень.

- Пирожки стряпать? - усмехнулся страхагент и повернулся, чтоб уйти. - Слабо я тебе врезал. Имей в виду: магазинчик твой простоит недолго, если страховой взнос не сделаешь срочно.

- За страх - ничего, а за работу - полторы тысячи в месяц! И никакого риска: будем трудиться и уважать Уголовный кодекс. Ну как, подходит?

- Я думал, ты поумнел, - сказал рэкетир и пошел прочь.

- У тебя дети есть? - спросил Колян вслед.

- Предположим, дочка... А что?

До чего же дурацкая у него рожа! Особенно когда улыбается.

- Ну вот... Завтра явишься ко мне в восемь утра при фартуке и в белом колпаке. Кстати, жену прихвати, если баба проворная, возьму и ее в дело. Сразу получите аванс. Восьмичасовой рабочий день, два выходных, отпуск сорок дней. Милиционеры при встрече будут брать под козырек.

Ночью Колян крепко спал, а его «торговую точку» автокраном (может быть тем же самым?) погрузили на тракторную тележку (неужели на ту же самую?) и увезли в неизвестном направлении.

Потом поговаривали, что видели ее в садово-огородном товариществе - она служила там кому-то вместо дачного домика.

Но наутро вместо рэкетира с женой пришли к Коляну две женщины из санэпидстанции. Они уже не улыбались приветливо, а составили акт, из которого следовало, что *баשמачки* в Коляновом доме печь ни в коем случае нельзя, производство их следует немедленно прекратить, прежде выданную ему справку считать недействительной, иначе последуют штрафные санкции.

- Да вы взбесились, что ли? - возмутился Колян.

- Благодарите газету, - сказали они ему и добавили потише, - и кое-кого еще.

- Кому вред от того, что я делаю? Ведь всем же польза! Кто это боится, что я разбогатею? Случись такое - город наш богаче станет. И культурней!

Но бесполезно было что-то им доказывать. Они даже и не слушали его; составили этот самый акт и удалились.

Делать нечего, надо было искать выход, и Колян нашел его в два счета: договорился с «Кулинарией» - опять не обошлось без бывшей

жены! Теперь на вопрос, «где выпекаются пирожки», он мог уверенно отвечать, что, мол, в «Кулинарии», а там подтвердят. Своя же плита продолжала работать в прежнем режиме.

Так и продолжалось бы, небось, ладно да складно, не случись несчастья, а таковым стал еще один пожар.

Жилкооповский дом загорелся средь бела дня, как раз в то время, когда Колян был занят своими торговыми да производственными делами. К тому времени, как вернулся, двухэтажный деревянный дом, обшитый тесом, являл собой лишь рухнувший обгорелый остов. Огня уже не было, курился над пожарищем дым пополам с паром, народ любопытствующий толпился; две увалистые пожарные машины стояли, упятившись задами в заросли акации; милиция беседовала с жильцами.

Сестры Михеевы плакали-рыдали, но как-то очень уж картинно, и это насторожило Коляна. Полину Карловну увезли на «скорой помощи» с приступом стенокардии; жильцы верхнего этажа пребывали в предынфарктном состоянии.

Но вот что интересно: все, кроме него, Коляна Башмакова, успели вытащить свои пожитки вплоть до мусорных ведер. И в толпе поговаривали, что вытаскивать добришко старухи начали еще до того, как занялся пожар.

Зина подошла к Коляну, сияя, как в праздник:

- Теперь нам новую квартиру дадут.

- Нам? - переспросил он.

- Тебе и мне. Мы же не разведены, а я прописана... Будем хлопотать. Не горюй! Была б новая квартира, а барахло наживем.

- Ты так уверена, что дадут квартиру?

- Обязаны, Колян!

- Они много чего обязаны, да никогда этого не делают. Спасение утопающих - дело рук самих утопающих.

Ночь он провел у Мишки Конакова. Наутро пришел на пепелище, лазил по нему, перешагивая через горелые бревна, высматривал что-то, и все видевшие его в эти минуту, думали, что Башмаков надеется найти что-нибудь из вещей. Да где ж там! Угли одни... Ему сочувствовали жители соседних домов и предлагали кто старый пиджак, кто рваные ботинки.

Ему же ясно было, что грибочки выгорели. Погибла та питательная среда, на которой они росли, и потому он мог считать себя начисто разоренным. У него было такое чувство, будто сгорела в огне жар-птица, которой он владел и без которой он теперь ничто.

Побродив по пепелищу, погорелец сел в сторонке и сидел долго. Проходившая мимо компания туристов приостановилась перед грудой горелых бревен, потом заметила его, Коляна.

- Как же так, командир? - спросил парень, нагруженный опять чем-то громоздким.

А что на это ответишь! Да и не слышал Колян вопроса: смотрел на Риту. А та подошла к нему, спросила тоже:

- Как же так, Коля?

Он развел руками:

- Вот...

А что «вот»? Да ничего. У разбитого корыта сидит.

- Тогда пойдем с нами! - предложили туристы весело. - Построим шалашик и будем жить.

- Пойдем, - сказала Рита.

Он согласился.

С тех пор пропал Колян Башмаков. И на этот счет ходят разные слухи. Одни говорят, будто утонул он, попав на резиновой надувной лодке под самоходную баржу; другие - что нет, мол, выплыл и потом стоял с трехлитровой стеклянной банкой в очереди за пивом. Но Зина рассказывала, что видела его в Москве - но его ли? - потому как был он чисто выбрит, с нормальным подбородком, на котором только при внимательном рассмотрении можно заметить шрам.

Зина была так поражена его внешним видом, что не решалась даже окликнуть. И не потому, что он так изменился и покрасивел, нет: на Коляне Башмакове был белый костюм и белая шляпа, как на киноартисте. Это было так поразительно, что Зина решила, будто обозналась. В общем, оробела.

А он ее не заметил, поскольку рядом шла молоденькая девушка-толстушка, одетая по-спортивному и в огромных очках с задымленными стеклами.

Слух доходил до нас, что в каком-то подмосковном городке некий умелец делает белое пиво... то есть похожее на молоко, но с градусами, и пахнет оно травкой лесной и грибочками. Может, и не пиво вовсе. Но им уже, говорят, заинтересовались даже за границей, потому как ничего подобного во всем мире нет. А питье это имеет целебные свойства, за секрет его производства сулят умельцу миллион в валюте.

То ли верить, то ли нет...

1992 г.

У СВЯТОГО РОДНИКА

Рассказ

Благословен град Новая Корчева! Благословен тем, что место градостояния его определено судьбой (или Всевышним?) на берегу Волги да еще при впадении дочерней речки Донховки. Но счастливей всего благословен он сосновым бором, к которому тесно прилегает, словно дитя к материнскому боку.

- Это не бор, а храм, - пылко говорила Таисия Павловна при любом удобном случае. - Вы только придите туда и постоите, послушайте... там человек может обратиться к Богу и будет услышан. Именно как в храме!

И продолжала далее столь же пылко и влюбленно - о том, когда ни приди сюда, в любую пору года и в любое время дня, при всякой погоде, всегда здесь торжественно, возвышенно, молитвенно.

Нет, она не была шибко религиозной: в церковь не ходила, святого причастия не принимала, постов не соблюдала. Но особое состояние души, охватывавшее ее в этом пригородном бору, было состоянием почти религиозным. Таисия Павловна чувствовала, что она тут как бы освобождается от тяжести, становится добрее, мягче... хотя и всегда-то была терпеливой, спокойной женщиной. Муж говорил ей в ласковую минуту:

- Ты у меня - тихое озеро...

Такое сравнение Владимир Иваныч не сам изобрел, а позаимствовал где-то - слышал по телевизору или вычитал в книге. Ну да ничего, все равно хорошо.

В бору возвышенные мысли неизменно посещали Таисию Павловну, походка ее становилась степенной, лицо светлело. Да с нею ли одной происходила эта перемена! Сосновый бор облагораживал всякого.

Он испокон веку смягчал городские нравы, пробуждал романтические и поэтические порывы, оттого в Новой Корчеве более, чем где бы то ни было, любили петь песни и сочинять стихи.

С некоторых пор, а именно с нынешней зимы, когда вышла на пенсию, Таисия Павловна стала приходить сюда часто, причем одна. Правда, каждый день неизменно встречала тут знакомых; с ними она здоровалась приветливо, даже вступала в разговор, но спешила расстаться: все-таки ей больше нравилось быть одной.

Она выходила из дому уже в предвкушении славного душевного состояния, шла напрямик по дворам - к Пьяному мосту через Донховку. Потому он зовется Пьяным, этот мосточек, что лежит на понтонах, которые зыбко покачиваются на воде. Но вот ступишь на твердь земную возле лодочной станции, и ты уже в бору. Навстречу светит солнце, а если не светит, все равно стволы сосновые золотятся, словно бы освещенные им. И уж смолистый ветерок веет.... И уж лесные жаворонки звенят... И дятел стучит...

Люди пожилые, что встречались ей на пути, непременно несли с собой большие пластмассовые бутылки, наполненные водой - то вода из родника, а родник - он там, где дорога лесная выходит на волжский берег недалеко от рыбацкого поселка. Считалось, что вода эта целебна, в ней растворены какие-то необходимые минеральные вещества. Но если и не целебна, просто хороша - для чая... что, конечно, знают лишь те, кто в этом толк понимает.

- Дело не в минеральных примесях, - говорил умный муж Таисии Павловны, - а в святой вере. Коли веришь - пойдешь по морю, яко по суху, а нет - канешь на дно, как топор. Верой исцелишься и от смертельной болезни. Веришь - и после смерти воскреснешь! А нет веры - увы и ах.

Как бы там ни было, но священник из подгороднего села (своей церкви в Новой Корчеве нет) в свое время освятил этот родник, что дало основание считать сей источник не только целебным, но и святым. Впрочем, все целебное свято.

Таисия Павловна воду отсюда не носила, но ее неизменно умиляли эти люди с батареями двухлитровых бутылок в сумках или с объемистыми канистрами. Некоторые везли неподъемный груз на тележках

или приторачивали к велосипедам. Ей милы были они именно своей простодушной верой в целительные свойства воды из святого родника.

Впрочем, Таисии Павловне все тут было мило: и тропинки, протоптанные так и сяк, усеянные игольником; и мшистые полянки, освещенные лесными птахами; и папоротники, в которых, говорят, и впрямь загораются цветы в купальскую ночь; и молодые елочки, каждая – само совершенство; и, конечно, райский - ей- богу, райский! - щебет малиновок, пеночек, зябликов... Вот только сердило и раздражало: тут и там, глядишь, валяются консервные банки, стеклянные бутылки, пластмассовые стаканчики, полиэтиленовые пакеты. Таисия Павловна чувствовала себя и оскорбленной, и виноватой, потому каждый раз попутно собирала этот мусор. А куда его денешь? Уж и то возле дороги несколько мусорных куч навалено, никто их отсюда не увозит.

Место, где выбивался из земли родник - этакий довольно глубокий ложок. Собственно, тут было несколько родников, но почти все едва сочилось. Воду набирали из самого сильного. От него ручей бежал к Волге, а бежать-то ему - полсотни метров. Их он преодолевал весело, поблескивая и посверкивая на солнце, а иногда и журча. На полпути к нему присоединялся еще один, от родника послабее. Говорят, раньше именно тот второй был сильным, но, должно быть, сместились земные пласты, перекрыли жилу, он ослабел, стал заброшен. Вот его-то и облюбовала Таисия Павловна.

Она, что называется, прибрала его к рукам, как подбирают на улице брошенную всеми собаку или кошку. Подберут, накормят, искупают, приласкают...

Она расчистила место, где родник выбивался из земли, наносила сюда от реки желтого песка, из русла ручья выбрала все прутья, сосновые да еловые шишки и прочий мусор.

Результаты такой работы порадовали ее: ручей приободрился, потек веселее, стал говорливым.

В следующий раз она пришла и принялась за работу с еще большим воодушевлением. В лоно родника по склону ложбинки скатились встопорщенные сосновые шишки, с ближних деревьев нападали сухие веточки, ветром принесло обрывок газеты... а кто-то оскорбил родник, бросив в него окурочек. Таисия Павловна страдальчески поморщилась, сказала тихонько:

- Прости ты их, дураков. Не ведают, что творят.

Она выбросила все это подальше, принесла еще песку от реки, обсыпала бережок.... Потом собрала мусор по всей ложбине, спрятала с глаз долой под елками.

В третий свой приход принесла с собой красивый камень, круглый, в виде сдобной пышки. Он был тяжел и изрядно досаждал ей в пути. Однако она утешалась, представляя себе, как хорошо он ляжет в родниковое лоно.

А у родника в ее отсутствие кто-то похозяйничал: сделал низенькую оградку, то есть вбил колышки и оплел их прутьями - это чтоб не скатывались сосновые шишки и не падали в родник. Видно, что хозяйничал хороший человек, но Таисия Павловна была огорчена: кто-то еще претендовал на ее родничок, кто-то еще хотел владеть им.

А принесенный ею камень был с полупрозрачными кварцевыми слоями, с красными и голубыми вкраплениями. Он становился особенно хорош, когда омоешь его водой, краски эти загораются ярко, живо. И вот когда она укладывала его в холодную родниковую воду, кто-то встал прямо над ней на косогоре и смотрел. Она же не желала, чтоб ей мешали, потому даже подосадовала на этого праздного человека, ожидая, что он сейчас уйдет. Но он не уходил. Более того, вдруг сказал с досадой:

- Не так, не так! Позвольте...

И спустился к ней, присел рядом на корточки, отобрал у нее камень, который она принесла, и как-то очень ловко, умело уложил его в песок - тот, действительно, встал «на свое место». Таисия Павловна, чуть повернув голову, увидела лицо мужчины... это был довольно пожилой человек - лет, небось, под семьдесят, с седой шевелюрой, со свежим порезом от бритвы возле уха...

- Как холодна вода! - сказала она, зябко потирая руки.

- В древности родник звали так: *студенец*, - заметил он.

«Хорошее мужское лицо, - почти машинально отметила она и подумала. - У мужчин редко бывают мужественные лица, увы... у многих словно бы вылеплены из глины, а у этого не вылеплено, а высечено... из камня».

- Напрасный труд - носить сюда песок, - сказал он. - Видите, вода бежит и бежит, а песочек струится и струится вниз, весь убегает.

- Совсем не напрасный, - строго возразила Таисия Павловна. - Русло выстилается чистым песком. Плохо ли?

- Хорошо, - покладисто согласился он и оплеснул камень водой. - Где вы нашли такого красавца?

- Принесла из дому... Из моей коллекции.

- Что у вас там еще есть? Изумруды? Сапфиры? Опалы?

- Я не королева... У меня более скромно: рисунчатые кремни, голубые кальциты, полевые шпаты... Но имеется несколько достойных, которыми я горжусь.

У каждого свои причуды. У Таисии Павловны было не-винное увлечение: она подбирала где-либо камушек, рассматривала и, если понравится, приносила домой. При этом уверяла домашних, что на той или иной грани его угадывается изображение: зверек, птичка, человеческий лик или дерево на фоне закатного неба. Этих камней в ее квартире набралось уже множество. Муж деловито скажет: «Я пошел в магазин за хлебом... где у нас кошелек с деньгами?». Сунет руку в карман ее жакета или пальто - там вместе с кошельком горсть окатышей с берега Волги. Владимир Иванович только вздохнет, головой покачает. Но уж привык - терпит.

Камни, принесенные Таисией Павловной домой, лежали в коробках из-под обуви где-нибудь на шкафу, под диваном, на холодильнике или в ином неожиданном месте. У каждого из них была своя история, которую Таисия Павловна с готовностью рассказывала гостям.

А этот, что лежал теперь в роднике, найден в поле, причем далеко от Новой Корчевы. Несколько лет назад супруги ездили на реку Нерль, жили там целых две недели в палатке на берегу: Владимир Иванович рыбачил, а Таисия Павловна бродила по окрестным полям да лугам. И вот нашла увесистый булыжник округлой формы и дивной раскраски. С ним она уж не могла расстаться. Когда собрались домой, тайком положила его в мужнин рюкзак, зная, что по доброй воле Владимир Иванович ни за что не согласится нести такой груз. Дорогой он жаловался: отчего так тяжело? Дома, вынув этот камень из рюкзака, очень рассердился:

- В твоём возрасте надо быть поумнее!

На что она отвечала, смиренно вздохнув:

- Надо бы, да не получается.

Историю эту Таисия Павловна рассказала теперь своему собеседнику, он сдержанно улыбнулся в ответ.

Они сидели по-детски над родником, двое пожилых людей, и беседовали. Со стороны это выглядело странно, а только кому какое до них дело! К главному роднику подходили люди с порожними посудинами, разговаривали друг с другом, набирая воду в бутылки. Пеночка тенькала неподалеку. За Волгой кукушка куковала.

Была самая благословенная пора - конец мая - когда все животворно: и воздух, и вода, и солнечный свет.

- Пойду принесу еще песку, - сказала Таисия Павловна, поднимаясь с корточек.

- Погодите, - мужчина тоже поднялся. - Не женское это дело. Я буду носить, а вы тут хлопочите.

- Но в чем вы понесете?

- У меня полиэтиленовый пакет, - отозвался он.

И пошел к Волге. Таисия Павловна провожала его глазами: мужчина этот был высокого роста... небось, из бывших военных, если судить по осанке: не сутулился. И одет добротно - значит, хорошую пенсию получает. Наверно, полковник, не ниже... Подумала:

«Надо будет мужу сказать, чтоб держал спину прямее, а то сутулится».

Теперь она уже не досадовала, что нарушено ее одиночество. Скорее наоборот: понравилось, что незнакомый ей человек проявил интерес к роднику-студенцу. Случись тут быть мужу, он сказал бы: «Таисия, ну что ты глупостями занимаешься! В твоём возрасте надо быть поумнее». И уж не стал бы носить сюда песок от реки. Нет, не стал бы: не солидно! А этот с такой готовностью согласился помогать, словно это дело серьезное и важное...

«Да полковник ли он? Внешность бывает обманчива... Небось, какой-нибудь отставной завхоз...».

- Как вы донесли столько! - удивилась она, когда он вернулся. - Пакет рассчитан на два-три кило, мог лопнуть!

Стали выстилать песком лоно родника и русло ручья... за этим занятием и познакомились. Его звали Георгий Константинович.

- Как маршала Жукова, - удовлетворенно отметила она. - Вы - военный?

- Был... теперь так себе... пенсионер.

- Я полковника узнаю по походке, - пошутила она.

- Вы проницательны: до генерала я не дослужился.

Закончив «работу», они постояли, любуясь на ободрившийся ручей. Вид у обоих был удовлетворенный.

Обратно шли вместе. И не было у них ни минуты тягостной, даже когда молчали оба!

- Кто украшает лес? - рассуждала вслух Таисия Павловна, оглядываясь на молодые сосны с красными «свечками» на концах веток. - Сама природа? Она понимает, что красиво, а что нет? Красота доступна ее пониманию?

- И безобразие тоже, - отозвался он.

- Значит, она разумна, как и мы.

- Насчет собственной разумности не поручусь, - с улыбкой сказал он. - Вы - другое дело!

- Вот эта мусорная куча возле дороги всякий раз оскорбляет мой взор и взор природы тоже, - с досадой сказала Таисия Павловна.

- Давайте сожжем ее - с готовностью предложил он.

Они развели костер на месте мусорной кучи, полагая, что делают доброе дело. Но проходившие мимо люди не замедлили осудить их:

- Ишь, нашли место, где шашлыки жарить!

- Какие шашлыки! Мусор сжигаем.

- Еще пожар устроите...

Георгий Константинович был смущен, и это позабавило ее: при столь мужественной внешности такой виноватый вид...

- Вот всегда так, - по-детски обиженно сказал он. - Всякое доброе дело наказуемо. Неужто нас осудят и за то, что родник чистим?

- Логика людей непостижима - вздохнула она.

Перейдя Пьяный мост, они остановились: тут надо было расстаться.

- Спасибо вам за компанию, - сказала Таисия Павловна. - Все было очень хорошо, даже то, что нас отругали. Мне и это понравилось

Они расстались неохотно, с явным сожалением и с ее, и с его стороны.

«Что ж, из-за обеденного стола надо вставать с легким чувством

голода, - сказала она, утешая себя. - И со всяким новым знакомством так... Чтoб осталось желание встретиться еще раз».

Дома весь этот день она была задумчива. Занималась кухонными делами, а мыслями была еще в бору. Муж заглянул на кухню, удивился: стоит жена, держа в руках тарелку, и вытирает ее полотенцем, вытирает... Через некоторое время принялась было пол вымыть в кухне, налила в тазик воды, остановилась над ним с мокрой тряпкой... Муж опять заглянул, спросил насмешливо:

- Давно ты так?

- Что?

- А вот стоишь с мокрой тряпкой в руках?

- Задумалась...

- Помилуй, о чем можно столь глубоко задумываться в наше-то беспечальное время!

Владимир Иваныч любил иногда подтрунивать над женой.

- Ходила на родник, там ко мне кавалер лет семидесяти присоединился. Нет, не за мной ухаживал - за ручьем. Камнями его выкладывал. Песочком присыпал.

- Под старость люди становятся детьми, таким образом все возвращается на круги своя, - философски заключил Владимир Иваныч и ушел.

Она глянула в зеркало:

«М-да... Как говорится, лицо со следами былой красоты... Нет, не все возвращается, Володя!».

Достала из альбома свою девичью фотографию, сравнила с тем, что в зеркале, вздохнула и спрятала ее подальше.

«Конечно, женщина всегда остается женщиной, - размышляла она. - Вот и я... Приятно, что этот человек проявил ко мне интерес. А молодости не вернуть, нет».

Весь вечер ее занимала мысль: придет или нет ее новый знакомый завтра к роднику? С этим спать легла, с этим проснулась наутро, с этим собиралась в бор на прогулку. Нарочно не стала принаряжаться, оделась как обычно, то есть как и накануне. Но прежнего спокойствия

не было в душе, а было нечто иное... волнение невольное.

«Так придет или не придет?».

Георгий Константинович стоял на Пьяном мосту и смотрел, как мальчишки удят рыбу. Он о чем-то разговаривал с ними, они смеялись. Увидев ее, он тотчас забыл про них, а встретившись с нею взглядом, почему-то смутился. Чтоб справиться со смущением, сказал:

- За всю свою жизнь я поймал на удочку только одного окунька. Это случилось давным-давно, еще в пору моего деревенского детства.

- Так вы деревенский! - насмешливо отозвалась Таисия Павловна.

- Неужто вы сразу не догадались, проницательная женщина? Полковничье звание мое мигом вычислили, а деревенское прошлое нет.

Беседа их началась очень шуточно и очень живо. А шли неспешно по привычной дорожке - мимо лодочной станции, мимо растущих тут могучих сосен, потом по мосточку через ручей и далее лесом.

- Деревня моя стоит у меня перед глазами, словно живая, - говорил он с печалью в голосе. - Каждый дом, каждая тропка, колодец, сарай - все где-то вот здесь, - он легонько похлопал себя по темени. - Все, как на киноленте: и движется, и шумит, и голоса знакомые раздаются. Я не только людей, а и всех наших лошадок помню в лицо, петуха нашего, корову Дочку.... Даже пни у нас в палисаднике, и те вот они, только глаза закрыть. Ничего этого нынче нет, а у меня в памяти живо. Как это странно...

Ее очень тронуло то, что он говорил. Таисия Павловна и сама была из деревенских, и ее детство прошло в селе. Оттуда, кстати сказать, и ее любовь к камням да ручьям.

Дошли до родника, опять благоустроивали его. Потом отправились назад, так же тихо, нога за ногу. Опять разговаривали, а если выпадала пауза в разговоре, то вовсе не тяготились молчанием.

На этот раз при расставании условились назавтра опять встретиться.

- Мне велено гулять в бору каждый день, - признался он. - Чем дольше, тем лучше.

- Кто вами повелевает? Молодая жена?

Как раз перед тем он упомянул, что женат второй раз, и жена гораздо моложе его летам. Кстати, очень хвалил ее, сказал, что она у него красавица, и что дочка на нее похожа.

- Доктора велют, - ответил он и тотчас перебил самого себя. - Но о болезнях и о докторах не будем. Ладно?

А на другой день разнепогодилось, дождь сеял, не переставая, с раннего утра. Таисия Павловна, естественно, в бор не пошла и томила, не зная, чем заняться. Все валилось из рук. Поглядывала в окно: не расходятся ли тучи. Нет, становились еще мрачнее. Впрочем, к вечеру дождь перестал, и на следующее утро она отправилась в бор, хотя небо хмурилось.

«Ишь ты, - сказала сама себе, - спешу, словно девушка на свидание...».

На Пьяном мосту Георгия Константиновича не оказалось. Неужто не придет? Пасмурным стало и лицо Таисии Павловны. А напрасно! Он сидел возле дороги под соснами, на пне. Увидев ее издали, встал и ожидал стоя. Вместо приветствия сказал ворчливо:

- Я ждал вас здесь и вчера.

- Но ведь дождь шел! Какое может быть гуляние в такую непогодь!

- Дождь - это замечательно, - возразил он. - Если бы вы знали, как славно гулять под дождем!

«Если бы я знала! - подумала она. - Мне было так томительно вчера!»

- Ваши доктора велели вам гулять и в ненастную погоду?

- Приказали дышать лесным воздухом и пить воду из святого родника. Говорят, помогает.

- У вас что-то с сердцем?

- Вроде бы... Но ведь врачи ошибаются, как всегда! Это у них профессиональное.

- Ишь, какого вы мнения о моих коллегах!

- Так вы медик?

- Была... а теперь, как и вы, просто пенсионерка.

- У меня дочка время от времени спрашивает, какой возраст самый лучший - двадцать лет? Сорок? Пятьдесят? Я всякий раз называю ей тот, в котором пребываю. Сейчас мне семьдесят. Замечательный возраст, уверяю вас!

- Совершенно согласна с вами. Лучше вашего возраста только мой, а мне скоро шестьдесят.

Дождик вдруг покрал. Они встали под сосну. И вот тут Таисия Павловна посмотрела на него внимательно и очень заботливо подняла воротник его куртки. Она даже смутилась от своего неожиданного порыва, а он коротко и тоже очень ласково пожал ее руку обеими ладонями. Они у него были теплыми и по-крестьянски крупными.

«Очень добрые руки, - подумала она. - Это истинно мужские руки».

Мимо них прошли пожилые женщины с пустыми бутылками - к роднику. Они поздоровались с нею, а на Георгия Константиновича посмотрели с любопытством и интересом.

- Я в Новой Корчеве живу недавно, - сказал он. - Меня тут никто не знает.

- А я тридцать лет и три года работала акушеркой. Иногда мне кажется, что половина жителей города или рожали у меня, или я их принимала при появлении на свет.

- Вот почему с вами все здороваются!

Теперь они встречались каждый день. Знакомые Таисии Павловны видели их вместе и по каким-то приметам догадывались, что этот высокий седой спутник не муж ее, не сват и не брат. Кое-кого из них уже забавлял «роман», разворачивавшийся на их глазах.

Однажды Таисия Павловна только вошла в бор, а встречные женщины ей:

- Вас уже ждут.

Она не заметила, что сказано это было с лукавой иронией, и обрадованно прибавила шаг, увидев, что Георгий Константинович сидит под соснами на пне.

На этот раз они уклонились от обычного маршрута.

- Пойдемте, я вам покажу славное место, - сказал он. - Мы с дочкой раньше ходили вот сюда.

По тропке едва заметной углубились немного в лес, тут лежало поваленное дерево, а напротив - пень. Между ними старое кострище. Георгий Константинович очень заботливо усадил ее, развел малый костерок.

- Я люблю огонь, - признался он. - Люблю сидеть и смотреть на него. Это зрелище меня просто завораживает. Читайте меня огнепоклонником.

Они сидели и смотрели. Где-то рядом по дороге проходили люди, слышались их голоса. Со стороны Волги приплывал приглушенный лесом рокот лодочного мотора. Дрова в костре весело потрескивали...

- Таисия, что это за романтическая история у тебя в бору? - спросил муж с видом полного равнодушия на лице. - Мне передают, что ты каждый день гуляешь с каким-то благообразным старичком.

- Да я же тебе говорила о нем! - живо откликнулась она. - Мы ходим к роднику... разговариваем. Он хороший собеседник: умеет и сам что-нибудь рассказать, и меня послушать.

- Таисия, в глазах людей посторонних это выглядит несколько странным, так я понял, - осторожно сказал он.

- Что ж, присоединяйся к нам. Будем гулять втроем.

- Во-первых, третий - лишний, - сказал Владимир Иванович не без иронии. - А во-вторых, мне гулять некогда, у меня дела, работа.

Он человек исключительно трудолюбивый, практичный, хозяйственный. Дачу построил... которая Таисии Павловне была не нужна, не любила она дачных хлопот. И еще одну дачу муж затеял строить - для сына. Владимир Иваныч вечно в делах, ему гулять некогда, что верно, то верно.

Через несколько дней разговор у супругов повторился.

- Таисия, что все это значит? - спросил Владимир Иваныч. - Мне передают, что ты уединяешься со своим поклонником-старичком в лесу... сидите у костра... Как вас понять, объясни.

- Да, сидим у костра... поклоняемся огню, - подтвердила Таисия Павловна и попыталась перевести все в шутку. - Мы - огнепоклонники. Понимаешь?

- Так-так-так... Не могу вспомнить, откуда эта цитата: «Приближающийся ко мне приближается к огню; тот, кто уходит от меня, недостойн жизни»?

- Из какой-то старинной книги.

- Это сказано о любви. И святым родником тоже именуют любовь. Так вас надо понимать, Таисия? В таком плане, да?

Она засмеялась. Даже помолодела в смехе.

- А мне вовсе не смешно! - рассердился муж. - Я требую прекратить эти прогулки. У тебя есть я, есть сын, есть внучка. Ты ставишь нас всех в ложное, в смешное положение!

Она молчала и выглядела опечаленной. Однако на другой день стала собираться в бор и ушла...

Георгий Константинович ждал ее.

- Ты опять ходила в бор? - спросил муж хмуро, когда она вернулась домой.

На это Таисия Павловна ему шутливо отвечала:

- Кармен свободна.

Подумав, муж сказал ей:

- Мне придется вызвать на дуэль этого ... огнепоклонника.

- Он не примет твоего вызова, - отвечала Таисия Павловна, улыбаясь. - А если и примет, то не будет в тебя стрелять, выстрелит в воздух.

На том разговор у них и кончился. Она полагала, что муж пошутил насчет дуэли, но на другой день Владимир Иваныч этак небрежно обмолвился:

- Я видел его... Добрые люди показали: вон выходит из магазина. Я его остановил.

Она нахмурилась и испуг прозвучал в ее голосе:

- Боже мой, что ты ему сказал? Георгию Константиновичу нельзя волноваться! У него больное сердце!

- С больным сердцем нечего приставать к чужим женам. Я выразил твердое мнение, что его ухаживания за моей женой пошлы и смешны... Ну, и еще кое-что добавил... суровым тоном.

- И что он тебе ответил? - спросила Таисия Павловна напряженным голосом.

- Ничего. Открыл было рот, но слова вымолвить не смог. Молча повернулся и пошел дальше. Но я видел: он побледнел. Этот человек твой явно из робкого десятка.

Таисия Павловна долго молчала.

- Я не знала, что ты такой злой, - тихо сказала она мужу.

- А я не знал, что, прожив со мной почти сорок лет, ты можешь затеять пошлый роман с каким-то стариком, - сердито отвечал он ей.

Больше супруги в этот день не разговаривали.

Таисия Павловна засобиралась и ушла. В бор. К роднику.

Она была уверена, что Георгий Константинович уже ждет ее, как обычно, под соснами возле лодочной станции. Но его там не было. Она медленно шла по дорожке, оглядываясь по сторонам. Побывала и у родника. Так же медленно шла назад. Его нигде не было. Разочарованная вернулась домой.

Он не появился и на другой день, и на третий...

«Как это понимать? - размышляла Таисия Павловна. - На него произвели такое сильное впечатление упреки моего ревнивого мужа? Не верю...».

Приходя к роднику в следующие дни, она ожидала увидеть хотя бы след или знак, оставленный Георгием Константиновичем. Но ни следа, ни камня в роднике, ни брошенной ветки...

«Странно, - думала она. - Надо хотя бы позвонить, извиниться за поступок мужа. Да ведь я даже не знаю его фамилии! И не знаю, где он живет...».

Так прошла неделя. А на исходе ее знакомая женщина встретила Таисию Павловну в бору. Остановились поговорить.

- Как жаль, - сказала женщина. - Это был очень хороший человек. Я всегда любовалась вами, когда вы вместе гуляли.

- Почему «был»? - насторожилась Таисия Павловна, разом похолодев. - Он куда-то уехал?

- Разве вам никто не сказал? - женщина смутилась, потом сочувствующе посмотрела на нее. - Он умер... Вчера похоронили.

Таисия Павловна отступила на шаг и опустила голову. Некоторое время она стояла в полной отрешенности, потом, ни слова не говоря, тихо пошла по лесной дороге...

Она горестно стояла у родника. Светлая струя воды бежала по жел-

тому песочку. Кукушка за Волгой куковала печально - звала кого-то? Малые птахи неугомонно щебетали. Таисия Павловна не слышала ничего, только голос памяти подсказывал и звучал у нее в ушах:

«Приближающийся ко мне приближается к огню. Тот, кто уходит от меня, не достоин жизни».

2000 г.

САМОЗАХВАТ

Рассказ

Это местечко Бобровы присмотрели еще в прошлом году: гуляючи, вышли за станцию железной дороги, уверенные, что попадут в безлюдье и тишину, а оказалось, здесь, на широком пустыре, взрытом канавами да карьерами, поросшем кустарником, сообразительные люди освоили все более или менее ровные участки земли, пригодные для земледелия, кому что досталось. Один отгородил себе сотки две, не более, у другого три или даже четыре, а у третьего все пять. Пять соток - это ж почти дачный участок, о каких иные хлопочут годами. А тут пришел и занял, ни у кого не спрашивая, - просто, без канители, не портя себе нервов.

Хозяева-захватчики посадили кустики смородины черной и красной, черноплодной рябины, по рядочку малины да яблоньки, любовно разбили грядки...

Колонизация пустыря на окраине городка Новая Корчева началась, должно быть, года три-четыре или даже пять лет назад. К сегодняшнему дню эти частные владения огорожены, то есть границы обозначены, укреплены, как бы обретая неоспоримую законность, и хлопоты по первоначальному обустройству уже позади, сады-огороды уже радовали хозяев первыми плодами.

- Фе-дя! - завистливо постанывала Людмила Ивановна. - Вот дураки-то мы с тобой... вот ротозеи!

Десяток минут ходьбы от дома! Как только пересечешь железно-дорожную насыпь - тут тебе вся природа: и кустики, и лес сосновый недалеко, откуда ветерок веет смолистый, и птички поют - благодать!

- Сидим, смотрим телевизор, - проворчал он, упрекая сам себя, - нам показывают, где какая война идет... Работать надо, а не перед этим

дурацким ящиком сидеть! Они там по дурости своей договориться не могут, а мы тут смотрим.

И жена принялась упрекать: мол, сколько раз приглашала на прогулку, а он упирался. Почему? А потому что и ленивый, и неповоротливый, и тугодум к тому же - истинный бобер! Все мужики как мужики, а у нее... ну, не то чтоб совсем плох, но - несообразительный.

Муж самолюбиво молчал. Честно говоря, его и самого задело: как это так - другие догадались, а он нет! И тот факт, что они в Новую Корчеву переехали на жительство только три года назад - не оправдание. Сейчас не этот очкарик лысый поливал бы из лейки огурчики, а он, Федор Михалыч Бобров. И уж можно не сомневаться, что будочку-дачку поставил бы не хуже всех прочих, а получше.

Ревнивым взглядом Бобров отмечал: самозахватчики увлеченно трудились, тут же и жены их, и детишки, и собаки с кошками. Сообразительные мужики были серьезны, деловиты - один заступом копал, другой топориком тесал, третий молотком стучал. Жены у них миролюбивы, на мужей не ворчали, не ругали их, а детки шалили... Все путем.

В общем, позавидовал Бобров. Так позавидовал, что всю ночь потом ворочался в постели! А на другой день было воскресенье, и супруги опять отправились посмотреть на чужое счастье. Вот тогда-то они и приметили этот участок земли, еще никем не занятый, - никому в голову не пришло хапнуть его: низинка тут, да и захлавлено очень.

Расположение местечка было таково: сразу же за железнодорожной насыпью глубокий ров, непролазно заросший тальником; от переезда другая насыпь, по ней грунтовая дорога уходит в лес, с нее ни вправо, ни влево не сойдешь - опять глубоченные рвы с водой; а грунтовку пересекает линия теплотрассы, вплотную подходя потом к железной дороге. Таким образом получился треугольник бросовой земли; на нем кое-где росли чахлые березы, корявые молодые сосенки, несколько пней осталось от спиленных старых деревьев, тут же кусты тальника переплелись над ямами с водой...

Вот об этом участочке Бобровы и помнили потом всю зиму, обсуждая так и этак. Не очень-то верилось, что станет он садом-огородом - недаром до сих пор никто не польстился! Но... если долго мучиться, что-нибудь получится!

И вот, когда наступила весна, Бобровы снова пришли за станцию, но уже не ради прогулки, а чтоб присмотреться к тому месту, которое облюбовали прошлым летом. Надо было примериться уже практически: вступать во владение или не вступать.

Сначала обозрели его с насыпи железной дороги, не зная, как попасть туда через заросли тальника. Кое-как по кустам перебрались-таки и остановились тут, оглядываясь.

- Ну, что скажешь, Бобреха? - спросил Федор Михалыч.

А Бобреха не могла скрыть своего разочарования: дикое место, неухоженное, и более того - испакощенное. Из-под прошлогодней палой листвы тут и там выглядывали то ржавая проволока, то автомобильная шина, то бесформенный кусок бетона, то битый кирпич. Под ногами чавкала болотная жижа.

- Федя, тут руки-ноги обломает, пока приведешь в божеский вид.

Он тоже был озадачен: отравлена земля, да и топко. Однако же обоим по душе пришлась этакая обособленность, укромность местечка, а больше всего подкупало, что это же так близко к дому!

- Ничего, со временем подсохнет, - пробормотал Федор Михалыч, ступая по мокрому.

А стоял веселый денек: ласковое солнышко играло, как мячик, ей-богу, оно подскакивало, перемещалось туда и сюда по небу; облака плыли по лазури; ветерок веял еще холодноватый, но это было ободряющее, здоровое дыхание леса и поля. А уж птицы-то радовались-пели!

- На то они и руки, чтоб их обламывать, - ободрял то ли себя, то ли жену Федор Михалыч.

Мимо по грунтовой дороге проходили люди, разговаривали, но они не видели Бобровых. Электричка проплыла - вагоны мелькали в просветах между деревьями с молодой листвой, и опять-таки это не нарушало уединенности. Вот только взгляд то и дело наткнулся на что-нибудь вызывающее досаду: шпалы гнилые валялись, берег канавы облит мазутом - радуги цвели на воде... Черные от мазута бутылки плавали в канаве.

- Этот пень не на месте, Федя, - нерешительно сказала Людмила Ивановна. - А выкорчевывать - вручную не осилить, трактор нужен.

- Пригодится вместо сидения или даже стола, - возразил муж.

Он прошелся по участку, отбрасывая ногой сухие ветки; уже прикидывал: эту яму засыпать, а эту кочку срыть вовсе... Вот тут можно поставить сарайчик - три дерева послужат угловыми столбами... а рядом парничок заложить. И есть место для грядок и боровков картофельных. Конечно, всю целину вдвоем не поднять, тут полгектара, не меньше, но пока можно освоить лучший край, который посуше, повыше.

- Схожу за инструментом, - сказал он решительно и полез через кусты, как медведь.

Воодушевление овладело им! Не шагал к дому - летел. Готов был даже бежать! Одно удерживало: несолидно как-то. Не мальчик ведь - уже за пятьдесят.

Вернулся с двумя заступами, короткой одноручной пилой, железными граблями и топором - все это было закуплено еще зимой. Пока ходил, жена, гляди-ка, успела собрать хворост и отволокла на край канавы мотки ржавой проволоки, откатила автомобильные шины, неведомо как сюда попавшие, и дергала прошлогоднюю осоку, расчищая полянку. Она раскраснелась от работы, встретила его нетерпеливым упреком:

- Тебя только за смертью посылать.

Муж, не говоря ни слова, закатал рукава рубахи.

- Люда, елочку так и оставим, ладно? Пусть растет.

- Федя, этот камень надо бы откатить вон туда.

- А земля торфяная... местами неплоха, верно?

- Интересно, приживутся ли тут яблоньки, если посадить?

- А помнишь тот куст боярышника возле складов? Надо его сюда переселить. Я боярку люблю.

Планы, один привлекательнее другого, обступали их.

Бобровы работали прямо-таки с упоением, и к вечеру первого дня отпечаток их труда явственно обозначился на этом пяточке земли: расчищена и выровнена полянка - тут и там обнажилась перегнойная почва; два крепких пня выкорчевал Федор Михалыч, ржавые вагонные колеса откатил в сторону, кусты ивняка вырубил; а Бобриха ямы засыпала сначала всяческим мусором, потом уж землей, сухой хворост и палую листву всю сгребла в кучи, чтоб сжечь потом, когда просохнут... В общем, потрудились на славу и довольные ушли домой.

В течение недели Бобров приходил сюда после работы каждый

день. Вбил колья по скату канавы, переплел их хворостом, подсыпал земли - это чтоб выровнять участок и чтоб не сползала плодородная почва в воду. Устроил навес под елкой - если дождь пойдет, можно спрятаться.

Каждое такое дело радовало его, привязывало к этому клочку земли. Он находил в нем все новые и новые достоинства: вон там можно нарезать прутьев и корзинку сплести... В воде на дне канавы видны кем-то брошенные кирпичи, их в дело употребить... На березе огромный нарост в виде кренделя - кап, очень ценная вещь, кто в этом разбирается... Даже проволока ржавая, и та в будущем хозяйстве пригодится.

По другую сторону железной дороги бульдозер выравнивал площадку под какое-то строительство, сдвинул верхний слой земли кучами. Бобров наведалься туда и ахнул: это ж плодороднейшая почва! Да если б к себе на участок... Жалко, что нет возможности въехать, а то б парочку самосвалов... Да что там парочку! Хоть сколько вози, лишними не будут.

В тот вечер таскал он эту землю найденным тут полиэтиленовым мешком. А на другой день уже вдвоем с женой - носилками, которые сколотил на скорую руку. Каждая кучка плодородной земли, выроставшая на их острове, прибавляла азарта: это было как бы прибавление капитала. Потому Бобровы и унять не могли свой трудовой азарт. Сначала-то хотели раз пять-шесть сходить за этой землей, но принесли и десять, и пятнадцать... Самое трудное было - преодолеть с носилками ров, заполненный водой, - тот, что вдоль железной дороги. Пришлось соорудить мосточек подъемный; его по окончании работы спрятали в кустах, чтоб никто не проникал на их остров.

Вечерами Бобровы на все лады обсуждали свое дачное владение, появившееся вдруг. Не было, не было - а теперь есть! Возникло, как по волшебству. И можно уже строить планы, где и что посадить, где и что построить. Получалось в мечтах все ладно да красиво: и домик уже стоял, и столик возле него, и самоварчик на столике шумел... и редисочка румянела, и помидоры вызревали до красного цвета.

Среди домашнего разговора совсем не об огородно-дачных делах Федор Михалыч вдруг говорил: «Изгородь ставить не надо - рвы с водой нас берегут» или «Старые шпалы видел... просмоленные! Пригодятся».

- Только б не прогнали нас! - счастливо беспокоилась Людмила Ивановна. - Заявится кто-нибудь, скажет: по какому праву вы тут? А ну, марш отсюда!

Бобров слегка сердился на глупый ее страх, но и сам чувствовал некоторое сомнение: а так ли уж прочно закрепились они на той ничейной земле? Потому назавтра поспешили сделать грядки, и Бобреха посеяла морковку, редисочку и воткнула десяток луковок.

Фантастика, да и только: под боком совершенно необитаемый, никому не нужный островок - кусок ничейной земли! Конечно, он изучен, обожжен и отравлен, но ведь растут же здесь кусты и деревья, гнезятся же здесь птицы! Значит, есть еще в нем животворящие силы, и если им поспособствовать, земля отзовется благодарно. Она тут, как больной, который поддается лечению; нужен уход, и воспрянет, оживет.

- Глаза боятся, руки делают, - подбадривал себя Бобров.

Он был человеком практического склада: не любил подолгу рассуждать, сразу брался и за то, и за это. А чувство физической усталости не угнетало, а радовало его.

Но судьба готовила им великое огорчение.

Наступили выходные дни, и опять Бобровы отправились с утра на «свой участок», полные самых лучших намерений: поработать. Пришли и остолбенели: на «островке» хозяйничал какой-то мужик... да и не один, еще и сын-подросток с ним. Костер у них дымил, слышался стук топора, деловитый, бесцеремонный... Самое возмутительное - новый хозяин ставил столбы изгороди, явно покушаясь отхватить часть уже освоенной, бобровской территории.

Через кусты, по-медвежьки проломился Бобров, за ним жена разъяренной медведицей.

Мужик с парнишкой оглянулись на них выжидательно.

- Ты что, ослеп? - возбужденно спросил Бобров. - Не видишь, что тут занято?

- Где?

- У тебя на бороде! - нахраписто прибавил в голосе Бобров. - Я спрашиваю: ослеп, что ли? Тут наша территория!

Мужик озадаченно моргал глазами.

- Ты кто такой? Тебя что, звали сюда? Как твоя фамилия?

Федор Михалыч знал по опыту, что вопрос «Как твоя фамилия?» обычно смущает в острых ситуациях всех и каждого.

- Мотылев... А что?

Мужичок был моложе Боброва, худощавый, сутуловатый - истинно мотыль! Но по всему видать, из задиристых. Бывают такие: чем худосочней, тем петушливей.

- Куда ты въехал со своими столбами? Вон же наша грядка, вот расчищенный участок, а эти кучи земли мы от железной дороги наносили.

- Бессовестные, - постанывала Людмила Ивановна. - Как в чужую квартиру вломились.

- Да ведь вы тут, а мы тут, - резонно возразил Мотылев. - Территория большая, места хватит и вам, и нам.

- Тут занято! Можешь ты это понять? За-ня-то!

Зря, пожалуй, Федор Михалыч наступал так грозно, надо бы мягче, порассудительнее, но он не мог совладать с собой.

- Командир, не шагай широко, штаны лопнут, - Мотылев потерял терпение. - Не умеешь по-хорошему - пошел ты на... Много вас, ушлых! В гробу я видел и тебя, и твою жену...

После такого заявления, сделанного столь решительным тоном, ясно стало, что события ладом не пойдут. Не желая более тратить времени на слова, Бобров подступил к крайнему столбу, обхватил его и хотел выдернуть из земли.

- Отойди! - тотчас освиrepел Мотылев. - Отойди, говорю! А то я тебе лапы по локоть отрублю.

В руках у него был топор. И рожа у этого Мотыля решительная.

Федор Михалыч отступил, не зная, что предпринять; поискал глазами, нагнулся и поднял камень - этакий бульжник с овечью голову. Но парнишка Мотылев с заступом в руках заходил с фланга, и это заставило Боброва развернуться, а на два фронта воевать уже не с руки.

Парнишка был пухлощек, румян, добродушен даже, но его Бобров заопасался больше, чем взрослого: этот по дураcти шарахнет, не раздумывая. С малолетка ли ума спрашивать!

- Отойди от них, Федя, - Людмила Ивановна потащила мужа за рукав. - Это уголовники, ты же видишь.

- Иди, иди, - угрожающе напутствовал Мотылев.

- Отстань, ну их, - уже умоляла Людмила Ивановна.

Враждующие стороны разошлись, оглядываясь друг на друга грозными глазами.

Разошлись-то разошлись, но примириться с потерей значительной части своей территории Бобров никак не мог. Там уступи, тут уступи - обкорнают со всех сторон, и будешь, как цапля на болотной кочке, стоять на одной ноге, а вторую поставить некуда.

За возведенной соседом изгородью, между прочим, оказался и холмик с трухлявым пнем - а это перегнойная почва! - и камень плоский, на котором просто ли присесть, заступ ли поточить, гвоздь ли гнутый выпрямить... Да и вообще место это хорошее - доступное солнцу, что немаловажно.

- Видит же: занято, люди тут руки приложили, поработали - нет, все-таки лезет, - не мог успокоиться Федор Михалыч. - Потому и лезет, что чужое да ворованное им слаще всего.

А Людмила Ивановна была так расстроена, что даже всплакнула. Во всяком случае, голос у нее был со слезой, когда говорила:

- Как было хорошо! Так нет, черт принес соседей.

Когда Мотылевы ушли на обед, Федор Михалыч не утерпел, вытащил их столбы и переставил изгородь за пригорок, передвинул таким образом рубеж владений на полтора-два метра в глубь соседской территории и там наскоро укрепил.

Что касается плоского камня, то с ним Бобров немало повозился, однако же перекатил на свою территорию.

Сделав все это, он не обрел покоя. Было в этом торжество справедливости, но вот надолго ли? Чувствовалась неубедительность совершенного в том смысле, что не граница все-таки, признанная законной обеими сторонами, а словно бы линия фронта. Граница - мирная жизнь, а фронт - война. Ну, провел наступление, отвоевал кое-что, а дальше? Если противная сторона не смирится, опять передвинется фронт. Камня Мотылевым не вернуть, тут бобровская сила нужна, но изгородь они

запросто передвинут на прежнее место. Не станешь же сидеть да стеречь круглыми сутками!

Предчувствие не обмануло Боброва: вражеская сторона не смирилась с переносом рубежа - в отсутствие Бобровых прокопала глубокую канаву как раз на том месте, где раньше изгородь стояла. Причем верхний перегнойный слой земли выбрасывали Мотыли на свою сторону, а глину - на бобровскую. Пригорок опять оказался отрезанным.

Вернулись Бобровы, постояли тут, качая головами: канавка уже заполнилась водой, противоположный берег ее возвышался, будто бруствер окопа.

- Коли совести бог не дал, дубиной не поможешь, - сказал Федор Михалыч.

- Нахальство - второе счастье, - вторила ему Людмила Ивановна.

Говорили они в расчете на то, что соседи услышат. Но Мотылевы не обращали на это никакого внимания. То есть делали вид, что не обращают. У них в этот день женщина появилась, корпусная такая, солидная и, судя по всему, тоже не привыкшая отступать в сложных жизненных обстоятельствах. Они там, между прочим, довольно громко обсуждали свои планы: вот тут поставят сарайчик, в нем можно поросенка держать. И жалко, мол, что корову негде пасти. Что же до кур и кроликов, то это дело решенное: будут куры, будут и кролики. И поскольку корову держать нельзя, то козу можно - козе много места не надо, и если ее не привязывать, то она границ не признает, будет гулять по всей территории - такая уж скотинка.

- И волкодава заведу! - громко заявил сосед, оглядываясь на Бобровых, чтоб слышали. - А то эва что: камни-валуны воруют!

- А я красного петуха припасу для вас, - мрачно пообещал Федор Михалыч. - Против него ни один волкодав не устоит.

Его слова явно смутили противную сторону: красный петух, знамо дело, тоже гуляет где хочет, и особенно любит деревянные постройки, в которых живут куры да поросенок с козой, и даже собачьи конуры.

- Ну и соседей бог послал! - сказала жена Мотыля. - Откуда только такие берутся?

«Ничего себе! - вскинулся Федор Михалыч. - Все с ног на голову. Это вы откуда взялись? Кто вас сюда звал? Вперлись без спросу, еще и ругаются!»

- Ни одной постройки здесь не поставите, - сказал Бобров, ни к кому не обращаясь, и очень твердо. - Даже шалаша.

У соседей наступило молчание.

- Ядохимикатов им на грядки насыпать! - предложил парнишка соседский, которого родители звали Володькой. - Сто лет на этом месте ничего не вырастет. Я знаю, где взять, - хоть ведро, хоть два!

- Ядохимикаты на крайний случай, - остановил его отец. - Придумаем сперва что-нибудь похитрее.

- А чего? - петушился Володька. - Если нам красного петуха, то мы будем терпеть, что ли?

- Да я ему противотанковую мину подложу под зад!

Вот теперь стало ясно, что Мотылев уже «принял внутрь». Может быть и тогда, когда топором махал, обещал руки обрубить Боброву, тоже был пьян, только Федор Михалыч не заметил. Нынче они там так хохотали! Не по-доброму смеялись - зло.

Бобровы тоже принялись было плановать: вот тут тепличка или парничок на три-четыре квадратных метра... тут будочку для огородного инвентаря. Но что-то не клеилось у них с мечтами, воодушевление покинуло их. Побродили уныло по своему участку, слушая, как Мотылевы опять хохочут, и так же уныло отправились домой.

Федор Михалыч был очень расстроен. Чувство собственного бессилия угнетало его. Что тут сделаешь: он же не купил эту землю, сам водворился на ней самозахватом! Тут ни один суд не поможет, и в милицию не пожалуешься.

В течение недели он раза два навещался сюда - соседей не видел, но заметил следы их работы: на соседском участке уже грядки появились, тропочки пролегли, обрезки досок навалены, тут же кольца заточенные - для изгороди, обломки кирпичей... Чужая трудовая деятельность подействовала на Боброва успокаивающе: не хулиганы какие-нибудь, а работающие люди.

«Надо как-то договориться», - вздохнул он.

На эту тему у него состоялся обстоятельный разговор с женой, и та согласилась: да, лучше как-то поладить с соседями. Худой мир лучше доброй ссоры. Иначе придется вовсе отказываться от дачного участка, так радовавшего их до сих пор.

- Надо искать политическое решение конфликта, - заключил Федор Михалыч, сидя перед телевизором, глядя, как люди лупят друг друга то в Боснии, то в Абхазии, то в Карабахе.

А соседи к следующему воскресенью обзавелись собакой. Правда, это был не волкодав, как они обещали, но все равно псина злющая - вполне может тяпнуть за ногу. Она сразу уразумела, чего от нее хотят, и встав передними лапами на «бруствер» канавы, отчаянно облаяла Боброва, едва тот появился. И у Федора Михалыча, уже шедшего с мирными намерениями, как-то сразу пропала охота затевать хороший разговор.

«Жену пошлю», - решил он и ушел домой, унося с собой досаду и раздражение.

А в следующий раз, придя сюда уже с женой, обнаружил он на бруствере канавы две «огневые точки»: деревянные «пулемет» и «орудия» были грозно направлены не куда-нибудь, а в сторону бобровской территории - значит, парнишка соорудил. Но в игре этой был угрожающий смысл: мол, они готовы к военным действиям, что очень возмутило Федора Михалыча. Мелочь, конечно, и глупость, но если человек в раздражении, то и пустяк важен.

Не долго думая, Бобров перемахнул через канаву, поломал палки и доски, свалил все в кучу, добавил хворосту и поджег. Костер пылал славно!

- Не надо бы так, Федя, - опасливо уговаривала его Людмила Ивановна, но видно было, что и она удовлетворена.

- Ничего, дуракам наука, - сказал Бобров, уходя с вражеской территории. - Ишь, испугали они меня!

А в отсутствие Бобровых в грядку Людмилы Ивановны соседи (а кто же еще!) вбили осинового кола; ствол дерева вымазали какой-то гадостью, грядка с луком оказалась затоптанной, горели шпалы, валялись тут, куча шлака насыпана... это была уже полномасштабная война.

Бобровы растерянно потоптались на своем участке. Работать уже не было никакого желания.

- Ах, Федя, не надо бы так, - укорила Людмила Ивановна. - Я тебя предупреждала.

- Так что же было - терпеть? - спросил он гневно. - Мы тут рабо-

тали, окультурили, а они явились и отхватили половину. Ничего себе!

Перед тем, как уйти, Федор Михалыч не совладал с досадой, выловил плававшие в канаве бутылки, три штуки, и вдрызг расколошматил на соседском участке о кирпич - теперь вся отчужденная территория была в стеклянных осколках. Он понимал, что глупо это, несолидно, подурачки, но остановиться не мог. Душа хотела злого удовлетворения, и она его получила.

А в их отсутствие Мотылевы выкопали на тропинке, протоптанной Бобровыми, глубокую яму, замаскировали ее мхом. И ведь как хитро сделали: вынутую землю отбрасывали далеко, чтоб яму не обнаружили. Федор Михалыч и угодил в нее, утонув по колено в липкой грязи. Это донельзя разозлило его. Уж и солнце не солнце, и птицы не птицы - померкло все в душе.

В ожесточении накопил он ям на соседском участке и раскидал глинистую землю туда и сюда, совершенно обезобразив все. После чего плюнул и ушел.

В этот день природа вмешалась в развитие враждебных действий: дождь пошел и лил два дня подряд. На третий день была передышка, а потом еще несколько дней то дождь, то ветер, то все вместе. И так целую неделю.

Бобровы меж собой избегали разговаривать о своем земельном владении. Но каждый держал на уме: было и нет теперь.

Опять разведрилось, земля подсохла; вдруг заметно стало, как подросла травка, закрывая неприглядность оголенной земли; опять солнце ломилось в окна квартиры; ласточки прилетели в Новую Корчеву...

- Ну что, сходим? - не выдержав, спросил Бобров у жены в день выходной - в субботу.

Людмила Ивановна сразу поняла, о чем речь.

- С заступами? - спросила она.

- Да нет... Так, посмотрим.

И они отправились. Просто поглядеть.

В канаве возле насыпи железной дороги самозабвенно кричали лягушки. На обширном пустыре - впрочем, разве это пустырем назовешь теперь? - копошились хозяева-самозахватчики, уже давно уладившие свои пограничные проблемы. Скворцы там щелкали у своих скворешен.

Тепло, благодатно... Даже маневровый тепловоз гукал музыкально.

По грунтовой дороге по двое, по трое удалялись от города люди: это счастливыцы шли на свои дачи - там, за лесом, садово-огородное товарищество.

Но никого не было на «островке», где недавно Бобровы и Мотылевы размечали свои дачные владения. Место это являло собой вид разоренный, словно тут была настоящая война: и ямы, как от разрывов снарядов или бомб, и угли, и битое-ломаное...

Смутился Федор Михалыч.

- Глянь туда, - подтолкнула Людмила Ивановна.

За кустами на грунтовой дороге остановились их соседи, отец с сыном, и тоже смотрели... Так и стояли Бобровы и Мотылевы, а разделял их участок бросовой, изуродованной земли.

1994 г.

РЕКА СЛЁЗ

Рассказ

Вот уже полтора десятка лет прожил я в Новой Корчеве, но как-то не приходилось мне бывать в том месте, где теплая вода от нашей электростанции по каналу течет в Волгу, хотя это не так уж далеко от города. Электростанция у нас тепловая, для охлаждения пара от турбин забирает волжскую воду в больших количествах, а поскольку вода при этом становится горячей, то обратно в Волгу ее сбрасывать нельзя по экологическим соображениям, и для охлаждения ее лет тридцать или сорок назад прорыли канал.

Так мне объясняли умные люди, и я этому раньше верил, но теперь думаю иначе.

Я случайно забрел сюда нынче по осени. А стояли, надо отметить, ясные деньки, бабье лето. И уж осины с рябинами загорелись рыжим пламенем, но травка по берегам канала была по-весеннему зелена: от теплой воды в этом месте климат совсем иной - весна тут наступает раньше, а осень позднее.

За минувшие десятилетия канал утратил черты рукотворности, стал просто рекой, заросшей по берегам кустарником. В самой реке произрастали всяческие водоросли, а в водорослях жили-поживали рыбешки в младенческом, детском и отроческом возрасте. Заплывали и взрослые, так что я не удивился, увидев тут пожилого рыбака-удильщика с девочкой лет пяти или шести; должно быть, это его внучка. В теплой воде опять-таки по-весеннему благодушествовали лягушки, их ворчание раздавалось тут и там. Пока я шел берегом, они одна за другой кидались в воду - не столько от страха перед идущим человеком, сколько, наверно, от приятной возможности еще раз, снова и снова нырнуть в благодатную среду.

Я люблю лягушиное ворчание с детства: возле моей деревни низинка была истинным царством лягушек, по весне я ходил туда послушать их. А живя в Новой Корчеве, хожу иногда к волжской заводи, что недалеко от моего дома, как ходят люди на концерты: сольное и хоровое искусство лягушиного пения выше всяких похвал.

И вот теперь возле теплого канала, ставшего рекой, повеяло на меня весной и далеким детством. Так отрадно стало на душе!

Я выбрал укромное местечко меж кустами и сел тут, возле самой воды, на солнышке. За моей спиной была дорога, по которой изредка проезжали автомашины - она ведет к дачному поселению «у теплого залива», то есть у того места, где рукотворная река впадает в Волгу. За дорогой лес, за лесом наш городок, Новая Корчева. А напротив, прямо передо мной, такой же берег, тоже заросший кустами; по нему вьется тропинка, ведущая к дачам, она сейчас была пустынна. За нею лес; над лесом вознеслись ажурные опоры электролиний, да и не одной, а нескольких; их тут много, этих опор. Таков был вид вокруг меня.

Итак, я сидел на берегу, погрузившись не в задумчивость, а в блаженное состояние полного бездумья. Вдруг как раз напротив меня к воде спустилась женщина, села под куст и уронила голову на руки, положенные локтями на колени. До меня донеслись звуки ее рыданий.

Я встал, чтобы деликатно удалиться. Чем я мог ей помочь! При таких обстоятельствах лучше не вмешиваться. Никто ведь не просил меня о том.

Однако же я не ушел, а сел на прежнее место: пусть плачет, я не стану ей мешать. Я даже смотреть в ее сторону не буду.

За мной из-под воды изумленно наблюдала выпученными глазами красавица-лягушка. Она выпустила изо рта пузырек воздуха, подплыла ближе к берегу и опять уставилась на меня. Мне хотелось сказать ей: сплавай-ка к тому берегу, узнай у молодой женщины, чем она расстроена и нельзя ли ее чем-нибудь утешить. Лягушка, должно быть, услышала мою молчаливую просьбу и уплыла.

Женщина продолжала плакать, но уж тихо. Когда она подняла голову, лицо ее показалось мне знакомым. Впрочем, в нашем городке все лица кажутся знакомыми, ведь время от времени встречаешься почти с каждым жителем на улице ли, в магазине ли. Это была красивая жен-

щина, лет этак тридцати... Или она показалась мне красивой, потому что я был в самом радужном расположении духа? Именно от такового настроения, не вытерпев, я сказал с деланной сердитостью:

- Нашла себе заделье - слезы лить. Или нечем больше заняться? Только теперь она заметила меня.

- Ишь, плачет, - продолжал я ворчливо. - То ли в этой реке воды мало, чтоб еще добавить?

- Она полна моими слезами, - сказала эта женщина.

- Ах, вот почему так тепла в ней вода! - догадался я. Пойдите, как это у Тютчева...

*Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистоимые, неисчислимые, -
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.*

- Хорошие стихи, - отозвалась она и благожелательно посмотрела на меня.

- Когда Федор Иванович прочитал их Льву Николаевичу Толстому, тот разрыдался, - сообщил я ей и добавил. - Вот как вы сейчас.

Она вытерла глаза краем рукава, что дало мне повод прочитать ей еще и стихи Бунина:

*Плачущий ночью к слезам побуждает другого:
Звезды слезами текут с небосклона ночного,
Плачет Господь, рукава прижимая к очам.*

Она слабо улынулась в ответ, и я, приободрясь, сказал ей:

- Вам бы мои проблемы! А мне ваши.

- От ваших проблем вы на цветочки любуетесь, птичек слушаете, - отозвалась она усталым голосом. - А от моих только утопиться.

- А вот это очень умно, - одобрил я. - Утопиться в теплой водичке - что может быть приятнее! Вот в Волге я бы вам не посоветовал: сентябрь... вода уже холодна. А тут, как в собственной ванне, очень удобно. От такой смерти только приятные ощущения, и ничего больше.

Не принимая моей шуточки, она встала с намерением уйти. Мне же почему-то не хотелось, чтоб она ушла, потому поспешил сказать:

- А я вот сюда прихожу, словно на Божий мир в первый раз посмотреть. Радуюсь, да. Вот этим лягушечкам, птичкам... Видите ли, я после второго инфаркта изрядно поглупел, вернулся в детство. Утром встану - так рад, что еще жив!

- У вас было два инфаркта? - переспросила она и как бы встревожилась или озаботилась.

Насчет этих самых инфарктов я как-то очень вдохновенно и очень искренне солгал. Честно признаться, я даже не знаю, что это такое. Что-то с сердцем, но что именно, Бог ведает. А солгал-то так убедительно, что женщина поверила мне. В оправдание себе скажу: я ведь не корысти своей ради, а чтоб ее утешить.

- Два! - подтвердил я. - От второго едва откачали. Долго в реанимации лежал, потом еще дольше в стационаре. Еле-еле оклемался. Теперь каждый день для меня - подарок.

А вот интересно, сколько времени лежат в больнице с инфарктами? Неужто в самом деле по несколько месяцев?

- Бедный, - сказала она сочувственно и села.

Это вдохновило меня на дальнейшее. Единожды солгавши, трудно потом остановиться. Словно прореха образовалась, и вот посыпалось.

- Я сюда еле-еле добредаю... Иду тихонечко, чтоб не оступиться: боюсь, сердце оторвется. Знаю, что не оторвется, но ведь так больно, когда оступишься на дороге!

Дальше я говорил еще жалостливее. И уже как бы не сочинял, а словно бы излагал сущую правду. Мне даже стало жалко себя, такого больного, несчастного, одинокого, прямо-таки невыносимо жалко, до слез.

- Вы только представьте себе, - говорил я, - каждую минуту ты можешь умереть. Каково? И ничего больше не увидишь: ни этого неба, ни этого леса, ни этой травки...

И заключил я словами, произнесенными с дрожью в голосе, со слезой:

- Это мне плакать надо, а не вам. Вы молоды, красивы, ни болезней у вас, ни сознания своей близкой смерти. Из-за чего плачете? Небось, какая-то блажь вступила в голову, вот и пополняете эту реку слезами...

- Ну, по сравнению с вашими инфарктами... - тихо сказала женщина.

Мне показалось, что она уже повеселела, а потому понравилась мне еще больше.

- А почему это ваша жена отпускает вас одного? - спросила она со строгостью в голосе. - Вдруг с вами что-то случится, а рядом никого!

- Жена, - проворчал я. - Она уехала в Кисловодск... с офицером.

- С каким офицером? - озадачилась моя собеседница.

- С обыкновенным. С любовником своим.

- Как это? - совсем растерялась она.

До чего же я люблю простодушных людей! С ними так хорошо!

- А вот уехала, и все. Зачем я ей нужен? Что за удовольствие - стеречь больного мужа? Брат сестру любит богатую, а жена мужа - здорового.

Я пригорюнился еще более. И было отчего! Как только представил свою жену в объятиях молодого, красивого, статного офицера... Положение мое при двух инфарктах и при наличии изменщицы-жены показалось мне таким отчаянным, что я был просто убит... то есть настолько опечалился и упал духом, что даже заплакал. Ну, не так, чтобы с рыданиями, но... Да что! Заплакал по-настоящему.

- Вот шалава-то! - возмутилась моя красавица. - Бросила больного мужа... укатила на юг с любовником... Как же вы такое допустили, что она его завела?

- Я же в больнице лежал, - продолжал свою трагическую исповедь. - Где ж тут уследишь! Я его видел: высокий, статный, румяный, ремни портупейные на нем скрипят... Как устоять вашей сестре? Я из больницы вернулся еще чуть жив, она поздно домой вернулась: «У подруги сидела...». И на другой день так, и на третий... Мне ли бегать да проверять, если я десяток шагов ступлю и задыхаюсь!

- Надо же, какие бывают... бесстыдницы! - поразилась моя собеседница. - Ну, это ей даром не пройдет. Бог ее накажет.

Тут я спохватился: жалко стало свою невинную жену.

- Однако вы не очень-то... Божью-то кару на нее не надо накликать, тем более что ваше дело стороннее. Все-таки она мне жена.

- Хороша, нечего сказать, если удрала от больного мужа в Кисловодск да еще с любовником! Это не жена, а...

Я ее остановил взмахом руки, чтоб не наговорила лишнего.

- Ничего-ничего! Вот увидите, она ко мне вернется, - я вытер слезы тоже рукавом. - Что Бог соединил, того не нам разъединять.

- И вы простите? - удивилась она. - Разве можно такое прощать?

- Не могу без нее жить, - признался я и опять заплакал. - Прощу все, лишь бы она ко мне вернулась... из Кисловодска.

- О Господи! - вымолвила женщина и встала в сильном волнении.

- А я еще горюю... Да мой-то ангел по сравнению... может быть, не ахти что и натворил.

Она поведала мне, что муж ее иногда ночевал на даче возле теплого залива, и вот соседи-благожелатели сказали, что будто бы к нему приходила какая-то подружка... А зачем? Не чаи же распивать!

- Ну, то ли приходила, то ли нет, - заметил я уныло. - Это вилами на воде писано, - и добавил. - Вам бы мои проблемы! А мне ваши.

Мы с нею пошли в сторону дачного поселения: она по тому берегу, я по этому. И продолжали доверительный разговор. Я был очень красноречив и говорил так:

- Бог создал для нас этот дивный мир: звездное небо и землю с ее лесами и водами, всяческую живность, поющую, летающую, воспевающую нас... Я думаю, Создатель досадует, глядя на нас сверху и видя, что мы огорчаемся из-за сущих пустяков... Надо воспринимать жизнь, как подарок судьбы... тогда, уверяю вас, река слез не будет такой полноводной.

Говоря все это самым бодрым тоном, я довольно резво прыгал через канавы, да с пригорка на пригорок, позабыв про свои «инфаркты» и «семейные несчастья». Женщина смеялась, глядя на меня, и я был доволен. Мы с нею весело попрощались у теплого залива, в который впадала теплая река. Надеюсь, она была не из слез.

Впрочем, на обратном пути я услышал плач... Безутешно плакала маленькая девочка - внучка рыбака-удильщика. Она стояла рядом с дедом у самой воды, и слезы градом катились по ее славному личику.

- Рыбок жалеет, - вздохнув, пояснил он мне.

Я остановился, не зная, что бы такое сказать, чтоб ее утешить.

2000 г.

ВРЕМЯ НОЛЬ

Повесть

Каждый день приползали тараканы величиной с винтовочный патрон, поседевшие, уже неспособные к жизни. У них были прочные, словно металлические панцири, проволочные усы, пилообразные челюсти, а само тело в обручах, сходящихся и расходящихся гармошкой, но слабое, как у тех личинок, что обитают под толстой корой мертвых деревьев. Тараканы эти добирались поодиночке, еле-еле шевеля лапками, будто сонные или опьяневшие, переворачивались на спину и умирали от изнеможения. Может быть, это были и не тараканы вовсе, но Чирков звал их так.

Он находил их поутру перед дверью своего логова или на бетонных дорожках к объектам. Они явно стремились к нему, будто чуяли обитаемость жилья, тепловое излучение человеческого тела - но что им нужно было от Чиркова? То ли они жаждали совместного мирного сосуществования, то ли, наоборот, хотели погубить?

При виде их его передёргивало от омерзения и необъяснимого ужаса: они были слишком велики, слишком жирны и потому казались уродливыми, но не от этого обнимал его страх, а от сознания, что ими руководит непостижимое стремление, какая-то жестокая сила, цели которой ему неведомы.

Чиркову снилось по ночам: вот идут они колоннами, как воины в латах, на приступ к его логову, перекусывают колючую проволоку заграждения, перегрызают металлические сетки, буравят бетонные перекрытия строений и броню боевых машин, ржавеющих в гаражах, и непременно добираются до того подземелья, где в деревянных ящиках хранятся покрытые солидолом банки с мясными консервами. Так и ви-

делось: тараканы непостижимым образом пропиливают жёсть и начисто выедают содержимое банок.

Сон этот был отчётлив и убедителен, как сама реальность: вот эти твари копошатся, бегают - жирные, вымазанные солидолом и свиным салом, - и в конечном счёте подступают к нему, обессиленному голодом, побеждённому человеку. Они перегрызают его сразу в нескольких местах, отделяя руки, ноги, голову... дырявят череп, выедают глаза, проникают в кости...

Глупый сон, дурацкий сон, но Чирков просыпался в холодном поту и выходил из логова вон, чтоб успокоиться. Он вдыхал ночной воздух, в котором не было свежести, а был душноватый запах тления. Чиркову хотелось увидеть звёзды, но он не видел их уже давно, все эти три года. Но небо было низким, и казалось, по нему тоже ползли тараканы, как по потолку, и падали оттуда с сухим стуком металла о камни. Впрочем, иногда ему мерещились на тёмном фоне слабенькие мерцающие точки, но стоило закрыть глаза - мерцание не пропадало: значит, это не звёзды. Когда Чирков шёл в темноте по дорожке, тараканы лопались у него под подошвами сапог, и он вздрагивал от этих звуков, как от выстрелов.

«Дьявольщина!» - хрипло бормотал Чирков. Его охватывала ярость, от которой случалось помутнение рассудка; он выволакивал наружу гранатомет и палил наугад - в небо, в лес, в пустующее здание бывшей казармы: может быть, от этого грохота разбежится нечисть?

Наступала тишина, в которой явственно слышалось в траве ли, на камнях ли замедленное шуршание, поскребывание тараканьих лапок.

Родом эти твари были явно из той деревни, до которой отсюда километров пять. Где-то там их исходная позиция; они появлялись на свет непонятным способом, словно дьявольский станок-автомат штамповал их, как штампуют шайбы или гвозди. А может быть, какое-то животно-рящее существо неустанно производило их на свет, и они расползлись во все стороны?

При северном ветре от той деревни наносило трупный запах, преследовавший Чиркова уже третий год. Скелеты животных и людей в полуистлевшей одежде валялись там, храня в расположении костей последние судороги. В смертную минуту люди были словно бы гонимы злой силой или безумием - ни один не остался в своем жилище! - все

лежали теперь на луговинах и на дорогах, как эти тараканы. У каждого оголенные до костей кисти рук держались за собственные шейные позвонки - последние сдавленные крики и хрипы словно бы звучали над этой деревней. Легко можно было представить себе, что творилось в час конца, вернее в те краткие минуты, когда живых людей одолевала смерть, когда наступило Время Ноль.

«Тараканы оттуда», - уверял себя Чирков, чувствуя какую-то связь между гибелью людей и множественным появлением на свет отвратительных членистоногих тварей.

Но вот как они добирались к нему, если для них трава - непроходимые джунгли, если на пути ручей и буреломный лес? Не иначе, как по той дороге, высланной бетонными плитами, теперь уже заросшей жесткой травой и малинником на стыках этих плит. Пять километров... Во имя какой цели? Чтоб доползти и умереть? В их смерти Чиркову чудилась ужасная загадка.

Та простая мысль, что они могли прилетать, как летают жуки, не приходила ему в голову.

Он перекопал дорогу в нескольких местах глубокими рвами, но и это не помогло: тараканы появлялись друг за другом неостановимо. Может быть, они все-таки не из деревни? Тогда откуда? Не вывелись ли химическим путем в одной из шахт, что сооружены были тайно в окрестных лесах еще лет пятнадцать тому назад? Возможно, те ракеты, что затаились в этих шахтах, теперь стали разлагаться, как трупы, производя на свет насекомых с металлическими панцирями.

«Нет, - успокаивал себя Чирков, - этого не может быть. Железо не способно воспроизводиться как живое».

Но тут же его посещала противоборствующая мысль:

«А почему бы и нет? Если живая природа произошла от неживой, то...»

И опять ему снился проклятый сон: шелест жестяных крыльев, шуршанье тысяч лапок, скрежет по металлу и бетону, царапанье по живой кости, сверлящий звук под куполом собственного черепа.

С другой стороны от его логова - лес на много километров и за ним железная дорога. Теперь она тоже заросла, рельсы густо заржавели. Там Чирков однажды видел живого человека: это было через месяц или два

после того, что он обозначил для себя как Время Ноль. Седая толстая женщина сидела на шпалах и куском уголкового железа отрубала себе на рельсе по суставчику пальцы левой руки. Ударит по пальцу, отпилит кожную перемычку и смотрит, смотрит, улыбаясь, как течет кровь. А когда струйка крови иссякала, она отрубала еще один сустав, потом следующий. Лицо ее было одутловатым, лунообразным - лицо идиотки, питающейся трупами.

Тогда Чирков был уверен, что люди, то есть нормальные, разумные люди, где-то еще живут, просто ему не повезло их встретить.

Мысль о том, что эта баба такой же человек, как и он, оскорбляла. Его еще не измучило одиночество, он чувствовал в себе силу, и потому считал, что обязан выполнить очистительную миссию, необходимую работу по отбору лучших, и это будет справедливый, естественный отбор.

Он считал, что люди с помутненным разумом жить не должны, вот и все, потому приговор вынес скорый: разнес ей голову короткой автоматной очередью, шагов с десяти. Он сделал это не только по трезвому расчету, но и из животного страха: как бы эта уродина не появилась там, где он живет, - будет вот так отрубать-отпиливать себе руку перед его окнами. Само присутствие её на этом свете не сродни ли омерзительному тараканьему нашествию? Она заслужила смерть, и всё тут.

Подойдя ближе, Чирков сделал два одиночных выстрела, полуотвернувшись, боковым зрением ловя, как вздрагивает от пуль лежащее бесформенное тело. И только потом сообразил, что это вовсе не старуха, а женщина лет тридцати или даже менее того, и испытал некоторую досаду.

Зарывать убитую он не стал - это далеко от его логова, следовательно, смрад не достигнет. Небось, некому было потом даже выклевать глаза у трупа: за все эти годы не пролетело над головой Чиркова ни одной вороны, и ни единой малой птахи не выпорхнуло из кустов; скелеты птиц, маленькие и большие, он находил в лесу тут и там: в тот роковой час, вернее, за те роковые минуты (Время Ноль!) погибло всё, что дышит.

Уцелели только насекомые, да и те почему-то теперь обретали нелепый и пугающий облик. Уж встречались лесные муравьи с палец

величиной, с перепончатыми крыльями, как у стрекоз; жужелицы и наземные жуки становились похожими на дыбку степную, каких Чирков видел на Среднем Дону, когда гостил у двоюродного брата; в лесу из-под корневищ деревьев выползали полосатые многоножки с кольчатыми туловищами и с усами длинными, как вожжи, вытянутыми вдоль тела. В ручье завелись мокрицы, плоские, словно камбалы, и большие - с подошву сапога.

В окрестностях пролегалo несколько дорог, каких не обозначали на обычных картах и туристических схемах. Это были секретные дороги, ставшие теперь ещё более потаёнными, поскольку они уже исчезали, местами покрывались странной жутковатой растительностью: из земли вылезал мощный кулак, взламывая бетон или приподнимая плиту, тянулся вверх и разжимался наконец, выгоняя в разные стороны два-три ростка; на стволе появлялись почки-кулачки, из них распушались перепончатые листья-лопухи, а главная вершина увенчивалась цветком-зонтиком размером в бельевой таз. В этих растениях проявлялась та же пугающая сила, которая была в насекомых.

И там, где жил Чирков, на обширном участке земли, обнесённом колючей проволокой, вдруг стали пробиваться на свет эти лопушистые растения, бледные при рождении, набравшие потом зелень темневшую до черноты. Вид их нёс в себе необъяснимую угрозу и тупую агрессию. Один из таких уродов вылезал из-под фундамента продуктового склада - не от него ли кирпичная стена дала трещину? Чирков срубил его топором, но толстая культя продолжала свой рост. Казалось, где-то в глубине земной живёт чудовище, вроде морского спрута, и щупальца его выходят на свет...

Гаражи, склады, жилые помещения были построены тут лет десять назад для того, чтобы из шахт, ныне заполненных водой, взошли в небо ракеты; их было четыре, но взошла только одна, и исчезла в небе, а вскоре наступило роковое быстротечное Время Ноль, когда люди умирали, разрывая себе горло от удушья. Может быть, это случилось на всей Земле, во всяком случае ныне у Чиркова не было никаких оснований думать, что где-то жизнь идет по-прежнему: несколько дней после «нулевого времени» радио панически балаболито на разных языках, но постепенно эфир замолчал, омертвел. Лишь иногда в мертвой пустоте

его слабо, жалобно попискивала морзянка - как сигнал умирающих в далекой пустыне или удаляющихся в бескрайний космос.

Время Ноль застало Чиркова в глухом лесу; он стоял, замерев, и чутко слушал. Это место облюбовали зайцы для игры и забот. По следам было видно, что заходили сюда и лоси, и кабаны, но все-таки это было заячье место: березы старые на холмашках, мшистые и травянистые полянки величиной с жилую комнату, просека с линией электропередачи... Тут ему всегда сопутствовал охотничий успех, но на этот раз вместо выстрела в утренней тишине полыхнуло небо, ударил дальний гром, от которого вздрогнули лес и земля до глубины, а несколько минут спустя охотник уже катался по мокрому мху, царапая себе шею от удущья.

Он потерял сознание, и потом не мог определить, сколько пролежал в забытьи - час? день и ночь? или несколько суток?

К нему трудно возвращалась жизнь. Он оживал медленно, а очнувшись, долго не мог осознать, где находится, почему лежит посреди леса, облепленный комарами, и кто он такой, что с ним произошло. Все прожитое раньше было отсечено. Несколько дней миновало, а он не мог вспомнить родных, сослуживцев, самого себя. Даже имя свое забыл, помнил только фамилию - Чирков. Своя это или чужая? Просто где-то в памяти все время маячило, будто вывеска на магазине - «Чирков». Память осталась как бы замороженной и оттаивала очень медленно.

После долгих блужданий по окрестностям, где в деревнях и на дорогах он натыкался на мертвый скот и на мертвых людей, совершенно случайно вышел к военному городку и удивился ему, озадачился. Смутное воспоминание проблеснуло, подобно загадочной зарнице: он тут бывал раньше...

Этот городок состоял всего из нескольких пятиэтажных домов да низких гаражей, ну и ажурные антенны, радар... все остальное скрыто под землей. Теперь тут тоже все замерло - и люди, и механизмы.

Чирков уже уразумел, что произошла какая-то катастрофа и, может быть, спасся лишь он один. Поначалу это сознание «Мне повезло: я уцелел!» наполнило его радостью и торжеством. Но потом радость посте-

пенно угасла, ее оттеснило чувство недоумения и страха: «Я один...». Омертвляющая пустота постепенно вселялась в его душу: насколько он один? как далеко окрест он один? Ответа не было.

Трупы солдат ему пришлось поспешно захоронить, чтоб они не отравляли ближний воздух. В двух жилых домах, вернее, возле них лежали мертвые женщины и дети; он захоронил их всех вместе в траншее, вырытой ранее от новой котельной к жилому дому - просто завалил землей.

От военных остались ему автоматы, пистолеты, карабины, гранатометы и ящики с гранатами, бронетранспортеры, несколько грузовиков с крытым верхом, два вездехода, четыре легковые автомашины; а помимо того, много прочего, совершенно ненужного теперь добра.

Чирков устроил себе жилье в земляном холме, скрывавшем помещение с радиоаппаратурой. Тут еще несколько недель мигали разноцветные лампочки, и он мог слушать замирающий эфир.

К этому времени он уже ясно вспомнил некоторые картины своего детства, но между ними не было связи; вспомнил мать, отца, брата Володю, черного пуделя Тимошку. Он знал, что здесь, среди погибших, их нет, но где они теперь и что с ними - об этом думалось тупо и недоуменно, без боли.

Чирков отгородил для себя закуток, натаскал из казармы тюфяков, собрал в квартирах все съестное, из небольшого магазинчика приволок ящики со спиртным и... стал жить.

В то ужасное лето, когда все случилось, на полях вокруг ближней мертвой деревни поспел урожай. И вот срывал колоски ржи и пшеницы, «доил» овес и гречиху, набивал целый мешок и нес к себе; сушил возле печи, молотил, провеивал...

На некоторых полях его преследовал странный железистый вкус во рту; словно ржавчина проступала на языке. Он догадывался, что это означает, и спешил уйти с этих полей. Но хлеба были обильны, и он понимал, что зерно ему необходимо, потому работал тупо и упорно.

День ото дня холодало; все время лил дождь, пришлось сложить печку. Под дождем ходил в лес за сухостоем, благо это рядом; пилил и колол, так что целыми днями в его логовище ярко полыхал огонь и трещали дрова. Другого света не было. В это первое время он не унывал

- опоражниввал бутылку за бутылкой, часто смеялся.

Так было, пока не выпил все. Тогда он поискал в квартирах, нашел и там несколько бутылок, но и их хватило ненадолго. Вот теперь стало тоскливо.

Он ждал, что холода и дожди вот-вот прекратятся, ждал, пока не понял, что они надолго... может быть, навсегда.

Солнце проглядывало редкое и было мутное; ветер гнал облака - они летели стремительно. Чирков радовался, что запасы зерна пополняются; временами ему казалось, что он живет на острове, куда его выбросило после страшного кораблекрушения. Чудилось, что вот-вот появятся дикари-людоеды и устроят пляску вокруг костра с жареной человечинной.

Но вместо людоедов однажды среди бела дня на территории военного городка прибежал откуда-то безумный мальчик лет десяти, в зимней шапке (по летнему-то времени!) Он закричал Чиркову:

- Здорово!

И через минуту в том же тоне, хрипло, обыденно:

- Как живешь?

И побежал прочь.

Чирков кинулся следом:

- погоди! Слышь, погоди!

Хотелось остановить, расспросить, просто посмотреть на него - ведь уж сколько времени не видел живого человека! - но, увы, не догнал. Было жалко до слез, что этот мальчик не остановился. Конечно, он безумен, но если приласкать, авось оклемался бы...

Потом, много дней спустя, Чирков нашел этого мальчика уже мертвым у самодельного шалаша в лесу: тот лежал на спине с восковым лицом, с удивленно открытыми глазами, словно увидел что-то в небе, поразился этому и умер от страха ли, от изумления ли.

Зима была страшной. Темнотой, безмолвием, одиночеством, лютой стужей. Но больше всего пугала тишина. По ночам слышно было, как гулко лопаются от мороза стволы деревьев.

Спасало то, что временами Чирков впадал в забытие. Он как бы от-

ключался на какое-то время, измеряемое не минутами и не часами - сутками. Очнувшись, видел себя лежащим под ворохом одеял и тюфяков, в заиндевевшем помещении. Тут он вставал, окоченелыми руками растапливал давно погасшую печку, соскребал с окошка густую бахрому инея: что там - день? ночь?

Когда огонь разгорался, и печка накалялась, с окон и дверей натекали лужи. Он выволакивал из темноты пахнущий солидолом ящик, доставал банку с мясными консервами, разрубал её топором, вытряхивал мерзлое содержимое. Ел вяло и с отвращением; про зерно забывал, а вспомнив, дробил его обухом топора на темени какого-то прибора величиной с холодильник, варил кашу или пёк лепешки.

Всегда была нужда в дровах, они таяли, как снег. Собравшись с силами, шел за сухостоем в лес и возвращался с обмороженным носом или щекой.

Во время одного из таких походов, когда наступила первая оттепель, он увидел вдруг собаку. Это была именно собака, а не волк, но Чирков обрадовался бы даже и волку - всё-таки живое существо и отнюдь не насекомое. Собака эта лакала воду из не замерзшего родника в овраге, где лёд намерз огромными наледями. Она оглянулась на хруст человеческих шагов. Конечно, если бы не довольно громкое журчание воды по камням да наледям и не шелест ветра в кустах, она услышала бы Чиркова гораздо раньше, когда он был далеко. Врождённый страх перед человеком боролся в ней с природным инстинктом хищника, и последнее оказалось сильнее.

Чирков подходил, а пёс лишь оседал на зад, но не отступал в страхе; он даже зарычал угрожающе и оскалил острые клыки.

- Тузик! Тузик! - радостно звал Чирков и похлопал себя по ляжке.
- Рекс! Рекс!

Нет, это была уже не домашняя собака, а одичалый пёс. Шерсть на его загривке поднялась дыбом, всё тело, худое, с поджарым животом, напряглось.

И тут с крутого берега оврага на Чиркова ринулась целая стая, не меньше полутора десятков собак. Он даже не сразу осознал, как это и что это, и секунду лишнюю промедлил, оторопев. Собачьи зубы тотчас впились ему в ногу выше колена. Чирков вскрикнул, но и другую ногу

полоснула острая боль; ещё одна собака кинулась ему на грудь, зубы её сомкнулись у его горла с резким клацнувшим звуком.

Чирков отпрянул спиной к крутому обрыву, отмахивался топором; собаки отскакивали и кидались на него снова. Одна из них, окровавленная, кружилась юлой, а другая, отчаянно визжа, поползла в сторону, оставляя кровавый след.

Сильный толчок откуда-то сверху сбил Чиркова с ног - это здоровенный волкодав атаковал его с обрыва. Теперь закружились все в одном клубке - стая хищных собак и он, человек, ставший их дичью. Чирков вставал и падал во всеобщем рычании и лае; на нём висли сразу несколько псов, рвали одежду. Хорошо, что он был тепло одет!

Он уже выронил топор и отбивался ножом, выхваченным из-за голенища. Непонятно как оказался на полуповаленном стволе сосны - откуда взялось такое проворство! Собаки подпрыгивали под ним, пытались достать, пробирались к нему по стволу меж торчавшими с разные стороны ветками, он изворачивался, ударами ног сбивал их вниз.

Здесь, на дереве, Чирков уже пришёл в себя и только теперь вспомнил про пистолет, положенный во внутренний карман бушлата. Никогда ведь не выходил из дома без него, и вот теперь, хладнокровно прицеливаясь, выстрелил... и ещё, и снова... Последнюю собаку пули настигли довольно далеко, за ручьём.

Наступила тишина. Впрочем, один из псов ещё поскуливал, слепо тыкаясь головой в куст.

Чирков спрыгнул с дерева, некоторое время стоял, обводя безумным взглядом окружающий его лес, крутые берега оврага, теряющееся в снегу русло ручья. Прихрамывая, обошёл собачьи трупы; шевелящихся добивал ударами окровавленного ножа.

Вот только после этого он оглядел себя. Кровь из разорванной мышцы правой ноги натекла на сапог. Липко было и пальцам в левом сапоге. Бушлат изорван в клочья, вата и шерсть овчины торчали тут и там.

Всё ещё насторожённо прислушиваясь, Чирков разулся, закатал штанины насколько смог и осмотрел свои раны. Одна была глубока, кровотечение не останавливалось, и он сделал тугую повязку, перекрутив ногу брючным ремнём. Прочие следы собачьих зубов промыл,

брезгливо морщась, и умылся сам. Вода в ручье утекала от него розовая от крови. Оделся, отыскал брошенный топор и, хромая, побрёл к своему логову, всё ещё чутко слушая лес и держа наготове топор в одной руке, а пистолет в другой.

Придя в своё логово, он лёг на постель и словно в пропасть сорвался. Это был не сон, это был приступ беспамятства, отторжение от реальной жизни, почти смерть. А когда стал пробуждаться - воскресать! - раны уже затянулись коростой, и короста эта местами отваливалась. Он был худ, страшен и охвачен тоскливым томлением. Даже голода не чувствовал.

Пробуждение от многодневного забытья происходило вяло. Он осознал, что лежит в обгаженной постели, но не было сил подняться. Превозмогая себя, все-таки встал, помылся в холодной душевой, выбросил постель на улицу, постелил другой тюфяк - у него их было много - поел сначала нехотя, потом все более жадно (тушеное мясо из банки в солидоле) и опять уснул. Но спал теперь недолго, и дальше жизнь его текла вяло, полусонно...

А вот по весне он встрепенулся, сонливость уже не преследовала его, и все чаще вспоминал о том, что у него есть семья – жена Влада и двое детей, две девочки. Но где они живут, далеко или близко - этого в памяти не было. И что теперь с ними, живы ли они, разум не мог подсказать.

Весной небо ясным не становилось, и хоть потеплело, солнце можно было различить только сквозь пелену облаков.

После нападения стаи одичавших собак, Чирков, выходя из дома, всегда брал с собой автомат, даже если шел просто за дровами. Мало того, в карман бушлата клал пистолет и еще вешал на пояс пару гранат. Зачем ему нужны эти гранаты, он не мог бы объяснить. Так, на всякий случай.

Однажды нашел им применение: в половодье бросил одну в омут - показалось, что там плещется рыба. После взрыва на поверхность воды всплыли странные рыбообразные существа - это были, конечно, окуни и плотицы, но изуродованные чьей-то злой волей и в таком изуродованном облике оставленные жить. Все у них было, как у рыб, изображенных на неумелом детском рисунке, - грудные плавники один больше

другого в несколько раз, хвост на жирном отростке, на спине розовая впадина, словно спинной плавник вырвали с корнем, и рана кое-как затянулась. Брюхо у этих существ походило на тараканье, в нём просвечивали насквозь кишки, и видно было, как внутри бьется махонькое сердечко.

Чиркова потянуло к работе на земле. В погребках мёртвой деревни ему удалось найти немного картошки; и он сажал её сразу в нескольких местах на полянах, но возделывать поле под зерновые было ему не под силу, и угроза бесхлебья придвинулась к нему вплотную.

В начале лета на полях вокруг мёртвой деревни опять поднялись злаки, но лишь кустиками. По мере роста их заглушали ольха и маличник, крапива и лопухи, колючий осот и овсюг, да еще тут и там поднимались эти проклятые зонтичные - они высасывали почву, забирали скудный солнечный свет настолько, что рядом с ними не вырастало ни былинки, под ними было сумрачно и голо.

Теперь, когда запасы зерна у Чиркова иссякли, его стали преследовать уныние и страх: вдруг кто-то украдет или уничтожит те деревянные ящики, в которых покрытые солидолом банки... Страх, не основанный ни на чем, просто сам по себе: вдруг они исчезнут!?

Подвал с этими ящиками был глубокий, его стены и пол забетонированы, двери сварены из листового и уголкового железа; на дверях Чирков навесил целую гроздь замков. Мало того: дверь он завалил, замаскировал, а в свое логово перетащил десяток ящиков - ближний запас. Нет, никто не мог проникнуть в склад. И все-таки, все-таки...

Несмотря на то, что вокруг было мертво - ни птичьего щебета, ни звериного крика - Чирков всегда был настороже. Он сохранил в себе это постоянное ожидание чего-то - даже искусственно подогревал настороженность: будь начеку, вот-вот должен кто-то появиться - один или несколько. Пусть даже люди, которые появятся, будут его врагами. Пусть они замышляют против него худое, но хорошо, если б они были!.. Должны быть! А вот если их нет - совсем беда.

Вокруг военного городка он устроил тайники с оружием: это на тот случай, если вернется из похода, а логово его уже занято кем-то.

Так чтоб отбить свое, понадобится и пулемет, и гранатомет, и ручные гранаты. Завернутое в промасленные куски брезента, это хранилось в укромных местах, в лесу.

Железной дверью закрывалось его логово, а дверь всегда была плотно закрыта и заперта на засов, если хозяин внутри, или на большой висячий замок, если уходил куда-то. Ложась спать, Чирков клал рядом с собой автомат и два пистолета. Был еще под рукой ящик с гранатами. На всякий случай.

Но месяц шел за месяцем, лето сменило весну, а осень лето, и прошла еще одна страшная зима. Все предосторожности оказались излишними: никто не появился в обозримом пространстве Чиркова - ни с худой, ни с доброй целью. Если не считать тараканов.

В очередном своем походе он дошагал до неведомой ему доселе деревни и тут вздрогнул радостно и испуганно: на краю её очень уж правильно, в ряд расположились могилы, все одинаковые, без венков, но с православными крестами. Кресты деревянные, одинакового размера, и сделаны, судя по всему, в одно время. Значит, и захоронение совершено одновременно. Была даже пустая могила с другими в ряд, ожидавшая кого-то: стены ее были обшиты досками, чтоб земля не осыпалась.

Чирков понял, что кто-то хоронил тут людей уже после того, как они погибли подобно прочим жителям прочих деревень. А это означало, что после Времени Ноль кто-то остался в живых, следовательно, кого-то можно встретить даже сейчас. Он взволновался до того, что перехватило дыхание. Стал осматриваться, прислушиваться... но было тихо, безмолвно. Осторожно пошел по улице - дома были заперты на висячие замки и без замка оказался только один дом.

Чирков постучал - никто ему не ответил. Вошел - то, что он тут увидел, поразило его.

Посреди избы, прямо в гробу, на одеяле ватном лежал седой старик. Уже мертвый. Всё говорило о том, что старик этот с белой бородой сам улегся в гроб, а умер совсем недавно. Тело его еще не было тронуту тлением - значит, смерть наступила дня два или три назад; самое большое - за неделю до прихода Чиркова.

Осознав это, он чуть не заплакал от горя, словно старик был ему родным. Чирков сам удивился своему горю, но совладать с чувством не

мог, смахнул слезу. Будто разминулся с дорогим человечком, и теперь уж им не встретиться никогда. Горько было от мысли, что в эти три года он, Чирков, мог быть не один - рядом жил бы еще один человек. Если б с ним поделиться банками в солидоле - жил бы и сейчас. Разговаривали бы...

Старик лежал, как и подобает покойнику, одетый в смертную белую рубаху, в опрятные синие брюки и в новенькие валенки. У изголовья его гроба стояли иконы: Нерукотворный Спас, Сретение, Николай Чудотворец.

Возле икон расставлены были два блюдечка, и в каждом застывшие лужинки воска - все, что осталось от сгоревших свечей. Еще много икон висело по стенам, и показалось Чиркову, будто большая лампада только что погасла от того колыхания воздуха, которое произвел он, вошедший.

В избе этой оказалось много книг с печатями сельской библиотеки. Но старик, по-видимому, перед смертью читал только Библию - она лежала рядом с ним и очки на ней, а рядом - маленький молитвенник.

Умерший был сед совершенно и худ. Восковая бледность не портила его лица, а придала ему выражение благородства. Наверное, он умер от голода, потому что ничего из съестного не было в этом доме - ни корки хлебной, ни чашки крупы.

На закладке Библии Чирков прочитал:

«Завещание. Я, Просекин Николай Сергеич, 84 года, похоронил свою семью, всех соседей, всю деревню. Нашедших меня прошу предать земле по-христиански. Крышка гроба возле сарая. Могила вырыта. Храни вас Господь, люди добрые. Аминь».

Чирков постоял в этой избе. Зачем-то перекрестился неумело на иконы. Вышел и долго сидел на крыльце. Потом обложил избу хворостом да соломой и поджег. Когда изба уже занялась вся, он, будто вспомнив, вбежал внутрь - там было дымно, огонь гудел на чердаке - подхватил лежавшую возле покойника Библию и выскочил вон.

В сенях ему показалось, что сзади кто-то сухо кашлянул, но вернуться Чирков уже не мог. Да и зачем! Мало ли что может померещиться!

Уже весь багровый от пожара, стоя перед ним, открыл книгу на-

угад и стал читать вслух:

- «Сказал я в сердце своём о сынах человеческих, чтоб испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе животные; потому участь сынов человеческих и участь животных - участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё – суета! Всё идёт в одно место: всё произошло из праха и всё возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх и дух животных восходит ли вниз, в землю?..»

Чирков перелистнул, окинул взглядом пожар и продолжал читать уже молча:

«И обратился я, и увидел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым - победа, не мудрым - хлеб, и не у разумных - богатство, и не искусным - благорасположение, но время и случай для всех их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы падают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие удаляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них».

Чирков подумал, пожал плечами, ещё подумал, ещё раз пожал плечами и, размахнувшись, бросил книгу в огонь.

Оглянулся - возле сарая стояла прислоненной к стене крышка гроба. Она была выстругана, судя по всему, не вчера и не месяц назад, а гораздо раньше: доски уже утратили свежесть. Он зачем-то отнёс эту крышку к горящей избе и тоже бросил в огонь. Причём и сам себе не смог бы объяснить, зачем это сделал. Бросил, и всё тут. И ушёл, не оглядываясь.

Когда-то, ещё на первом году жизни в одиночестве после Времени Ноль, стал он отмечать крестиками на календаре прожитые дни, как Робинзон Крузо зарубками на столбе. Но поскольку иногда впадал в забытьё, от которого отходил медленно, то не мог потом определить, сколько суток проспал, и счёт дням потерял. Воспрянув от глубокого сна, он видел себя сильно похудевшим, с отросшими ногтями - значит, прошла неделя или более.

После огненных похорон того старика Чирков уснул, едва вернувшись домой. Долго ли, коротко ли он спал, трудно сказать, но проснулся ночью от обвального шума, писка, шороха, треска... Несколько секунд лежал, не соображая, что к чему; рука привычно нащупала цевьё автомата.

Шорох и шум обтекал его логово, как река обтекает остров. Что это? Наводнение с ледоходом? Нет, в шорохе слышался многоголосый писк живых существ...

Чирков осторожно встал, по-кошачьи мягко шагнул к окну-иллюминатору и отпрянул: под мутным светом с небес через поляну, пересечённую дорожками из бетонных плит текла серая масса... это была неисчислимая крысиная рать. А отпрянул Чирков потому, что в окошко-иллюминатор заглядывало их сразу несколько, тыкаясь отвратительными мокрыми мордочками как раз к его лицу. Их черные круглые глазки, острые зубы - всё источало злобу и свирепость.

В отвлечении и панике он приоткрыл окошко, вставил дуло автомата в щель, как в бойницу, и нажал на спусковой крючок. Поднявшийся писк, казалось, заглушал звуки автоматной очереди. Перед его окном образовался клубок, в котором переплелись живые и мертвые. Он сменил рожок у автомата и снова поливал свинцом крысиную рать, не отрывая пальца от спускового крючка, пока палец не занемел. Патронов было много - их ли жалеть! Сменил рожок и в третий, и в четвертый раз... Нет, вражеская рать не разбегалась, а только еще больше свирепела, как те собаки. Крыс, наоборот, становилось все больше и больше, словно каждая мертвая делилась на несколько, части эти в свою очередь становились крысами. Во всеобщей суматохе живые поедали живых и мёртвых - Чирков это ясно видел.

Он захлопнул окошко, устало откинулся к стене, прислонился к ней спиной, зажал ладонями уши, чтобы не слышать отвратительный, характерный писк неостановимо жрущих хищников. Он представил себе, какую мясорубку устроил перед своим логовом - всю эту кишашую гадость, это кровавое месиво... Зачем он стрелял! Наверняка полчища крыс прошли бы мимо, надо просто переждать.

Крысиное нашествие продолжалось всю ночь. Казалось, ему не будет конца. Чиркова посещала паническая мысль: неужели крысы

обосновались здесь навсегда? Тогда они рано или поздно доберутся до продуктового склада и там - как знать! - учуют мясной запах и не успокоятся до тех пор, пока не уничтожат штабеля обсолидоленных банок. Значит, над жизнью его нависла смертельная опасность.

Чирков обдумывал тактику ведения войны с крысами. Надо добраться до цистерны с горючим, разлить его по всей территории, потом поджечь... Нет, не годится.

Выставить в дверной проём гранатомет и стрелять... нет, вряд ли разбегутся. Если б он умел водить бронетранспортер! Вот уж подавил бы, да как доберешься до гаража, где «броня»!

К рассвету шум и писк стали ослабевать и как бы удаляться, потом затихло все. При первых лучах солнца Чирков осторожно приоткрыл дверь, выглянул - его удивила полная тишина. Все, что росло вокруг, было вытоптано или обглодано - трава, кора деревьев, поверхностный слой почвы. Сквозная просека уходила через лес в одну и другую сторону - страшный след прошедшей крысиной рати.

Наутро после крысиного нашествия Чирков заметил вдруг: на тыльную сторону ладоней из-под рукавов напалзает волосяной покров. С недоумением закатал рукава - обе руки по локоть и выше были в шерсти. Ну, не такой, как у собак или овец, однако же ненормально это!

Он разделся донага и внимательно осмотрел себя: густым волосом были покрыты ноги, руки... по груди и животу они даже кудрявились, но особенно густы были на плечах - словно овчина легла да и приросла.

Чирков совсем упал духом. Он подумал, что дальше-то станет еще более волосат, чем ныне, а в таком виде уже не сможет жить среди людей, когда те появятся. Если появятся...

Он стал озлоблен, нервен, все время ждал очередного пагубного для себя происшествия, все время был настороже. А сознание собственной волосатости мучило его неотступно, даже во сне.

Шло уже третье лето после Времени Ноль. Небо теперь чаще проснивалось, хотя никогда не бывало чистым. Солнечный диск довольно четко проступал сквозь облачную пелену, и наконец-то тени ложились на землю, то есть заметны стали, чего давно уже не бывало.

Чирков ходил по окрестностям, примечая ростки одичавшей ржи; грибов и ягод было много, но они имели жесткий, железистый вкус. Яблони в деревнях тоже одичали, плоды их были зелеными, без румянца, и густо покрыты бородавками.

Однажды, в день довольно жаркий и душный Чирков подходил к реке в таком месте, где ранее не бывал, и, вздрогнув, замер: ему почудились человеческие голоса, младенческий и женский. Сквозь прибрежные кусты он увидел в отдалении у противоположного берега молодую женщину, стоявшую на мелководье с малышом. Она плескала на него водицей, а он хныкал и оглядывался на берег, а там сидел мужчина, тоже раздетый и курил.

- Не бойся, Антошка! - приносило ветерком голос женщины. - Не бойся...

Чирков крепко потёр лицо ладонями - нет, они не исчезли: и мать с малышом на мелководье, и отец на берегу.

Чирков смутился от этой картины: слишком она была... прежней! Знакомой. Он отступил в кусты, через минуту опять посмотрел туда, откуда голоса: женщина уже выходила из воды, держа малыша на руках, а тот смеялся, говоря что-то лепетливо.

Чирков стал пробираться по берегу через заросли, чтоб приблизиться к ним, но попал в низину, а когда выбрался наверх, на том берегу уже никого не было. Он испугался, торопливо переплыл на ту сторону, внимательно осмотрел прибрежный песок - ни одного следочка не обнаружилось на песке! И трава по откосу берега, где сидел мужчина, не была примята... и окурка не валялось.

Чирков долго стоял тут с потеряннным видом.

Вернувшись в свое логово, он два дня не выходил из него. На третий собрался - повесил на одно плечо сумку с гранатами, на другое автомат и отправился в путь. На этот раз он уж не ходил бесцельно, а пересек лес напрямик и вышел к той деревне, где долго после Времени Ноль жил благообразный старик, который чинно умер в собственном доме, которому он, Чирков, устроил огненные похороны.

Чирков миновал пепелище, потом вернулся, отыскал возле сарая железную лопату, прихватил с собой. Вышел на окраину деревни, где на дверях висели замки, остановился у череды могил, у крайней из них, что открыта была и ждала...

Он деловито вышиб доски, которыми скреплены были края могилы, и расположил их рядом чуть наклонно, после чего лопатой навалил на них земли столько, сколько уместилось. Потом спустился в могильную яму, подрыл нишу в одной её стороне.

Он все рассчитал правильно. Посидел на краю, свесив ноги, потом решительно спрыгнул вниз, потянув за собой сумку с гранатами. Гранаты положил под грудь, когда лег ничком в яму...

Взрыв прозвучал глухо, утробно; земля вздыбилась, осела. На месте открытой могилы осталась лишь неглубокая воронка. А больше не раздалось здесь ни звука.

1994 г.

ЯМУГА

Повесть

1.

Мы стояли на железнодорожной платформе станции Ямуга: я ждал электричку до Новой Корчевы, сойдя с той, что умчалась в Тверь, а он вышел вместе со мною. Ямуга должна была разделить нас, случайных попутчиков, но тут он неожиданно предложил:

- Знаете что, напишите мой портрет. Это я вам говорю, как богатый человек бедному художнику.

- А что такое богатый человек? - спросил я самолюбиво.

- Вот только не надо намекать на духовные ценности, - сказал он раздраженно. - От этого у меня сразу зубная боль. Всё просто: богат тот, у кого есть деньги. А у меня их столько, что они даже размножаются самопроизвольно, вегетативным способом. Поскольку вы теперь на мели, я предлагаю вам работу по вашей специальности: запечатлейте мой образ для потомков. И мне будет утешительно, и вам лишняя денежка не повредит. Ну, как?

Я сказал, что он обратился не по адресу: для создания портрета ему надобен живописец или фотограф.

- Мне лучше знать, кто мне нужен, - отвечал этот денежный человек. - Вот Фурманов написал про Чапаева, а сколько героев гражданской войны осталось в неизвестности! Василию Иванычу повезло: встретил писателя. Может, и мне повезло: я встретил вас. А у меня правило: из каждого житейского случая извлекать выгоду.

В электричке мы совершенно случайно оказались рядом, а заговорили где-то на полпути от Москвы до Ямуги. Странно, что этот сос-

тоятельный человек ехал в электричке, а не в дорогом автомобиле. Наверно, это была его прихоть.

- Сколько времени займет написание романа? - деловито спрашивал он. - Я имею в виду не такой, как «Война и мир», а вот, к примеру, как про Чапаева.

Я сказал, что Фурманову для этого понадобится, как минимум, гражданская война, а не двухчасовое сидение в электричке.

- Что, не получится романа? - озаботился он. - Тогда, может быть, вот как Тургенев про Муму написал. Неужели я и на «Муму» не потяну?

- Вы-то, может быть, и потянете, да я-то не Тургенев!

- Ладно вам прибедняться! - сказал он, нахмурясь. - Печатаетесь в столичных журналах... Что вам стоит написать книжку хотя бы в сто страниц! Сколько на это уйдет времени?

Я призадумался: как-никак мне предлагали создать нечто классическое... на уровне Тургенева или хотя бы Фурманова. Да ещё и о сроках спрашивают...

- Если речь идет о графоманском сочинении, то работы на пару дней, - сказал я тоном плотника, который подряжается срубить баньку. - А если надо написать более или менее художественно, то... по-видимому, на год работы. Да и то, как тут ручаться за успех!

- Сто страниц за год? По странице в четыре дня? Десяток строчек за смену? Вы намерены работать с прохладцей.

Подрядчик мой усмехнулся.

- Десять строк - это по крайней мере десяток страниц черновиков, - пояснил я. - Это бессонная ночь, разбитый вдребезги день, полное изнеможение, головная боль и прочее.

- Да? - произнес он тихо и озадаченно.

- А вы как думали! Вот Гоголь писал первый том «Мертвых душ» шесть лет. В поэме этой, помнится, три сотни страниц. Значит, по пятьдесят страниц в год, то есть в среднем по пять-шесть строчек в день.

- Да? - опять озадаченно сказал он. - Ишь ты... А что, верно. Хорошего много не бывает.

- И перед вами не Гоголь, - опять напомнил я.

Неподалеку от нас стояли и покуривали двое парней, и я только

потом сообразил, что они имеют какое-то отношение к моему собеседнику. Впрочем, они не слушали нас.

А вокруг был весенний лес в молодой листве, не умолкающий птичий щебет, ласковый ветерок веял.

Если б не этот попутчик, сошедший вместе со мной с электрички и возжелавший стать героем литературного произведения, я прогулялся бы вон по тем мосточкам, посидел на знакомой поляне, слушая звуки лесной жизни. Затем, собственно, я и сошел именно в Ямуге, а мог бы доехать и до Решетникова - там отходит от главной магистрали ветка на Новую Корчеву. Однако вот попался заказчик литературного портрета...

Кстати, до сих пор я не знал ни имени его, ни фамилии, таково уж было наше дорожное знакомство, но тут, на платформе Ямуги, он назвал себя: Кубаров Игорь Витальевич. Назвался, будучи уже уверенным, что я соглашусь на его предложение.

А почему бы в самом деле мне не написать о нём? Передо мной стоял современный преуспевающий человек, деньги в его кошельке, вишь, размножаются самопроизвольно, делением и почкованием. Может быть, получится любопытный портрет.

- Так и быть, я напишу о вас рассказ, - сказал я.

- Повесть, - поправил он, - чтоб вышло посолидней.

- Ладно, маленькую повесть. Чтоб не напрягаться, объёмом... ну, скажем, десять-пятнадцать книжных страниц. Это немало, поверьте!

- Что за книга в десяток страниц! - запротестовал он.

- Мы опубликуем это в столичном журнале, поместим в Интернет, - убеждал я его. - О вас будут читать во всём мире!

- Ну, хорошо, - подумав, согласился он. - Только давайте поскорее, порасторопнее, не затягивайте это дело.

- Срок исполнения - три месяца.

- Два, - поправил он.

- Как получится... Может быть, потребуется вдвое больше времени: там будет отображен ваш внешний и внутренний облик, насколько это в моих силах, перечислены ваши деяния, какие пожелаете увековечить, имена предков, друзей, жён, любовниц... собутыльников и сокамерников...

- Это ж не групповой портрет, - возразил он, не обидевшись на «сокамерников». - Только я, и больше никого!

Тут подошла новокорчевская электричка, и я, уже садясь в вагон, торопливо договаривал:

- Значит, так: если вы меня нанимаете на работу, то будете ежемесячно платить мне жалованье... ну, скажем, на уровне зарплаты машиниста этой электрички.

Двери вагона сомкнулись, разделяя нас.

Пока я шёл по вагону, ища свободного места, его лицо плыло в окнах, удаляясь. На нём было такое выражение, словно он хочет ещё о чем-то спросить, и досадует, что не успел: адреса своего я ему не дал, вот что! Ничего, коли и впрямь понадобится, найдёт.

Я же был доволен завершением нашей беседы: он пошутил, и я пошутил... день весенний, отчего не повеселиться!

2.

Я так полагал, что на том наше знакомство и закончилось, что больше мы с ним никогда не увидимся. Но дня через два или три Игорь Витальевич Кубаров появился перед дверями моей квартиры в Новой Корчеве со словами:

- Я вас вычислил! Не зная ни адреса, ни телефона... Оказывается, у вас нет домашнего телефона! Как же можно без него? Вы же писатель.

- И у Тургенева не было, - напомнил я.

- Это верно, - согласился он. - Может, потому он и написал так хорошо про Муму.

Гость разделся в прихожей, не спрашивая у меня на то позволения, с любопытством рассматривал при этом на стене типографское изображение женщины, только что отрубившей голову человеку.

- За что она его так? - спросил он.

Я пояснил, что хозяйка этак обезглавила квартирного вора, застигнутого на месте преступления. Он вслух прочитал:

- «Юдифь»... Джорджоне... Ишь, как она его! Без суда и следствия.

Я пригласил гостя в свой кабинет... если, конечно, это можно назвать кабинетом.

- Я думал, писатели живут побогаче, - признался он, оглядываясь.

Книги на полках, письменный стол, стулья, шкаф, в котором и посуда, и книги; диван, на котором сплю. Рядом - комната жены, у нее уютнее, но тоже ничего лишнего.

- А что, собственно, вы ожидали увидеть? - самолюбиво спросил я. Он стал перечислять:

- Ковры на полу и на стенах.... кресла кожаные... стол письменный вдвое больше этого... Компьютер с принтером и сканером...Послушайте, а почему у вас книги на открытых полках? Знаете что, я вам куплю шкаф, вы его поставите вот сюда.

Мне стало ясно, что если ему не дать отпор сразу, потом будет труднее.

- Благодетель вы мой, - сказал я, - вас ни о чём не просят в этом доме. Это вы пришли о чём-то попросить меня, неимущего человека. Наверно, вам нужна моя помощь. Или я ошибаюсь?

- Всё понял, не дурак, - быстро ответил он. - Дурак бы не понял. Извините.

Жена вышла к нам из соседней комнаты поприветствовать гостя и тотчас ушла на кухню поставить чайник.

- Вы ещё не начали писать? - спросил он, усевшись за мой письменный стол и трогая на нём разложенные бумаги.

- Что именно?

- Мы ж договорились: повесть обо мне.

Несколько секунд я изучал его. Он был так воодушевлен, что даже похорошел.

- Разумная хозяйка начинает доить корову, лишь положив ей в ясли охапку сена или угостив корочкой хлеба, - сказал я ему наставительно.

- Всё понял, не дурак, - сказал он и быстрыми шагами вышел в прихожую.

Вернулся с чемоданчиком своим, раскрыл его, достал коробку конфет - большую, черт побери, коробку, с ленточкой и с бантиком! - бутылку коньяка, большой пласт копченого окорока в фабричной упаковке и баночки консервов, четыре штуки. Выложил всё это на край стола.

- Это просто так, гостинцы. А вот задаток, как договорились: ваше жалованье за месяц вперед, на уровне машиниста электропоезда. Ровно

через месяц, день в день, получите столько же. Потом ещё... При окончательном расчёте предполагается премия.

Такого оборота событий я, признаться, не ожидал: чтоб вот так сразу и деньги. Но невозмутимо принял их, поразмышлял немного, потом поинтересовался:

- Это чистые банкноты или на них слезы бедных, кровь невинных?

- Деньги - это деньги, и ничего более, - отвечал мой гость сурово.

- Я спрашиваю потому, что нельзя ставить церковь на средства, добытые неправедным путем, - Бог накажет. А книгу писать - дело святое, оно несовместимо с нарушением основных заповедей: не убий, не укради.

- Мой бизнес не противоречит ни Уголовному Кодексу, ни Христовым заповедям, - сказал гость, чуть принахмурясь.

Я же подумал, что не следует мне быть слишком щепетильным, поскольку в наше трудное время я, действительно, на мели. Зачем совать нос в чужие дела? От большого знания большая печаль.

- Ударим по рукам? - предложил он.

Мы ударили. А потом перешли на кухню, чтобы там отведать его гостинцы и обговорить некоторые детали предстоящего мне дела.

Во-первых, будет ли Кубаров Игорь Витальевич в моей маленькой повести под своим собственным именем или сочинить иное?

Он подумал и решил:

- Замените в фамилии одну или две буквы, любые. Впрочем, можно и так, как есть.

Во-вторых, намерен ли он позировать для своего портрета, то есть показывать себя в деле, в умной беседе, или мне нужно напрягать воображение?

- Да ведь мы уже общались, - неуверенно сказал он.

- Этого вполне достаточно для создания литературного портрета малой формы, - заверил я.

Он удовлетворённо кивнул, и мы перешли к третьему: должен ли я на его образе кое-что подретушировать?

- Как это? - не понял он.

- Ну, можно ведь написать, что у вас римский нос, орлиный взгляд и статная фигура...

- Зачем приукрашивать! Фигура у меня не статная, взгляд обыкновенный, нос немного кривоват и на переносице шрам.

- Бандитский кулак с кастетом?

- Нет. Самая заурядная бытовая травма. Так и напишите. Я ж не ради рекламы - просто-напросто желаю запечатлеться в русской литературе.

- Вопросов больше нет, - заключил я.

И мы выпили по рюмочке армянского коньяка.

3.

Неделю спустя, я получил от него письмо. Кубаров по-деловому написал, что *«в таких условиях, то есть в вашей квартире-скворешнике, невозможно плодотворно работать: тесно, маловато удобств...»*, и предложил нам с женой поселиться у него на даче. Там лес кругом, тихо, никто не будет беспокоить - соседи солидные. Рядом Московское море, можно рыбу удить в порядке отдохновения...

«Для вас там и кабинет, и спальня, и столовая, и комната отдыха с бильярдом... Книг, правда, нет, но вам привезут любые, какие скажете, я распоряжусь».

Прочитав это, мы с женой поулыбались: гостить у кого-либо не в обычае у нас. То есть бывали, конечно, в гостях, но не так, чтобы с ночевкой, тем более в течение длительного времени.

«В четверг за вами приедут», - так закончил он письмо.

И верно, в ближайший четверг молодой человек в тёмных очках позвонил нам в дверь. Ну да, это был один из тех двоих, что я видел на станции Ямуга.

- Я за вами, - сказал он. - Хозяин сам хотел приехать, но не смог, занят.

Мы так рассудили: а почему бы и не погостить? Не праздности ради - ради дела! Но сначала я решил съездить на ту дачу один, посмотреть, как там и что: действительно ли благословенное место или оно таковым выглядит лишь в представлении его владельца.

4.

В то время я писал «повесть о снегах». Она увлекала меня, потому что мои герои оказывались в необычных положениях и совершали глупые или героические поступки, повергая меня самого в изумление, - их завалило снегами!

«Он влез на крышу - вытянул лестницу за собой, добрался до князька и здесь тем же порядком, что и у себя над домом, протаранил над трубой вертикальный ход наверх. Высунулся - там, наверху, по-прежнему мела метелюга по снежной равнине, белые языки вылизывали её; широкие потоки, завихряясь, мчались, обгоняя друг друга... но если раньше облака по небу несло в том же направлении, что и снег по земле, то теперь они, ставши ещё более зловецими, мчались обратно. Это встречное движение создавало фантастическую карусель и соответствовало какому-то общему замыслу, постигнуть который казалось просто невозможно...».

Это была повесть о великих русских снегах, придавивших некую местность, люди принуждены были вести подснежный образ жизни.

«Вокруг не было видно ничего, кроме белой равнины и летящих над нею белых вихрей, снежных потоков, струй. То есть простиралось во все стороны ровное поле, по которому мела буйная метелица, и не было поблизости ни деревенских крыши с трубами, ни верхушек деревьев, ни даже телевизионных антенн... Не было и низинки, в которой течёт неугомонный Вырок; исчез и Селиверстов холм, заросший кустами, и его сровняло; не видно и леса ни с одной, ни с другой стороны - ничего, только снежные языки и змеи, в бешеном стремлении летящие рваные облака, похожие, между прочим, на дым всеобщего пожарища. За облаками изредка появлялся будто бы остывший и потому голубоватый диск солнца».

Молодое лето наступило, а над моим письменным столом - следовательно, и в голове моей! - шёл снег, скрипели санные полозья, мела метель, выюга крутила... Мне казалось даже странным, что ледяные ветры оттуда не умеряют летнего зноя здесь.

5.

По пути туда молодой человек, которого звали Валерой, сказал о своем хозяине с улыбкой:

- Деревенский. И чудит по-деревенски.

Оказывается, два года назад Кубаров в родном селе, то есть там, где он провел своё детство, купил здание старой школы, в которой и сам когда-то учился. Теперь село обезлюдело, школу закрыли. А построена она была сельским богатеем ещё до первой мировой, как жилой дом для одной семьи - строение в два этажа, со светёлкой и с полуподвалом.

Богатей тот владел фабрикой да и не одной: в них валяли валенки, обжигали горшки и кринки, делали кирпич и чесали лён. Он приходился Кубарову то ли прадедом, то ли братом прадеда. В общем, родня. И вот правнук выкупил дедово гнездо, перевёз на новое, дачное место... Так рассказывал Валера.

Дом оказался вместительным - это было ясно с первого взгляда: широкие окна, на них резные ставни, остеклённая терраса, по карнизам деревянные кружева; парадное крыльцо с точёными балясинами; на самом верху - светёлка со стрельчатými окошками и остроконечной кровлей на манер колоколенки, но вместо православного креста над нею искусно вырезанный из дерева петушок. Светёлочка-то новодельная, но пришлось к месту, хотя в целом дом этот сохранил прежний облик.

Я погулял вокруг этой дачи, не заходя внутрь её. Корабельные сосны... зеленые мхи... посыпанные игольником тропинки... теньканье синиц и перекличка зябликов... плеск волны под невысоким обрывом...

Вернувшись домой, я рассказал жене о своих впечатлениях. Мы не промедлили со сборами, и уже через день исполнительный Валера приехал за нами.

На этот раз хозяин дачи встретил нас у ворот. Был он благодушен и нетерпелив: ему хотелось показать нам свои владения и увидеть наш восторг. Он провёл нас по всему дому, открывал двери комнат одну за другой, говоря не без гордости:

- Вот вам кабинет - стол просторный, кресло удобное... вот выход на веранду, можно прогуливаться или поиграть в бильярд... вот гостиная.

Мы поднялись по витой лестнице в светёлочку, постояли там, оглядывая даль и близь, и спустились в благостном состоянии духа: всё нам понравилось.

- Пойдёмте на кухню, - позвал хозяин, очень довольный произведённым на нас впечатлением.

По пути туда он опять распахивал двери:

- Это ванна, туалет... вот тут лестница в погреб, только там пока ничего нет, но скоро будут и огурчики маринованные, и грибочки солёные, и капуста квашеная, и прочее.

Кухня блистала эмалированной посудой с яркими цветами, богатой люстрой, новеньким оборудованием - холодильником, электроплитой и еще чем-то непонятного мне назначения... Хозяин нажал на кнопку - распахнулись дверцы шкафа в стене, открылись сияющие недра его, а там разноцветные бутылки.

- Что будем пить? - спросил он.

«Так в иностранных романах герои говорят: что будем пить, сэръ?»
- подумалось мне, и я спросил:

- А что вы можете предложить, сэръ?

- Коньяк, виски, сухие вина... Есть пиво чешское, баварское и наше, российское. Есть и водка, разумеется.

- А как насчет чаю, сэръ?

- Вы не употребляете крепких напитков? - удивился он. - Это не в традициях русских писателей. Неужели вы даже в торжественных случаях...

- Случается, выпью, но... редко! Что-то я не испытываю от этого радости.

- Вам надо показаться врачу, - сказал он озабоченно. - Как так? Питье не радует - это ненормально. Однако же давайте попируем не здесь, а на просторе, под соснами. Там всё-таки вольней дышится.

Мы расположились в плетёных креслах под раскидистой сосной. На столике перед нами появилась батарея бутылок разного вида, копчёная колбаса, пласты сёмги, икра черная и красная, заморские фрукты. Всё это хозяин выставлял и выкладывал сам, Валера куда-то исчез.

- Давайте поговорим о делах литературных, - предложил хозяин, разливая по бокалам кому вино, а кому коньяк.

- Вы имеете в виду работу над вашим портретом? - уточнил я и предложил ознакомить его с началом маленькой повести о нём, в порядке, так сказать, контрольного отчета исполнителя перед работодателем.

Он оживился от моей шутки. Я достал несколько листочков рукописи и прочел от слов «*Мы стояли на железнодорожной платформе станции Ямуга...*» до того места, где «*Двери вагона сомкнулись, разделяя нас...*». Герой повести слушал внимательно, не забывая, впрочем, наливать себе в бокал, а когда я кончил читать, спросил этак размышляюще:

- Интересно, почему вы начали не с того, как мы сели в Москве в электричку и оказались соседями. Там у нас была интересная беседа. Сначала вы разговаривали с женщиной, сидевшей рядом с вами, а та держала в руках книжку с развратной картинкой на обложке.

Так было. Я удивился: женщина в почтенном возрасте, что её привлекло в том чтиве?

- А потом мы с вами немножко поспорили. Я сказал, что не понимаю, зачем пишутся книги. Ведь уже написано чёрт-те сколько, не прочитать. Явное перепроизводство! А вы вступились за честь писательского мундира.

Верно, было так. Я ему объяснил: жизнь совершается поступательно, можно сказать, идёт вперёд, требуется осмысление, кому её и осмыслить, как не нарождающимся писателям в их новых книгах?

- Я вас, конечно, задел за живое, потому мы и заспорили. Может, как раз это нужно для закваски? Что, если начать оттуда?

- Очень уж издалека, - возразил я.

- А пусть читают!

- Мужчина слишком долгим ухаживанием рискует потерять благосклонность женщины, - сказал я, - а писатель длинным предисловием быстро наскучит читателю.

К моему удивлению, выпив бутылку коньяка под разговор о делах сугубо творческих, Кубаров почти не опьянел. Я даже выразил по этому поводу удивление.

- Практика! - сказал он. - Еще с Магадана.

Про его Магадан мне было известно только то, что он там работал и вроде бы даже в золотоискательской артели, на чём и разбогател стремительно... а подробностями я не интересовался.

- У вас там внешность моя не описана, - сказал он. - В девятнадцатом веке - а это ведь золотой век нашей литературы! - начинали как раз с внешности: вошел господин, одетый в то-то и то-то, причесанный вот этак... и сразу портрет, верно?

Мне нравятся подобные разговоры, и мы очень живо порассуждали о портретных характеристиках и их значении в художественном произведении.

6.

Жаркое лето воцарилось вокруг дачи, в которой мы жили. Лес окружал нас - знойный, роскошный лес с птичьим гомоном, смоляным запахом, с ветерком из багульниковых низин.

Обстановка эта заставила меня отодвинуть рукопись о «русских снегах» и переключиться на другую - роман о временах далёких, как я их себе представлял - то было время, когда приходил на Русь апостол Андрей. Герои романа моего расселились широко по Великой Русской равнине, я с трудом управлялся с ними, их было не менее двух сотен: земледельцы, бортники, рыбаки... язычники! Обитали они в лесах непролазных, по берегам рек и озёр рыбных.

А начиналось-то повествование с полужаузы:

«...бысть знамение на небеси - бяху на востоце три солнца, а четвертое на западе».

То не мои слова - из старинной книги извлечены. Меня поражала красочность описаний в той книге.

«День тот был до полудня красен вельми, а в полдень помрачилась грозно закатная сторона неба, надвинулись тучи и разбушевались силы небесные в гневе или буйном веселии...».

Великие несчастья пали на Русь, куда направлялся апостол Андрей. Наступил разброд в людях - не знали они в страхе, которому солнцу молиться, потому ждали великой беды, которая и не замедлила прийти: злой демон именем Лют, он же Мор, он же Лютомор, то ли сам разгневался на людей, то ли, исполняя волю Чернобога, стал карать всех подряд смертью без жалости и без разбора...

«Стояла невеликая слободка названием Лотошино на берегу широкой заводи, что у реки Оцы. В слободке той было восемь изб и три землянки. Жили все меж собой дружно, согласно, советно - сеяли рожь и жито, ловили рыбу, собирали урожаи лесные и болотные, дикого зверя били - лосей да тура да вепря, добывали зверя пушного - горностаю, белку, лисицу, бобра...

У Гостиаты была жилистая изба под соломенной крышей, старая мать в ней хозяйкой... была жена и детки - шестеро, а рядом добрые шабры-соседи: Крик Тыртов, Семьон, Несвит, двое братьев - Жабка и Трубец...

Но пришел Лютомор, и никого не стало.

Началось с того, что Несвит принес от дальней родни своей Лютоморовых бесей, те скакнули на других... Вымирили семьями. Крик Тыртов и братья Жабка да Трубец ушли с женами и детьми куда глаза глядят - в глушь, в леса. Иные не успели, немочь одолела. Он, Гостиата Лыков, ходил из избы в избу, помогал, чем мог: утешал словом, приносил водицы... И у самого поразились жена и дети, умирали на его глазах.

Потом ударило и Гостиату между крыльцами. На второй день болезни, собрав остатки сил и превозмогая крайнее страдание, он обошел всех - никого уже не осталось живых. Он поджигал дома, помогая умершим переселиться на небеса, к богу Вышнему, поджег и собственное жилье...

Жар его томил... в голове мутилось... Вышел к реке напиться, зачерпнул водицы, поскользнулся на мостках...».

Таково было повествование о времени давнем-давнем.

7.

Больше всего мне нравилось сидеть в светёлке - там было тесненько, но светло даже в пасмурный день. В ней стояло удобное кресло и столик типа журнального - не писать, а читать хорошо; тут посещали меня только хорошие мысли. Именно здесь наскоро я набросал продолжение моего легкомысленного повествования о Кубарове, хозяине дачи, да и тотчас забыл о нём.

Отсюда был виден лес во все стороны, Волга с плывущими по ней теплоходами или парусными яхтами; крыши соседских дач проглядывали в кронах сосен и елей.

После нашего дружеского застолья хозяин не появлялся на своей даче довольно долго. Я же настолько вжился в события своего исторического романа и так погружен был в них, что с недоумением уставился на автомашину, въехавшую в дачные владения, уже ставшие теперь «моими». А из автомашины вышел сам хозяин дачи, усталой походкой пошел к крыльцу.

- На Колыме был, - объяснил он свое долгое отсутствие. - И на Камчатке... чуть на Аляску не перекинулся!

Залез в ванну, плескался там, вышел оттуда в богатом халате, извинился перед моей женой:

- Вы разрешите мне так, по-домашнему?

Мы опять расположились под соснами с теми же винами и закусками. После разговора о том, о сём Кубаров поинтересовался, как идет у меня работа.

- Жиденькая получается повестушка, - пожаловался я. - В ней ничего не происходит. Ну, приехал мой герой, потом уехал... Подвигов не совершает, мудрых речей не произносит.

- Не отчаивайтесь, - подбодрил он весело, - Муки творчества - это прекрасно. А мудрых-то рассуждений я и от вас не слышал.

- Герой не я, а вы. А что до меня, то... Пушкин говорил: прозаик должен быть немного глуповат, даже если это Лев Толстой.

- Ишь ты как он про Толстого-то! - подивился Кубаров.

Я решил прочесть ему продолжение повести от «Я так полагал, что на том наше знакомство и закончилось...». Он несколько раз смеялся, приговаривая:

- Все правильно... все так.

Я остановился на том месте, где описывался внешний вид его дачи. Кубаров сказал:

- Не знаю, чем вы недовольны. Мне нравится.

- Насколько я понимаю, - сказала моя жена, - главные-то события вашей жизни остаются за рамками повествования.

- А бог с ними, с главными-то! - весело отозвался он. - Обойдемся

без них. Кто знает, что главное, а что второстепенное. Вот сидим мы под сосной, ветерок веет, дятел-желна - слышите? - автоматными очередями долбит вон там, кукушечка вдали - слышите? - кукует... Это и есть главное.

Поскольку мой работодатель столь одобрительно отозвался о результатах моего труда, я решил, что оставлю всё так, как написано, не надо ничего править.

- А как вы назовете это сочинение с моим портретом? – поинтересовался он.

- М-м... В самом деле, как назвать... А давайте так: «Герой нашего времени». Просто и со вкусом.

- Лермонтов обидится.

- Мы ему ничего не скажем, а он не догадается прочитать.

Мы условились, что я поставлю заголовком повести название станции, на которой мы с ним заключили наш договор - «Ямуга».

8.

Через неделю он приехал не один, а с целой компанией крепких молодых парней. О чём-то они жарко спорили, стоя возле гаража. Судя по всему, нехороший был у них разговор. Слов я не слышал, но выражение лиц этих у споривших насторожили меня. Парни уехали, а Кубаров поднялся по лестнице ко мне в светёлку. Был он чем-то раздражён, на мой вопрос о причине раздражения сказал, махнув рукой:

- Да так... пустые хлопоты.

Чтоб хоть немного развлечь его, я прочитал ему описание того, как он показывает мне свою дачу и о том, как мы сидели в плетёных креслах под соснами и обсуждали роль портретных характеристик в художественном произведении.

- Тут я, вроде бы как умным смотрюсь, что-то понимающим в литературе, - удовлетворённо сказал он. - Так что давайте поподробнее.

- А чего размазывать кашу по киселю! - возразил я. - У литературного произведения свои законы. Промедление с развязкой смерти подобно. Завтра я готов буду прочитать вам конец повести - о том, как мы покидаем вашу дачу, как расстаёмся с вами.

- А нельзя ли закончить вашу повесть на хорошей ноте? - спросил он. - Ну, так, чтоб у читателя возникла симпатия к человеку на портрете, то есть ко мне.

- Она неизбежно возникнет, - заверил я. - Как же иначе! Герой моей повести великодушен, добр, приветлив, деловит... хлебосолен! Он самым благородным образом пригласил в гости неимущего литератора... обласкал, можно сказать, пригрел на своей груди.

Тут мы согласно посмеялись. Даже повеселел он и заявил:

- Как хотите, а нужен благополучный конец. Бодрый такой, жизнеутверждающий...

- В духе социалистического реализма, - подсказал я.

Он не обратил внимания на мой иронический тон.

- Надо, чтоб после прочтения на душе осталось радостное чувство. Помните, у Пушкина? *«И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал»*. Давайте выпьем за Пушкина.

На этот раз я тоже выпил коньячку и, должно быть, потому предложил закончить повествование так: главного героя убивают бандиты.

- Я не стану описывать страшную сцену убийства, просто напишу: пришел Валера и сказал: «Хозяина застрелили... до свиданья вам».

Кубаров задумался, потом отверг эту идею:

- Не надо искушать судьбу. Вы этак накликаете на меня беду. Вы - опасный человек.

То ли в шутку сказал, то ли всерьез. Наверно, пошутил.

- Трагический конец очень украсил бы сюжет, - сожалел, сказал я. - А вас, Игорь Витальевич, сделал бы истинно героем. А потом - это ж в духе нашего времени: писатели да артисты самоубиваются, а вашего брата, предпринимателя, отстреливают, как зверей с ценной шкурой.

- Ты слишком жесток, - укорила меня жена.

- Профессия такая, - объяснил я. - Обрати внимание: Шекспир неустанно умерщвлял своих героев. Посчитай, сколько трупов хотя бы в «Гамлете» или «Короле Лире».

- А Достоевский двух старушек уколошил в «Преступлении и наказании», - подсказал Кубаров. - Да и Тургенев хорош: Муму утопил.

Тут я вступился за классиков, указав на некорректность наших до-

водов.

- А давайте так, - сказал Кубаров после углубленного размышления. - Напишите, что я подарил вам эту дачу.

- Неплохая идея, - пробормотал я. - Почему бы, в самом деле, вам не подарить её? Правда, я не знаю, зачем она мне нужна.

- Как это? Вам же тут хорошо работалось. Вы думаете, зачем я поселил вас здесь? Чтоб дух творчества витал над моей дачей! Понимаете? Чтоб соседи говорили потом: тут писатель такой-то создал вот такое-то творение.

- Хозяйство моё безлошадное, - возразил я. - А владельцу этой дачи надо платить за свет, за отопление, за охрану, да ещё и налоги. Зачем мне эта головная боль!

- И всё-таки повесть надо закончить оптимистически, то есть именно так: я вам сделал такой подарок. Трудно вам, что ли, приписать пару строк! Уезжая, дескать, опять на Колыму, я вручил вам дарственную, заверенную нотариусом, и связку ключей.

Я слабо отбивался:

- Приписать можно что угодно, только кто поверит! Ну, посудите сами: с чего это деловой человек, будучи в трезвом уме и ясной памяти, подарит такую замечательную дачу совершенно чужому человеку?

- Может, и поверят, - возразил он.

Подумав, я предложил:

- Тогда конец будет такой: вы мне вручили эту самую дарственную с печатями, а на другой же день приехали крепкие ребята, взяли меня за горло, наставили на меня пистолет, и я подписал дарственную на имя одного из них. Идет?

- Нет, конец всё-таки должен быть счастливым.

Теперь задумался я. И было о чем! Почти два месяца меня пригласили на этой даче, дорогими винами поили, деликатесами кормили. Ведь не бог вещь что от меня просят! Всего-то - приписать три-четыре строчки...

И я согласился.

9.

Так оно и было бы сделано, согласно воле заказчика. Но история эта помимо моей авторской воли всё-таки завершилась трагически.

Видите ли, вскоре после того, как мы с женой вернулись к себе домой, в Новую Корчеву, к нам докатилась поразившая нас весть: Игорь Витальевич Кубаров убит... застрелен на железнодорожной платформе станции Ямуга. Мало того: дача его сгорела дотла.

Подозреваю, что моя маленькая повесть о нём - единственный след, оставшийся от жизни этого человека.

1996 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ:

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН

КНИГИ:

- 1. ЯСНЫЕ ДАЛИ, повести и рассказы - М.: Московский рабочий, 1971.**
- 2. НА МОЕЙ ЗЕМЛЕ, повести - М.: Современник, 1973.**
- 3. ХОЗЯИН, повести - М.: Молодая гвардия, 1974.**
- 4. В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА, повесть - Л.: Лениздат, 1975.**
- 5. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ, повести - М.: Современник, 1978.**
- 6. ПОРЕЧЬЕ, повести - М.: Современник, 1981.**
- 7. ХОРОШО ЖИВУ, повести и рассказы - М.: Советский писатель, 1982.**
- 8. МАСТЕРА, роман - М.: Молодая гвардия, 1984.**
- 9. ЯСНЫЕ ДНИ, повести - М.: Советская Россия, 1985.**
- 10. СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ, повести - М.: Современник, 1986.**
- 11. ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ, повести - М.: Советский писатель, 1990.**
- 12. ВЕЛИКИЙ МОСТ, повести - М.: Современник, 1990.**
- 13. ТЁПЛЫЙ ПЕРЕУЛОК, повесть - М.: Детская литература, 1990.**
- 14. РУССКИЕ СНЕГА, повести - Тверь.: Тверское издательство, 1998**
- 15. Полное собрание художественных произведений в 14-ти томах - Тверь.: Наука и культура, 2010.**

РОМАНЫ И ПОВЕСТИ В ЖУРНАЛАХ:

- 1. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...**, повесть - «НЕВА», №7 – 1968.
- 2. ХОЗЯИН**, повесть - «ОКТЯБРЬ», №7 – 1969.
- 3. ЯСНЫЕ ДНИ**, повесть - «ЗНАМЯ», №9 – 1970.
- 4. ХОРОШО ЖИВУ**, повесть - «ЗВЕЗДА», №9 – 1977
- 5. ТРОПИНКИ НАШЕГО ДЕТСТВА**, повесть - «ВОЛГА», №3 – 1978.
- 6. СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ**, повесть без вымысла - «ВОЛГА», №1-1980.
- 7. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОГНЯ**, роман - «ВОЛГА», №№11,12 – 1983.
- 8. РЕКА ЗАБВЕНИЯ**, повесть - «СЕВЕР», №1 – 1984.
- 9. ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ**, повесть - «НОВЫЙ МИР», №8 – 1989.
- 10. ОНИ НАСТУПАЮТ**, повесть - «ВОЛГА», №№7 и 8 – 1990.
- 11. НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ**, повесть - «НЕВА», №7 – 1990.
- 12. ВАЛЕНКИ**, повесть - «НОВЫЙ МИР», №4 – 1992.
- 13. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЖИЗНИ**, повесть - «ЗНАМЯ», №12 – 1992.
- 14. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №1 – 1993.
- 15. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ**, повесть - «МОСКВА», №12 – 1993.
- 16. ВРЕМЯ НОЛЬ**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» №2 – 1994.
- 17. ХУТОРОК**, повесть - «ДЯДЯ ВАНЯ», литературный альманах Чеховского общ-ва, №2 – 1994.
- 18. ДИКИЙ РЫНОК**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» №1 – 1995.
- 19. ПУСТОШЬ**, повесть - «БЕЖИН ЛУГ», №2 – 1995.

- 20. ПРИВЕТ, СТАРИК!**, повесть - «ДЯДЯ ВАНЯ», лит. альманах Чеховского общ-ва, №1 – 1995.
- 21. РУССКИЕ СНЕГА**, роман - «МОСКВА», №9 – 1996.
- 22. ПУСТОШЬ**, повесть - «ВОЛГА», №11-12 – 1996.
- 23. НОВАЯ КОРЧЕВА**, очерки - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №4 – 1996.
- 24. НОВАЯ КОРЧЕВА**, очерки - «НОВЫЙ МИР», №2 – 1997.
- 25. ДЕЛО СВЯТОЕ**, повесть - «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК», №2 – 1997.
- 26. ДЕЛО СВЯТОЕ**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 – 1997.
- 27. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ**, повесть - «МОСКВА», №12 - 1997.
- 28. ХОЛОПКА**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 - 2000.
- 29. ХУТОРОК**, повесть - «НЕВА», №11 - 2000.
- 30. ПРО ПОЛКОВНИКА**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 - 2001.
- 31. ПРИВЕТ, СТАРИК!**, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №4-2002.
- 32. РУССКИЕ СНЕГА**, роман - «РОМАН-ГАЗЕТА», №3 - 2004.
- 33. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ**, повесть - «ДОН», №6 - 2004.
- 34. ВРЕМЯ НОЛЬ**, повесть - «ДОН», №5 - 2005.
- 35. ПРИВЕТ, СТАРИК!**, повесть - «ДОН», №2 - 2006.
- 36. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ**, повесть - «НАШ СОВРЕМЕННИК», № 8 - 2006.
- 37. ПРО ПОЛКОВНИКА**, повесть - «ПОДЪЁМ», № 9 - 2006.

38. ПИСЬМЕНА, роман - «ДОН», № 10 - 12 за 2006, № 1 - 2 за 2007.

39. ХОЛОПКА, повесть - «РУССКИЙ ПУТЬ №2(11) - 2006.

40. ДЕЛО СВЯТОЕ, повесть - «ПОДЪЁМ», №4 - 2007.

41. ЯМУГА, повесть - «НАШ СОВРЕМЕННИК», №1 – 2008.

42. ХОЛОПКА, повесть - «ПОДЪЁМ», №4 - 2008.

43. ВРЕМЯ НОЛЬ, повесть - «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
(Минск), №4 - 2008.

44. ТРУБА ЗОВЁТ, повесть - «ПОДЪЁМ», №2 - 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Краткая биография	3
Дело святое (романтическая повесть)	5
Грибы с глазами (повесть)	65
У святого родника (рассказ).....	99
Самозахват (рассказ).....	114
Река слез (рассказ).....	127
Время ноль (повесть)	133
Ямуга (повесть)	152
Краткая библиография	170

Отпечатано в ГУП МО «Клинская типография»
141600, Моск. обл., г. Клин, ул. Ленина, 7.
Тел./факс 5-83-97
E-mail: 58397@mail.ru.
Заказ 3225, тираж 30.

